

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Главный редактор серии:

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ;

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2019. — № 2. — 242 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник
Московского государственного областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

———— Issued 5 times a year ————

Series editorial board
«History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Doctor of Sciences, Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-26139.

Index of the series «History and Political Sciences» according to the Union catalog «Press of Russia» 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2019. – № 2. – 242 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

150-ЛЕТИЕ Н. К. КРУПСКОЙ

Багдасарян В. Э. Н. К. КРУПСКАЯ В ФОКУСЕ БОРЬБЫ В СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ 1920-х – 1930-х ГОДОВ: УРОКИ ИСТОРИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	8
Карасева А. А. ИДЕЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ТРУДАХ Н. К. КРУПСКОЙ.....	20

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Алимджанов Б. А. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (ВЗГЛЯД ИЗ УЗБЕКИСТАНА)	28
Куликова С. Г. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА КОНСЕРВАТИЗМ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В РОССИИ.....	38
Яковлев Н. А. ПОНЯТИЕ «ДВОЕВЛАСТИЯ» В СПРАВОЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СООТВЕТСТВИИ С НОВЫМ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО СТАНДАРТА (УМК ИКС)	51
Семёнова В. К. СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В АВСТРИИ В 1945 ГОДУ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТРАНЫ ОТ ФАШИЗМА В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	59
Иванушкин А. С. СИРИЯ 1963–1971 гг.: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	71

Всеобщая история

Бруз В. В. ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОБЫТИЙ 1968 ГОДА В ЧЕХОСЛОВАКИИ	83
Давыдова Ю. А., Кокоулина О. П., Денисенкова Н. Н. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОТНОШЕНИЯ С КИТАЕМ.....	95
Воронкова Д. О. КОРРЕКТИРОВКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА КНР В ХОДЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ».....	103

Отечественная история

Белоусов А. С. ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ АЗОВА В 1736 Г.: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА	114
Павлина Т. В. РЕВИЗИИ БАКИНСКОЙ ТАМОЖНИ И «ПЛАН ФИНАНСОВ» М. М. СПЕРАНСКОГО ...	127
Соколов А. С. ОТ ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА К ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ	134
Линец С. И., Маслова О. Б., Рутковская М. В. «ОТКРЫВАЙТЕ ЦЕРКВИ И МЕЧЕТИ!»: НЕМЕЦКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1942–1943 гг.).....	142
Горлов В. Н. ХРУЩЁВСКИЕ ДОМА-КОММУНЫ В 1960-е ГОДЫ	155

Попов А. Д. ОТ «ШКОЛЫ МУЖЕСТВА» К ИСТОЧНИКУ ЗДОРОВЬЯ И РАДОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ЛЫЖНОГО ТУРИЗМА В СССР.....	160
--	-----

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Зверева В. С. КИТАЙ НА ПРОСТОРАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ.....	171
Чжан Чжань ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	184
Арсанова Т. Е. КОНСТРУКТИВНАЯ РОЛЬ ЮНЕСКО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	193
Го Чанчао РИК (РОССИЯ – ИНДИЯ – КИТАЙ) В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ	202
Васильев А. М., Жерлицына Н. А. ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СМИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ	210
Сун Ифань ШОС И БРИКС: ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИ УЧАСТИИ КИТАЯ И РОССИИ	222
Сунь Юэхуацзю ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН БРИКС: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ	229

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Орлов И. Б. ОБРАЗ КРУПСКОЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.Э. БАГДАСАРЯНА «КРУПСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА» (М.: МГОУ, 2019. 180 С.)	237
--	-----

CONTENTS

ON THE 150TH BIRTHDAY OF N.K. KRUPSKAYA

- V. Bagdasaryan.** N. K. KRUPSKAYA IN THE CONTEXT OF CONFLICT IN SOVIET PEDAGOGY IN THE 1920S–1930S: HISTORY LESSONS FOR FORMING THE STRATEGIES OF EDUCATIONAL POLICY 8
- A. Karaseva.** IDEA OF PUBLIC EDUCATION IN THE WORKS OF N. K. KRUPSKAYA 20

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

- B. Alimdjanov.** PROBLEMS OF REGIONAL HISTORY: A VIEW FROM UZBEKISTAN 28
- S. Kulikova.** EVOLUTION OF RESEARCHERS' VIEWS ON CONSERVATISM: FORMULATION OF A ZEMSTVO CONSERVATISM PROBLEM IN RUSSIA 38
- N. Yakovlev.** THE CONCEPT OF "DUAL POWER" IN THE REFERENCE AND EDUCATIONAL LITERATURE IN ACCORDANCE WITH THE NEW EDUCATIONAL-METHODICAL COMPLEX OF HISTORICAL AND CULTURAL STANDARD 51
- V. Semenova.** SOVIET POLICY IN AUSTRIA IN 1945 AFTER LIBERATING THE COUNTRY FROM FASCISM: PERSPECTIVE OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY 59
- A. Ivanoushkin.** SYRIA IN 1963–1971: THE EVOLUTION OF IDEOLOGY AND FOREIGN POLICY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY 71

General History

- V. Bruz.** HISTORICAL EVALUATION OF THE EVENTS OF 1968 IN CZECHOSLOVAKIA 83
- Yu. Davydova, O. Kokoulina, N. Denisenkova.** US FOREIGN POLICY AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: RELATIONS WITH CHINA 95
- D. Voronkova.** THE ADJUSTMENT OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF ARAB SPRING 103

Native History

- S. Belousov.** THE NAVY DURING THE SIEGE OF AZOV IN 1736: A NEW STAGE OF DEVELOPMENT FOR RUSSIAN MILITARY ART 114
- T. Pavlina.** AUDITS OF BAKU CUSTOMS OFFICES AND THE "FINANCIAL PLAN" OF M. M. SPERANSKY 127
- A. Sokolov.** FROM THE PETROGRAD MILITARY REVOLUTIONARY COMMITTEE TO THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION 134
- S. Linets, O. Maslova, M. Rutkovskaya.** "OPEN CHURCHES AND MOSQUES!": GERMAN OCCUPATION AND RELIGIOUS CONFESSIONS IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1942–1943) 142
- V. Gorlov.** KHRUSHCHEV HOUSE-COMMUNES IN THE 1960S 155

A. Popov. FROM "THE SCHOOL OF COURAGE" TO THE SOURCE OF HEALTH AND JOY: EVOLUTION OF SKI TOURISM IN THE USSR	160
--	-----

SECTION II POLITOLOGY

V. Zvereva. CHINA'S PRESENCE IN LATIN AMERICA: PRESENT-DAY GEOPOLITICAL REALITIES ...	171
Zhang Zhan. CHINA'S ENVIRONMENTAL POLICY AND THE IMPLEMENTATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS	184
T. Arsanova. CONSTRUCTIVE ROLE OF UNESCO IN THE MIDDLE EAST	193
Go Changchao. RIC (RUSSIA – INDIA – CHINA) IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS: ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES	202
A. Vasiliev, N. Zherlitsina. DYNAMICS OF PUBLIC POLICY ON MASS MEDIA IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA REGION	210
Sun Yifan. SCO AND BRICS: PROSPECTS OF EURASIAN INTEGRATION WITH THE PARTICIPATION OF CHINA AND RUSSIA	222
Sun Yuehuatsyu. INTERACTION BETWEEN THE BRICS COUNTRIES: ACHIEVEMENTS AND ISSUES	229

SCIENTIFIC LIFE

I. Orlov. THE IMAGE OF KRUPSKAYA IN THE CONTEXT OF HISTORICAL TIME: A REVIEW OF THE BOOK BY V. E. BAGDASARYAN "KRUPSKAYA AND THE PEDAGOGICAL ERA" (M.: MGOU, 2019. 180 P.)	237
---	-----

150-ЛЕТИЕ Н. К. КРУПСКОЙ

УДК 930:37.014

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-8-19

Н. К. КРУПСКАЯ В ФОКУСЕ БОРЬБЫ В СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ 1920-х – 1930-х ГОДОВ: УРОКИ ИСТОРИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Багдасарян В. Э.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Актуальность представленной статьи определяется соотношением содержания современной дискуссии о развитии российского образования с педагогической дискуссией 1920-х – 1930-х гг. Прослеживается столкновение в послереволюционный период левокоммунистической и неоклассической платформ в советской педагогике. Фигура Надежды Константиновны Крупской как педагогического теоретика и идеолога рассматривается в контексте этой борьбы. Позиция Крупской интерпретируется в качестве сторонника педагогических экспериментов. Проводятся параллели в ее воззрениях и практике советской школы с современными инновациями в российском образовании – практико-ориентированным подходом, методом проектов, метапредметными связями, модернизированным учебником, концептом свободного воспитания. Прослеживается влияние на педагогические взгляды Крупской американской педагогики дьюистского направления. Анализируются причины неудач педагогического эксперимента в 1920-е – начале 1930-х гг. в качестве уроков истории для современного российского образования.

Ключевые слова: Н. К. Крупская, педагогика, образование, советская школа, левореволюционное направление, неоклассическое направление, педагогический эксперимент, коллективистское воспитание, СССР.

N. K. KRUPSKAYA IN THE CONTEXT OF CONFLICT IN SOVIET PEDAGOGY IN THE 1920s – 1930s: HISTORY LESSONS FOR FORMING THE STRATEGIES OF EDUCATIONAL POLICY

V. Bagdasaryan

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. In this article, the current discussion on the development of Russian education is correlated with the pedagogical discussion of the 1920s–1930s. A clash between the left-communist and neoclassical Soviet pedagogical movements in the post-revolutionary period is identified. In this context, the figure of Nadezhda K. Krupskaya as a pedagogical theorist and ideologist is considered. Krupskaya's position is interpreted as that of a supporter of pedagogical experiments. Parallels are made between her views, the practices of the Soviet school and current innovations in Russian education – a practice-oriented approach, project-based learning, metasubject education, modernized textbooks, a concept of natural learning. The influence of American pedagogy, namely J. Dewey's philosophy of education, on Krupskaya's pedagogical views is shown. Reasons for the failure of the pedagogical experiment in the 1920s – early 1930s are studied as history lessons for modern Russian education.

Keywords: N. Krupskaya, pedagogy, education, Soviet school, left-revolutionary movement, neoclassical movement, pedagogical experiment, collectivist education, USSR.

Актуальность исследовательского обращения к педагогическим воззрениям Н. К. Крупской

Обращение к фигуре Н. К. Крупской, занимавшей видные позиции в руководстве советским образованием и влиявшей в значительной мере на формирование базовых подходов государства и партии в сфере педагогики, вновь актуализируется сегодня в контексте возникающих дискуссий о будущем школы. В фокусе критики оказывается существующая на сегодняшний день модель школы, характеризующаяся как школа знаний. Эта школа соотносится в целом с гумбольдтовской системой образования. Ее чертами, трактуемыми критиками как архаические, выступают школьная дисциплина, стандартизированные учебники, учителя в классической функции пе-

дагогов, классно-урочная система, домашние задания, ученические парты и т.п. Катализатором дискуссий стало развитие новых технологий, инициирование дискурса о переходе к цифровой экономике, развитие феномена онлайн-обучения¹ [2].

Сталкиваются в пространстве дискуссии две парадигмы: первая выражает установку трансформации общества под перспективы информационного общества, с принципиальным изменением самой институции школы, трансформируемой в направлении индивидуализации, виртуали-

¹ См. также видеоматериалы: «Герман Греф выступил на семинаре для директоров школ Подмосковья» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Pxlrlk4PBGU>) и «Открытую лекцию А. Волкова, ректора МШУ «Сколково»» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=53TXjh0JeN4>).

зации и глобализации; вторая выстраивается на принципах охранительства классической модели, исходит из скептического отношения к педагогическим экспериментам, как подрыву основ образовательного процесса. Можно условно говорить об отражении в вопросе о будущем образования столкновения парадигм модерна и постмодерна.

Ретроспективный анализ выносимых в ходе дискуссии проблем и подходов обнаруживает в значительной мере их совпадение с содержанием общественно-педагогического дискурса 1920-х – 1930-х гг. Более того, ряд тех идей, которые сегодня предлагается взять за основу реформ образовательной системы, уже внедрялись в практику реформирования образования и школы, в частности в 1920-х гг. Одни из реализуемых экспериментов оказались успешными, другие дали отрицательный результат. Игнорирование уроков этих реформ по отношению к современным вызовам реформирования системы образования было бы безответственным разбазариванием исторического опыта.

Надежда Константиновна Крупская представляла реформаторское направление в образование и педагогике. Она не была в нем фигурой ультрарадикальной и не принимала, в частности, концепта «отмирания школы», популярного в левой части педагогической общественности [18, с. 405; 5]. Но все-таки ее позиция, сформировавшаяся еще в дореволюционные годы, состояла в необходимости сущностного преобразования школы в соответствии с революционным преобразованием жизни, сменой общественного строя. Классическая

школа характеризовалась Крупской в качестве школы буржуазной и рассматривалась как один из инструментов капиталистической эксплуатации. Новая школа, создаваемая в СССР, виделась ей школой создания освобожденного человека [13, с. 7]. Под антропологию коммунистического общества, по замыслу Крупской, и должен был целевым образом выстраиваться образовательный процесс. Отсюда особо большое значение, уделяемое Крупской в ее публикациях, теории и практике коллективистского воспитания. Если, рассуждала она, буржуазная школа формировала человека-индивидуалиста, а отношения, формируемые ей, строились в дихотомии раб – господин, то советская школа должна была иметь иные антропологические проекции. Вместо человека-индивидуалиста выдвигался ориентир создания человека-коллективиста, а вместо отношений раб – господин – ориентир свободной личности. Коллективистское воспитание и личностное развитие оказывалось, таким образом, в центре проекта новой образовательной системы, определяя все содержание модели [16, с. 157; 14].

При сравнении педагогических экспериментов 1920-х гг. и современных реформ в образовании требуется оговорка о принципиальном расхождении в рамках этих двух парадигм видения будущего. Крупская и ее сторонники видели будущее как победу идеалов коммунизма; современные реформаторы, при всей неопределенности в их дискурсе целевого ориентира, – как реализацию глобального неолиберального проекта. Антропологическая перспектива в этих подходах принципиально различалась.

Общее заключалось, во-первых, в глобализационном подходе, предполагающем преодоление как архаических рудиментов национальных традиционных институций в образовании и установок на воспитание в соответствии с гражданской идентичностью национальных государств; во-вторых, в критике классической системы образования, ее форм и методов, заменяемых постклассическими формами и методами. И методический инструментарий коммунистических и современных, преимущественно неолиберальных, экспериментов в педагогике, парадоксальным образом, в своем ядре совпадают. Объяснение этого состоит в оппонировании классическому образованию, выстраиванию методов от противного в отношении стандартных подходов, связываемых с классикой.

Показательно рассуждение в этой связи Крупской об исторической неизбежности трансформации школы. Семейное воспитание соотносилось с кустарным производством и было исторически упразднено ввиду перехода к новым хозяйственным укладам. Классическая школа гумбольдтовского типа возникла в контексте перехода к фабричному производству, соотносимо с требованием стандартизации. Стандартизированному производству должна была соответствовать и выстраиваемая по образовательным стандартам и унифицирующим программам школа. Однако дальнейший технологический прогресс требовал от работающего человека все больше творческих решений, индивидуальной инициативы. Прежняя школа уже не отвечала таким социальным запросам и подлежала реформированию [10, с. 184].

По большому счету, Крупская в своей исторической схеме предвосхищала логику рассуждений современных сторонников реформ в сфере образования. Различия состояли в том, что Надежда Константиновна связывала перспективу развития индивидуальных творческих потенциалов развития человека с переходом к коммунистическому обществу, тогда как неореформаторы отрицают такую перспективу и принадлежат преимущественно к приверженцам либеральной платформы.

Левокоммунисты и национал-большевики

Драма борьбы за определение путей развития советского образования в 1920-е – 1930-е гг. состояла в столкновении двух подходов левореволюционного и советского неоклассического. Это столкновение соотносилось с общим противостоянием двух направлений в партии, характеризующихся, в частности, М. С. Агурским, как лево-коммунистического и национал-большевистского. Левокоммунистическую платформу олицетворяла фигура Л. Д. Троцкого (Г. Е. Зиновьев, как глава Коминтерна и ленинградской партийной организации, также имел достаточное влияние среди левокоммунистов), правую – фигура И. В. Сталина [1]. Противоборство переносилось на все жизнеопределяющие вопросы развития советского проекта, включая вопросы образования. Троцкий поддерживал педагогические эксперименты, являлся сторонником модернизации школьной педагогики на базе фрейдо-марксизма [21; 27; 29]. Сталин, как бывший учащийся семинарии, был более консервативен, и после победы над троцкистской оп-

позицией стал в значительной мере восстанавливать «старорежимную» модель образования, которую, имея в виду советскую модернизацию, можно было бы определить как неоклассическую. Поворот к неоклассической школе был фактически начат с постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» 1931 г. [23].

Крупская по своим воззрениям, включая взгляды на педагогику, принадлежала к левокоммунистической группировке в партии. В политическом плане это выразилось в участии ее после смерти Ленина на определенном этапе в деятельности «новой оппозиции» («платформа четырех»). Имел место и личный конфликт Надежды Константиновны со Сталиным, интерпретируемый историками в разной степени связанности с политической борьбой в СССР [26]. Как левокоммунистическая платформа в педагогике, так и неоклассическая имели свои сильные и слабые стороны. Рассмотрение их столкновения в рамках педагогического дискурса эпохи само по себе актуально в перспективе выбора путей развития российского образования в будущем.

Практикоориентированный подход и концепция трудовой школы

В настоящее время рецептурой преодоления отрыва образования от запросов экономики заявляется практикоориентированный подход. Крупская, конечно, понятие «практикоориентированность», вошедшее в широкий обиход в настоящее время, использовать не могла. Но тема связанности школы с жизнью и жизненными практиками являлась одной из основных в ее педагогическом творчестве.

В этом отношении Крупская шла по стопам школы Дьюи, акцентированной на идее сближения образования с жизнью [8]. Определенное влияние на нее оказали также труды Г. Кершенштейнера [6; 10, с. 184].

Еще до революции Крупская развивала концепт «трудовой школы», прослеживая ее развитие через всю историю мировой педагогики. Трудовая школа и мыслилась Крупской как соединение школы с жизненной практикой [15].

Реформы 1930-х гг. не привели к купированию самого понятия «трудовая школа», но изменялось его содержание. В большей степени под этой вывеской стало пониматься приобщение детей к труду. Восстановление с 1932 г. классно-урочной системы создавало объективные препятствия в выстраивании системы практикоориентированного подхода, и фактически идеи дьюевской школы жизни были свернуты. Советская школа переориентировалась на преимущественное изучение теории – фундаментальных знаний, что стало ее отличительным признаком и преимуществом в соперничестве с западным образованием [25].

Ранее Крупская и сторонники левокоммунистического направления в педагогике резко критиковали дореволюционную школу за чрезмерное увлечение теоретическими построениями, характеризуемыми в качестве школьной схоластики. С начала 1930-х гг. поворот в соотношении теории и практики был сделан в пользу теоретической компоненты. И это не могло не произойти ввиду того, что сам советский проект выстраивался вокруг определенного идеологического ядра, которое должно было усваиваться

учащимися в процессе обучения (диалектический материализм – как синтез научных воззрений на природу, исторический материализм – как синтез научных воззрений на общество). Сама Крупская, отстаивая, в частности, изучение дарвиновского учения в школе, способствовала косвенно произошедшей переориентации в пользу теории.

Метод проектов

Проектный подход в настоящее время преподносится в качестве некого прорывного метода в образовании. В действительности ничего принципиально нового в методе проектов для образовательной практики в российских школах не содержится. В 1920-е гг. он использовался повсеместно и имел системообразующее значение в методике преподавания. Крупская горячо поддерживала метод проектов, предлагала его творчески адаптировать к задачам строительства коммунизма.

Надежда Константиновна являлась приверженцем современной американской педагогики и выступала за использование в советской школе апробированного в рамках ее методического инструментария, включая и метод проектов. Она встречалась с Джоном Дьюи во время визита того в СССР. Основоположник американской педагогической модели пришел, как известно, в восторг от реализации его идей в Советском Союзе [3, с. 170]. Тогда, в 1928 г., метод проектов еще применялся фактически повсеместно. Крупская вместе с тем предлагала его модернизировать, сделав акцент на коллективистскую составляющую. Учебные проекты реализовывались в советской школе коллективно, в чем виделось отличие от американских

индивидуальных проектов. Отсюда зарождение советского бригадно-лабораторного метода, являвшегося отечественной новацией в развитии дьюевской методики [18].

Однако к началу 1930-х гг. обнаружилось наличие у учащихся значительных вопиющих пробелов в знаниях. Многие элементарные основы знаний в разных областях оказались игнорированы, так как не попадали в орбиту соответствующих проектов. В результате применение метода проекта в школах в 1930-е гг. свертывается, а само обращение к педагогике Дьюи оказывается предосудительно (особенно после председательства им в комиссии, доказавшей фальсифицированность обвинений, выдвигаемых в адрес Троцкого) [28].

Метапредметные связи и метод комплексов

Новационной идеей воспринимается также сегодня развитие в обучении системы метапредметных связей. Ссылаются в этом отношении как на передовой на опыт школ Финляндии. Но и метапредметный подход в обучении имеет богатый опыт в истории отечественной педагогики. В 1920-е гг., с обращением опять-таки к системе американской педагогической школы Дьюи, он, как и метод проектов, имел системообразующее значение в советском школьном образовании. Наркомпрос популяризировал метапредметный подход под наименованием «метода комплексов». Много внимания его адаптации к реалиям советской школы уделяла и Крупская. Метод комплексов строился на установлении связей между тремя базовыми составляющими жизни – Природой, Обществом и Тру-

дом. Труды в этих отношениях отводилось определяющее место [12].

Но, как и в случае с методом проектов, формальное применение метода комплексов часто шло во вред подготовке школьников. Метапредметные связи было невозможно проследить при отсутствии базовых знаний об объектах соответствующих отношений. В результате постановлением «О начальной и средней школе» принималось решение об отказе от экспериментальных методов, как непрошедших проверку опытом. Эти методы объявлялись разрушительными для школы и объявлялись следствием принятия антиленинской платформы [23].

Модернизированные учебники, модернизированный учитель

Сегодня в среде экспертов выдвигаются идеи о целесообразности модернизации основных составляющих классической школы – модернизировать учебники, класс, учителя. В отношении учителя предлагается установка смены его ролевых функций, от роли ведущего учащихся за собой к роли мотиватора и навигатора. Обстановка класса модернизируется в направлении упразднения ученических парт, ассоциирующихся с школьной дисциплиной. От классического учебника предлагается перейти к учебникам нового типа, ориентированным в большей степени на самостоятельную исследовательскую работу ученика.

Но и все эти перечисленные экспериментальные практики присутствовали в арсенале педагогической новаций 1920-х гг. Крупская была одним из главных идеологов нововведений. Она писала об изменении роли учителя в школе нового типа. Ею подчер-

кивалась необходимость преодоления формализма в организации урока, характерного для дореволюционного времени. Большое внимание в своих статьях и выступлениях Крупская уделяла созданию качественного учебника нового типа в формате рабочих тетрадей или «рассыпных учебников» [19, с. 155–158].

К началу 1930-х гг. было обнаружено, что новыми учебниками не могут пользоваться не только ученики, но зачастую и учителя. Шли требования с мест о восстановлении классического школьного учебника. Постановлениями «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» 1932 г. и «Об учебниках для начальной и средней школы» 1933 г. фактически восстанавливалась классическая модель урока и классическая система домашней подготовки на основе учебников [24].

Теория свободного воспитания

В качестве теоретической основы современной новационной педагогики используется положение об определяющем значении в выстраивании образовательного процесса потребностей ребенка. Идти от потребностей ребенка – данная установка преподносится в настоящее время как нечто само собой разумеющееся, хотя ее очевидность признается в действительности далеко не всеми педагогическими школами. Да и сама идея свободного развития учащегося в теориях Дьюи и Монтессори (концепция автодидактики) базировалась на представлении о врожденных идеях, которое не получило в дальнейшем научного подтверждения [4; 20; 22]. Человек будет стремиться к добру и познанию ввиду наличия у него неких врожденных идей – такова была

исходная логика рассуждений сторонников свободного воспитания. Но будет ли стремиться человек к добру и познанию в том случае, если врожденных установок таких стремлений нет?

Крупская разделяла идею об определенном значении в образовательном процессе потребностей обучающегося. Еще в дореволюционные годы она самопрезентовалась как сторонница теории свободного воспитания [11, с. 166]. Из теории свободного воспитания следовали идеи борьбы с школьным бюрократизмом и формализмом. Крупская выступала принципиальным противником классной дисциплины, считая ее атрибутом буржуазной школы [9, с. 108]. По тем же соображениям она ратовала за развитие системы школьного самоуправления по аналогии с самоуправлением в американских школах [17].

На практике функционирования школ теория свободного воспитания привела к серьезным проблемам и даже кризисным ситуациям. Одной из проблем являлось нежелание значительной части учащихся самообразовываться, лень и разгильдяйство школьников. В ряде школ нормальное проведение уроков было невозможно из-за отсутствия дисциплины, широкого распространения прецедентов хулиганства [7, с. 267–268]. О сбое такого рода докладывалось с мест напрямую в ЦК. Постановлением 1935 г. «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» теория свободного воспитания фактически была отброшена. Восстанавливались критикуемые левокоммунистами режим образовательного процесса и школьная дисциплина.

Уроки поражения

Крупская и приверженцы левой экспериментальной линии в дискуссии о путях развития образования уступили сторонникам неоклассического подхода. Объективные причины поражения заключались в ряде сделанных системных ошибок.

Во-первых, была дана неверная диагностика природы человека. Теория свободного воспитания, исходящая из положений о заложенных в человеке устремлений к добру и познанию, не подтвердилась в реалиях организации образовательного процесса, приведя в том числе к проблемам в фундаментальной подготовке и управленческому хаосу.

Во-вторых, для реализации педагогических экспериментов отсутствовало необходимое количество высококвалифицированных кадров учителей. В итоге, добиваясь выдающихся результатов на экспериментальных площадках, в особых школах, новаторские методы привели к системным провалам в массовой школе.

В-третьих, в ходе левокоммунистического реформирования не была учтена цивилизационная специфика России. Левокоммунисты воспринимали эту специфику враждебно, как проявление мелкобуржуазности, вели с ней борьбу. Борьба велась в том числе и против системы патриотического воспитания, в котором виделся великодержавный шовинизм.

В-четвертых, не были учтены вызовы, связанные с внешним геополитическим давлением на СССР. Время требовало форсированной подготовки учащихся – обучения и воспитания под условия надвигающейся мировой войны. Левый эксперимент в педаго-

гике с этими условиями плохо соотносился и был объективно свернут.

Однако ряд идей в педагогическом наследии Крупской оказались востребованы и в рамках неоклассической модели школы. К ним, в частности, относились идеи коллективного воспитания, воплощаемые в системе работы пионерской организации, в создании которой роль Надежды Константиновны была значительной.

Резюме

Проведенный анализ позволяет обнаружить значительное совпадение в передовых методах, внедряемых в современной школе, с методическим инструментарием школьного образования в СССР периода 1920-х гг. Данное совпадение актуализирует задачу

изучения опыта внедрения этих методов в советской школе. Ввиду свертывания проводимых экспериментов как неудачных, этот опыт может рассматриваться и в качестве предупреждения от ошибок в реформировании системы образования. В любом случае советская экспериментальная попытка модернизации классической школы заслуживает самого пристального внимания в качестве уроков истории. Надежда Константиновна Крупская занимала видное место в борьбе педагогических подходов 1920-х – 1930-х гг., а соответственно, ей, вне зависимости от отношения к самим этим подходам, должно принадлежать по праву видное место в истории российской и мировой педагогики.

Статья поступила в редакцию 16.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 316 с.
2. Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. М.: ВШЭ, 2018. 105 с.
3. Дьюи Д. Впечатления о Советской России // Хрестоматия по истории школы и педагогики России первой трети XX в. М. : АСОУ, 2009. С. 141–179.
4. Дьюи Д. Моя педагогическая вера // Свободное воспитание. 1913. № 1. С. 3–16.
5. Ильин Г. Д., Цимхес Э. М. Об антиленинской теории «отмирания школы». М.: Учпедгиз, 1931. 62 с.
6. Кершенштейнер Г. Трудовая школа. М.: Задруга, 1913. 64 с.
7. Козлова Г. Н. Воспитание в системе деятельности отечественной общеобразовательной средней школы (первая половина XX в.): дис. ... докт. пед. наук. Н. Новгород, 2005. 364 с.
8. Коробова А. Э. Педагогические идеи Джона Дьюи и их интерпретация в отечественной педагогической теории и практике 20 – 30-х годов : дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2000. 145 с.
9. Крупская Н. К. В швейцарской школе (Из личных впечатлений) // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 1. М.: АПН, 1958. С. 106–110.
10. Крупская Н. К. Вопрос о трудовой школе на Берлинском конгрессе немецких учителей // Крупская Н.К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 1. М.: АПН, 1958. С. 183–195.
11. Крупская Н. К. Два типа организации школьного дела // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 1. М.: АПН, 1958. С. 165–167.
12. Крупская Н. К. К вопросу о программах // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 3. М.: АПН, 1959. С. 34–44.

13. Крупская Н. К. К вопросу о социалистической школе // Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 2. М.: АПН, 1958. С. 7–18.
14. Крупская Н. К. Коллективная работа в школе (доклад на конференции учащихся ШКМ) // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 3. М.: АПН, 1959. С. 276–283.
15. Крупская Н. К. Народное образование и демократия // Крупская Н.К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 1. М.: АПН, 1958. С. 249–350.
16. Крупская Н. К. Общественно-политическое воспитание в школе II ступени // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 3. М.: АПН, 1959. С. 157–183.
17. Крупская Н.К. Организационное и воспитательное влияние школы // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 3. М.: АПН, 1959. С. 327–339.
18. Крупская Н.К. Поднять школу на высоту нашей эпохи // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 3. М.: АПН, 1959. С. 485–492.
19. Крупская Н.К. Учебник в массовой школе // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. Т. 3. М.: АПН, 1959. С. 184–188.
20. Мак Тамани К. Воспитание по Монтессори. М.: АСТ, 2018. 160 с.
21. Маллис Г. Психоанализ коммунизма. Харьков: Космос, 1924. 87 с.
22. Монтессори М. Дом ребёнка. Метод научной педагогики. М.: Сотрудник школ, 1915. 375 с.
23. Постановление ЦК ВКП (б) от 25 августа 1931 г. «О начальной и средней школе» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С. 156–157.
24. Постановление ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школы» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С. 164–165.
25. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С. 162–163.
26. Сахаров В. А. «Политическое завещание» В. И. Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: МГУ, 2003. 717 с.
27. Троцкий Л. Д. Культура и социализм // Новый мир. 1927. Кн. 1. С. 166–184.
28. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий: книга четвертая. Враг № 1, 1929–1940 гг. М.: Центрполиграф, 2013. 544 с.
29. Эткинд А. М. Лев Троцкий и психоанализ // Нева. 1991. № 4. С. 183–190.

REFERENCES

1. Agurskii M. S. *Ideologiya natsional-bol'shevizma* [The ideology of National Bolshevism]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 316 p.
2. *Dvenadtsat' reshenii dlya novogo obrazovaniya: doklad Tsentra strategicheskikh razrabotok i Vysshei shkoly ekonomiki* [Twelve solutions for new education: a report of the Centre for Strategic Research and Higher School of Economics]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2018. 105 p.
3. Dewey J. [Impressions of Soviet Russia]. In: *Khrestomatiya po istorii shkoly i pedagogiki Rossii pervoi treti XX v.* [A reader on the history of the school and pedagogics of Russia of the first third of the twentieth century]. Moscow, Academy of Public Administration, 2009, pp. 141–179.
4. Dewey J. [My Pedagogic Creed]. In: *Svobodnoe vospitanie* [Natural Education], 1913, no. 1, pp. 3–16.
5. Il'in G. D., Tsimkhes E. M. *Ob antileninskoi teorii «otmiraniya shkoly»* [The anti-Leninist theory on the “withering away of the school”]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1931. 62 p.

6. Kershenshteiner G. *Trudovaya shkola* [Labour school]. Moscow, Zadruga Publ., 1913. 64 p.
7. Kozlova G. N. *Vospitanie v sisteme deyatel'nosti otechestvennoi obshcheobrazovatel'noi srednei shkoly (pervaya polovina XX v.): dis. ... dokt. ped. nauk* [Upbringing in the system of activities of the national secondary school (first half of the 20th century) : D. thesis in Pedagogic sciences]. N. Novgorod, 2005. 364 p.
8. Korobova A. E. *Pedagogicheskie idei Dzhona D'yui i ikh interpretatsiya v otechestvennoi pedagogicheskoi teorii i praktike 20–30-h godov* [Pedagogical ideas of John Dewey and their interpretation in Russian pedagogical theory and practice of the 20^s–30^s: PhD thesis in Pedagogy]. Saratov, 2000. 145 p.
9. Krupskaya N. K. [At a Swiss school (personal experience)]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 1* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 1]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1958, pp. 106–110.
10. Krupskaya N. K. [The issue of labour schools at the Berlin Congress of German teachers]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 1* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 1]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1958, pp. 183–195.
11. Krupskaya N. K. [Two types of schoolwork organization]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 1* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 1]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1958, pp. 165–167.
12. Krupskaya N. K. [The issue of programs]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 3* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 3]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1959, pp. 34–44.
13. Krupskaya N. K. [The issue of the socialist school]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 2* [Pedagogical works in ten volumes. Vol. 2]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1958, pp. 7–18.
14. Krupskaya N. K. [Teamwork at school (report at the conference for the students of a rural youth school)]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 3* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 3]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1959, pp. 276–283.
15. Krupskaya N. K. [Public education and democracy]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 1* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 1]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1958, pp. 249–350.
16. Krupskaya N. K. [Socio-political education at middle schools]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 3* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 3]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1959, pp. 157–183.
17. Krupskaya N. K. [Organizational and educational influence of the school]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 3* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 3]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1959, pp. 327–339.
18. Krupskaya N. K. [Bringing schools to the level of our age]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 3* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 3]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1959, pp. 485–492.
19. Krupskaya N. K. [A textbook in state schools]. In: *Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v desyati tomakh. T. 3* [Krupskaya N. K. Pedagogical works in ten volumes. Vol. 3]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1959, pp. 184–188.
20. Mac Tamani K. *Vospitanie po Montessori* [Education according to Montessori]. Moscow, AST Publ., 2018. 160 p.
21. Mallis G. *Psikhoanaliz kommunizma* [Psychoanalysis of communism]. Kharkiv, Kosmos Publ., 1924. 87 p.
22. Montessori M. *Dom rebenka. Metod nauchnoi pedagogiki* [Children's House. Method of scientific pedagogy]. Moscow, School employee Publ., 1915. 375 p.

23. [The resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks of 25 August 1931 "On primary and secondary schools"]. In: *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg.* [Public education in the USSR. General-education school. A collection of documents. 1917–1973]. Moscow, Pedagogy Publ., 1974, pp. 156–157.
24. [The resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks of 12 February 1933 "On the textbooks for primary and secondary schools"]. In: *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg.* [Public education in the USSR. General-education school. A collection of documents. 1917–1973]. Moscow, Pedagogika Publ., 1974, pp. 164–165.
25. [The resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks of 25 August 1932 "On the syllabus and regime in primary and secondary schools"]. In: *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg.* [Public education in the USSR. General-education school. A collection of documents. 1917–1973]. Moscow, Pedagogy Publ., 1974, pp. 162–163.
26. Sakharov V. A. «*Politicheskoe zaveshchaniye*» V. I. Lenina: *real'nost' istorii i mify politiki* ["Political testament" of Lenin: the reality of history and the myths of policy]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2003. 717 p.
27. Trotskii L. D. [Culture and socialism]. In: *Novyi mir*, 1927, Book 1, pp. 166–184.
28. Fel'shtinskii Yu., Chernyavskii G. *Lev Trotskii: kniga chetvertaya. Vrag nomer odin, 1929–1940 gg.* [Leon Trotsky: the fourth book. Enemy number one, 1929–1940]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2013. 544 p.
29. Etkind A. M. [Leon Trotsky and psychoanalysis]. In: *Neva*, 1991, no. 4, pp. 183–190.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of Historical sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Н. К. Крупская в фокусе борьбы в советской педагогике 1920-х – 1930-х годов: уроки истории для формирования стратегии политики в сфере образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 8–19.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-8-19

FOR CITATION

Bagdasaryan V. N. K. Krupskaya in the Context of Conflict in Soviet Pedagogy in the 1920s – 1930s: History Lessons for Forming the Strategies of Educational Policy. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 8–19.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-8-19

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-20-27

ИДЕЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ТРУДАХ Н. К. КРУПСКОЙ

Карасева А. А.*Московский педагогический государственный университет**119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 88, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение идеи общественного воспитания в теоретическом наследии Н. К. Крупской. Признанная позднее социальной утопией, программа создания сети детских домов, в которых будет обеспечиваться коммунистическое воспитание для всех детей Республики, важна для изучения интеллектуального контекста эпохи 1920–1930-х гг. В статье анализируются опубликованные работы Н. К. Крупской, в которых видение реализации проекта имеет заверченный характер. Автор рассматривает эволюцию взглядов Крупской на возможности создания сети детских домов, в которых одновременно с беспризорными будут воспитываться дети рабочих и крестьян, которые, будучи занятыми на производстве, не могут уделять им должного внимания. В статье делается вывод о том, что проекты по созданию учреждений общественного воспитания являются неотъемлемой частью воспитания нового человека. Целевой аудиторией статьи являются как изучающие феномен советского общества эпохи становления новой государственности, так и специалисты по истории педагогики.

Ключевые слова: коммунистическое воспитание, Н. К. Крупская, детские дома, беспризорность, педагогика, советское общество (20-е –30-е гг.).

IDEA OF PUBLIC EDUCATION IN THE WORKS OF N. K. KRUPSKAYA

A. Karaseva*Moscow Pedagogical State University**88 Vernadsky prosp., Moscow 119571, Russian Federation*

Abstract. In this article, the author considers the idea of public education in the theoretical heritage of N.K. Krupskaya. Her project of creating an orphanage network with the aim of providing all children of the republic with a proper communist education, which was later recognized as a social utopia, is important for studying the intellectual context of the 1920s and 1930s. The article analyzes N.K. Krupskaya's published works, which provide a clear understanding of her concept. The author considers the evolution of Krupskaya's views on the possibility of creating a network of orphanages, which would raise homeless children together with those of workers and peasants. Such parents then would devote all their time to work. The article concludes that projects aimed at creating institutions of public education were an integral part in the ideological concept of educating a person of new type. The article can be of interest to specialists in the history of pedagogy, as well as to those studying the phenomenon of Soviet society in the era of developing a new statehood.

Keywords: communist education, N.K. Krupskaya, orphanages, pedagogy, street children, Soviet society (20s–30s).

Актуализация обращения к теоретическому наследию Надежды Константиновны Крупской обоснована не только юбилеем, но и той ролью, которую она сыграла в реформировании советского образования на путях его становления, пионерского движения, библиотечного дела, внешкольного воспитания и воспитания беспризорных детей. В современной российской историографии изучение педагогической деятельности и взглядов Крупской состоялось в работах Л. В. Алиевой, Т. Ю. Красовицкой, Л. М. Млечина, М. Б. Понявиной, А. А. Романова, А. В. Силина, и др. [1; 4; 19; 20, 21, 22].

«Беспризорное детство» – та тема, к которой Надежда Константиновна обращалась на протяжении всей своей жизни, состоя в переписке не только с политическими функционерами, руководителями местных наркоматов, отделов народного образования, воспитателями и учителями, но и воспитанниками и беспризорными. Эти письма, опубликованные в 11 томе «Педагогических сочинений» Н. К. Крупской и отложившиеся в фонде 12 РГАСПИ, показывают ее небезразличное отношение к проблемам, чуткость к наивным детским просьбам адресатов.

Задолго до событий 1917 г., уже в первой брошюре «Женщина-работница» (1899 г., опубликована в 1901 г.), Надежда Константиновна размышляла о природе общественного воспитания, отвечая на упреки в том, что «ужасные социалисты» хотят отнять детей у родителей: «Когда говорят об общественном воспитании детей, то под этим прежде всего понимают то, что забота о содержании детей будет

снята с родителей и что общество обеспечит ребенку не только средства к существованию, но будет заботиться о том, чтобы у него было все, что необходимо для того, чтобы он мог полно и всесторонне развиваться» [7, с. 96].

Идея общественного воспитания в полной мере отвечала революционным взглядам на подготовку строителей нового общества. Лишенные влияния «мелкобуржуазных ценностей» семьи, они смогли бы в полной мере реализовать высокие задачи, поставленные их воспитателями. В 1918–1919 гг., по словам Надежды Константиновны, в возможность обеспечить все необходимое детям верили все, в том числе и В. И. Ленин. Однако «жизнь показала, что при данных условиях государству это непосильно, что это может быть лишь далекой целью, к которой ведет длинный путь» [8, с. 122], что «самое большее, что оно (государство. – А.К.) может и должно, обязано сделать, – это создать необходимую сеть детдомов для беспризорных ребят. Только тогда, когда эта первоочередная задача будет выполнена, возможно будет расширять сеть детских домов и брать в них и детей, для которых не исключена возможность воспитываться дома» [18, с. 158].

К 1922 г. беспризорность в РСФСР достигла 7 миллионов человек [23, с. 160], улицы городов были полны малолетними детьми. Сеть детских домов достигла своего пика – 6063 учреждения с 540 000 воспитанников [3, с. 141]. Скопления беспризорных на улицах городов не только являлись живым укором для существующей власти, но и представляли серьезную социальную угрозу, по мере увеличения срока пребывания вне организо-

ванных государственных учреждений накапливая преступные навыки. Только за полгода в 1921 г. в комиссии по делам несовершеннолетних по РСФСР были доставлены по обвинению в общественно опасных деяниях 32 585 человек [2, с. 48].

Крупская смело говорила о том, что одной из причин роста детской беспризорности являются последствия революции [6, с. 168–169]. Она была против распространившегося среди сотрудников ответственных наркоматов принципа «беспризорных изловить, в детдома их посадить». Она считала необходимым за счет вовлечения уличных подростков в деятельность пионерской организации [14, с. 373], создания подростковых бирж труда и отправления на летние сельскохозяйственные работы [16, с. 181–183] «вырвать почву» из-под беспризорности. Крупская откликнулась на опубликованную статью о литературных вкусах беспризорных, предлагая к прочтению детям улиц приключенческую литературу о борьбе со стихией, с нуждой, считала необходимым читать военные очерки, чтобы «заставить их почувствовать убогость своей жизни, пробудить желание вырваться из нее» [17, с. 120].

Долгий опыт работы с детьми улиц виден в характеристике, которую Н. К. Крупская дает беспризорной среде: «Главная трудность – с подростками, которых изломала, исковеркала жизнь, которые вдосталь хлебнули горя, озлобились, исхулиганились. Заслужить их доверие нелегко, еще труднее ввести их в рамки какого-нибудь режима. У них беспризорное существование выработало громадную наблюдательность – они сейчас же заметят малейшую фальшь, неискренность

по отношению к себе, – развило своеобразное чувство собственного достоинства, привычку к независимости, развило большую активность и потребность к новым острым ощущениям» [13, с. 241]. Между тем она выступила однозначно против причисления подобных детей к категории морально-дефективных (несоблюдение правил учреждения которыми объяснялось психическими отклонениями врожденного характера). Возобладавшая в дореволюционных работах теория к 1924 г. была окончательно отвергнута в отечественной педагогике.

Уже в 1920 г. нарком просвещения А. В. Луначарский отмечал, что «ненормальный ребенок – результат ненормальных условий» [3, с. 69]. Н. К. Крупская обращала внимание на то, что в детских домах так же, как и педологические комиссии, произвольно зачисляли в эту категорию детей, используя ее как санкцию в том числе для применения физических наказаний. «Термин “морально-дефективный” освободил их (педагогов. – А. К.) от всякой ответственности, и внутренне и внешне, освободил от необходимости считаться с ребятами, уважать их человеческое достоинство, их личность, учиться подходить к ним, освободил их от самого обыкновенного человеческого побуждения помочь слабому. Термин “морально-дефективный” санкционировал преступное отношение к беспризорным детям. Для “морально-дефективных” ребят ввели карцер, “изолятор”, оскорбляющее обращение, – все позволено, с детьми ничего не поделаешь: они “дефективные”» [9, с. 152–153].

Крупская также выступила против распространившейся практики созда-

ния детских городков из нескольких учреждений, превращавшей беспризорный мир в своего рода «островок», отрезавший их от социального окружения, массовой школы. По мнению педагога, в такой обстановке они «будут постоянно подогревать свои воспоминания о своем недавнем горьком беспризорном прошлом, будут жить в той нездоровой атмосфере азарта, хулиганства, безделья, которой они недавно еще дышали и которую куда труднее им изжить, если они будут сбиты все вместе» [13, с. 242].

В период социалистической модернизации народного хозяйства Крупская вновь обращается к идее общественного воспитания – создания сети детдомов, в которых вместе будут воспитываться и беспризорные, и дети из семей трудящихся, у которых нет возможности уделять своим детям должного внимания: «...именно в данный, реконструктивный период, когда отмирают целые общественные классы старого уклада, когда отмирают старые хозяйственные формы, когда по-новому, на новых основах строятся общественные отношения между людьми, когда семья перестает все больше и больше быть определенной экономической единицей, – семейное воспитание меняет свой характер, его положительные стороны слабеют, возможности суживаются, оно все меньше и меньше удовлетворяет и самих родителей и ребят. Вопрос об общественном воспитании встает со всей остротой, а это один из самых слабых участков просветительного фронта» [15, с. 454].

Для начала Надежда Константиновна предлагала перейти к дошкольному общественному воспитанию, в

котором заинтересованы колхозники, что снимает острую проблему финансирования. К тому же, по словам Крупской, «впечатления возраста от 3 до 8 лет оставляют глубокий след в душе ребенка, и потому общественное воспитание в этом возрасте особенно важно» [18, с. 159]. Н. К. Крупская разработала свою идеальную модель подобного детского дома. По ее мнению, учреждение должно находиться в доступности от новых домов, колхозов, чтобы обеспечить постоянное общение детей с родителями. Переходить к общественному воспитанию детей в детских домах нужно постепенно, минуя стадии школ продленного дня и детских общежитий. Детские дома должны быть небольшими и, главное, открытыми для всей окружающей их жизни, для детей из семей и беспризорных. Содержание их должны оплачивать родители или организации, так, чтобы оно не обременяло местные бюджеты. Таким образом, детские дома должны, по проекту, перестать быть беспризорными [5, с. 397–399].

Детский дом Крупская видела «учреждением, дающим ребятам возможность всестороннего физического развития, дающим детям серьезный запас знаний, умение прилагать их к жизни, дающим привычку к труду, умение коллективно жить и работать, дающим понимание жизни и умение занять в ней место полезного члена общества» [8, с. 122]. Обучение в социалистической школе, по ее мнению, не должно сводиться к дрессировке и муштре, а давать возможности наилучшим образом раскрыться индивидуальным способностям ребенка [10, с. 14]. Крупская обращалась к примерам колоний НКВД, в которых бывшие рецидивы-

сты, работая в хорошо оборудованных мастерских, преображались, начинали исправляться [см., например: 12, с. 283–284]. Основные же беды системы детских домов, по ее убеждению, заключались как раз в отсутствии правильного трудового воспитания [11, с. 249].

Взгляды Н. К. Крупской нашли отражение при создании первого платного детского дома, открывшегося в 1935 г. на Ново-Басманной улице в Москве.

Таким образом, идея общественного воспитания явилась продуктом времени, революционных исканий. Продуктивности ее препятствовали последствия войн и голода, консервативное отношение к воспитанию подрастающего поколения. Крупская верила в возможности реализации идеи с началом переустройства города и деревни, однако и в 1930-е гг. расширить сеть платных (кооперативных) детских домов не удалось.

Статья поступила в редакцию 23.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Л. В. Крупская Надежда Константиновна о взаимодействии школы и детской общественной организации в воспитании юных граждан (к 145-летию со дня рождения Н.К. Крупской) // Внешкольник. 2014. № 4. С. 38–44.
2. Дети ГУЛАГа, 1918–1956 / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2002. 631 с.
3. Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов в РСФСР в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 423 с.
4. Красовицкая Т. Ю. Идеи Н. К. Крупской и их роль в истории большевистского эксперимента // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6). С. 4–28.
5. Крупская Н. К. Беспризорный детский дом // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 3. М.: АПН, 1959. С. 393–399.
6. Крупская Н. К. Вопросы непризорности (речь на открытии Московской конференции по борьбе с детской непризорностью) // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 2. М.: АПН, 1958. С. 168–172.
7. Крупская Н. К. Женщина-работница // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 1. М.: АПН, 1957. С. 71–102.
8. Крупская Н. К. К вопросу о детдомах // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 3. М.: АПН, 1959. С. 122–127.
9. Крупская Н. К. К вопросу о морально-дефективных детях // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 2. М.: АПН, 1958. С. 151–153.
10. Крупская Н. К. К вопросу о социалистической школе // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 2. М.: АПН, 1959. С. 7–18.
11. Крупская Н. К. Коммунистическое воспитание детей и подростков // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 4. М.: АПН, 1959. С. 237–249.
12. Крупская Н. К. Как работать по просвещению (речь и заключительное слово на всесоюзном съезде работников и крестьянок – членов советов) // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 2. М.: АПН, 1958. С. 263–285.
13. Крупская Н. К. О непризорных // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 2. М.: АПН, 1958. С. 240–242.
14. Крупская Н. К. О пионердвижении на данном этапе // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 5. М.: АПН, 1959. С. 169–174.
15. Крупская Н. К. О социальном воспитании // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 2. М.: АПН, 1958. С. 454–458.

16. Крупская Н. К. Один из видов помощи беспризорникам летом // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 5. М.: АПН, 1959. С. 181–183.
17. Крупская Н. К. По поводу статьи «Литературные вкусы беспризорных» // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 3. М.: АПН, 1959. С. 120–121.
18. Крупская Н. К. Система народного образования в РСФСР (тезисы доклада на съезде заведующих отделами народного образования) // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти т. Т. 2. М.: АПН, 1958. С. 157–167.
19. Млечин Л. М. Крупская. М.: Молодая гвардия, 2014. 364 с.
20. Понявина М. Б., Абросимова О. М. Н. К. Крупская как неформальный лидер в советском образовании: уроки истории // Внешкольник. 2017. № 1 (175). С. 47–51.
21. Романов А. А. Педагогическая деятельность Н. К. Крупской // Романов А. А. Педагогические подвижники в переломные эпохи XX века: избранные научные статьи и очерки. Рязань: Концепция, 2017. С. 235–252.
22. Силин А. В. Проблемы профессионального политехнического образования и трудового обучения в письменном наследии Н. К. Крупской // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10-1. С. 193–200.
23. Славко А. А. Динамика численности беспризорных детей в России (1920–1940 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 160–164.

REFERENCES

1. Alieva L. V. [N. K. Krupskaya on the interaction of schools and children's public organizations in educating junior citizens]. In: *Vneshkol'nik*, 2014, no. 4, pp. 38–44.
2. Yakovlev A. N., ed. *Deti GULAGa, 1918–1956* [Children of the GULAG, 1918–1956]. Moscow, MFD Publ., 2002. 631 p.
3. Karaseva A. A. *Istoriya funktsionirovaniya i razvitiya sistemy detskikh domov v RSFSR v 1929–1941 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [History of the functioning and development of the orphanage system in the RSFSR in 1929–1941: PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2015. 423 p.
4. Krasovitskaya T. Yu., [Krupskaya's ideas and their role in the history of the Bolshevik experiment]. In: *Novyi istoricheskii vestnik* [The New Historical Bulletin], 2002, no. 1 (6), pp. 4–28.
5. Krupskaya N. K. [Unattended orphanage]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 3* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes, vol. 3]. Moscow, APN Publ., 1959, pp. 393–399.
6. Krupskaya N. K. [Issues of homelessness (speech at the opening of the Moscow conference on combating child homelessness)]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 2* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 2]. Moscow, APN Publ., 1958, pp. 168–172.
7. Krupskaya N. K. [Female employee]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10-ti t. T. 1* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes, vol. 1]. Moscow, APN Publ., 1957, pp. 71–102.
8. Krupskaya N. K. [The issue of orphanages]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 3* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes, vol. 3]. Moscow, APN Publ., 1959, pp. 122–127.
9. Krupskaya N. K. [The issue of morally defective children]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 2* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 2]. Moscow, APN Publ., 1958, pp. 151–153.
10. Krupskaya N. K. [The issue of the socialist school]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie*

- sochineniya: v 10 t. T. 2* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 2]. Moscow, APN Publ., 1959, pp. 7–18.
11. Krupskaya N. K. [Communist education of children and adolescents]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10-ti t. T. 4* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 4]. Moscow, APN Publ., 1959, pp. 237–249.
 12. Krupskaya N. K. [How to work on education (speech and concluding remarks at the all-Union Congress of workers and peasants, council members)]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 2* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 2]. Moscow, APN Publ., 1958, pp. 263–285.
 13. Krupskaya N. K. [On street children]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 2* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 2]. Moscow, APN Publ., 1958, pp. 240–242.
 14. Krupskaya N. K. [On the pioneer movement at this point]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 5* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 5]. Moscow, APN Publ., 1959, pp. 169–174.
 15. Krupskaya N. K. [On social upbringing]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10-ti t. T. 2* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 2]. Moscow, APN Publ., 1958, pp. 454–458.
 16. Krupskaya N. K. [One type of aid to homeless children in the summer]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 5* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 5]. Moscow, APN Publ., 1959, pp. 181–183.
 17. Krupskaya N. K. [On the article “Literary tastes of street children”]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 3* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 3]. Moscow, APN Publ., 1959, pp. 120–121.
 18. Krupskaya N. K. [The system of public education in the RSFSR (report at the meeting of heads of departments for public education)]. In: *Krupskaya N. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. T. 2* [Krupskaya N. Pedagogical works in 10 volumes, vol. 2]. Moscow, APN Publ., 1958, pp. 157–167.
 19. Mlechin L. M. *Krupskaya* [Krupskaya]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 364 p.
 20. Ponyavina M. B., Abrosimova O. M. [N. K. Krupskaya as an informal leader in the Soviet education: the lessons of history]. In: *Vneshkol'nik*, 2017, no. 1 (175), pp. 47–51.
 21. Romanov A. A. [Pedagogical activity of N. K. Krupskaya]. In: *Romanov A. A. Pedagogicheskie podvizhniki v perelomnye epokhi XX veka: izbrannye nauchnye stat'i i ocherki* [Romanov A. A. Pedagogical ascetics at the crucial moments of the 20th century: selected scientific articles and essays]. Ryazan, Kontseptsiya Publ., 2017, pp. 235–252.
 22. Silin A. V. [Problems of professional Polytechnic education, and labour training in the written heritage of N. K. Krupskaya]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, no. 10-1, pp. 193–200.
 23. Slavko A. A. [Dynamics of the number of street children in Russia (1920–1940)]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2009, vol. 11, no. 6, pp. 160–164.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карасева Анастасия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета;

e-mail: a.a.karaseva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Karaseva – PhD in Historical sciences, Associate Professor at the Department of Contemporary National History, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: a.a.karaseva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карасева А. А. Идея общественного воспитания в трудах Н. К. Крупской // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 20–27.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-20-27

FOR CITATION

Karaseva A. Idea of Public Education in the Works of N. K. Krupskaya. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 20–27.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-20-27

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК: 94 (575.1)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-28-37

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (ВЗГЛЯД ИЗ УЗБЕКИСТАНА)

Алимджанов Б. А.

Независимый исследователь

100110, г. Ташкент, Чиланзар 1-14-21, Узбекистан

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация региональной истории в мировой и узбекистанской исторической науке. Основной акцент сделан на становление и специфику развития региональной истории в современном Узбекистане. Автор, основываясь на трудах узбекистанских историков, приходит к выводу, что в современной узбекистанской исторической науке доминирует история регионов, а не региональная история. Неоднозначность и разноправленность академических и околону научных кругов в Узбекистане порождает реставрацию и усиление больше локальных, чем общерегиональных идентичностей.

Ключевые слова: Узбекистан, региональная история, краеведение, история регионов, идентичность.

PROBLEMS OF REGIONAL HISTORY: A VIEW FROM UZBEKISTAN

B. Alimdjanov

Independent Researcher

1-14-21 Chilanzar, Tashkent 100110, Uzbekistan

Abstract. The article analyzes Uzbek as well as international interpretations of regional history. The main focus of attention is on the formation of regional history and its specific character in modern Uzbekistan. On the basis on works published by Uzbek historians, the author concludes

that the history of the regions, rather than regional history, is being predominant in Uzbekistan at the moment. The ambiguous character and heterogeneity of Uzbek academic and pseudo-scientific circles gives rise to the restoration and strengthening of local rather than common regional identities.

Keywords: regional history, Uzbekistan, local history, history of regions, identity.

Идея высказать свое отношение к перспективе развития региональной истории в узбекистанской исторической науке возникла после лекции проф. Д. А. Алимовой на I-х Самаркандских чтениях в октябре 2018 г. В западных университетах (особенно в Великобритании) и научных центрах имеются свои многолетние традиции региональной истории, например Манчестерском центре региональной истории (с 1987 г. издается *Manchester Region History Review*), Центре локальной и региональной истории Университета Эссекса. Отметим также специальные программы подготовки исследователей по локальной и региональной истории в Ланкастерском университете, университетах Ноттингема, Сассекса и др. [13, с. 189]. В Российской Федерации с 2000-х гг. существует центр «Новой локальной истории», объединивший историков и этнологов Москвы и Ставрополя. Проф. Д. А. Алимова ратует за междисциплинарность в исторической науке, чтобы выйти из «онтологической» замкнутости и эпистемологического кризиса отечественной исторической науки. В узбекистанской исторической науке наблюдаются попытки преодоления «старых» форм познания и смело набирает обороты поиск новых форм историописания. Думаю, что усилия узбекистанских историков дадут в скором времени свои плоды в виде собственного журнала по региональной истории и исследовательского центра.

Региональная история – это история, в которой национальные государства и их четко очерченные границы играют второстепенную роль или отсутствуют вовсе [8, с. 212]. Определение, данное А. Мегиллом региональной истории, «игнорирует» категорию пространства или минимизирует влияние локуса (лат. «место») на историческую данность. Региональная история имеет «предшественниц» – локальная история, микроистория, краеведение. Основой региональной истории, в отличие от других схожих исторических дисциплин, является социокультурное измерение человеческой практики, т.е. география, история и экономика, взятая каждая в отдельности, не могут дать ответы на современные вызовы исторической науки. В мировой исторической науке проблема региональной истории отчетливо проявляется как тенденция перевести обсуждение перспектив региональной истории в контекст более специализированной интеллектуальной традиции историко-географических исследований или так называемой географической истории, изучающей пространственную сторону исторического процесса [20–22]. Историческая география, интерпретирующая исторические процессы в пространственном отношении и маркирующая людские практики обитаемой средой, не может охватить всю палитру исторических процессов.

Перед исторической наукой встают другие, не менее важные вопросы, пре-

одолевающие детерминизмы (географический, политический и др.). Например, в европейской исторической науке широко распространено изучение региональных идентичностей [23–26]. Проблема идентичности, несмотря на всю свою «социальность», определяется воображаемым локусом, т.е. понятие пространства как времени становится эластичным и динамичным. Интересно, что в российской науке значимое место в регионалистике занимает ее «политологическая версия» [2; 3; 11; 18]. Новые подходы в исторической науке, а также культурологический поворот создали инструменты для применения категории пространства для объяснения проблемы фронта, воображаемых границ и перцепции локуса в политике и идеологии. Поэтому в последнее время региональные исследования занимают важное место в «новой истории империй» [4; 6; 14].

Проблемным понятием является «регион». В. Г. Рыженко предлагает такую классификацию существующих интерпретаций этого понятия: «административно-территориальная (политико-административная или юридическая); философская (особо важная для изучения истории культуры региона, так как в ней акцент переносится на менталитет, образ мышления, традиции, мироощущение обитателей того или иного региона, что сближает регионоведение с новейшими направлениями в исторической науке); историческая трактовка региона способствует восстановлению утраченной со временем идентичности; геополитическое понимание региона (акцент переносится на соотношение центров «мощи» и «слабости» в пространственной дифференциации различных политических

сил); экономический регион (обозначение территории с четко выраженной специализацией производства и хозяйственной целостностью) [15].

А. Мегилл определяет регион как «сообщество людей в пространстве, отличном от локального, национального-государственного и глобального» [8]. Относительно концепта «регион» известный историк А. Н. Медушевский дал следующее определение: «регион, следовательно, есть интегральная категория, объединяющая различные параметры системных классификаций объекта – от экономики и права до исторической географии и социальной психологии» [9, с. 4]. Для историка Е. А. Чернова «регион» в региональной истории есть не данность, а искомое. Поэтому изначально при таком подходе предметно-дисциплинарное поле не может рассматриваться как «история регионов» [19, с. 42].

Возникновение региональной истории связано с монографией известного французского историка М. Блока «Иль де Франс, страна вокруг Парижа», изданный в 1913 г. Российские историки С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева считают, что «корни региональной истории надо искать в изменениях, происходивших в исторической науке второй половины XIX – начала XX в.» [12, с. 7]. Они считают, что причина возникновения региональной истории порождена «неудовлетворенностью историков историческим принципом государственной централизации» [12, с. 7]. Среди историков наблюдается тенденция разграничить понятия местной (краеведение) и региональной истории. Согласно Л. А. Репиной, местная история (краеведение) служит способом мобилизации исторической

памяти, региональная история – эффективный инструмент исторического познания [14, с. 183–192]. Таким образом, по мнению С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцевой, в структуру истории «локуса» входят историческое краеведение, региональная история и новая локальная история. Региональная и новая локальная история являются постнеклассической моделью исторической науки [12, с. 8–9]. Л. П. Репина подчеркивает, что задача изучения «специфических форм регионализма и культурной идентификации локальных и региональных субъектов («региональной идентичности») связывается с признанием роли социокультурного фактора в процессах региональной модернизации» [13, с. 186; 10, с. 16; 11].

Кратко остановлюсь на подходах, методах и проблемах региональной истории. Проф. А. Н. Медушевский считает, что ключевой методологической проблемой является определение границ региона [9, с. 5–6]. Для проф. А. Н. Медушевского региональная история может существовать только в рамках глобальности. Таким образом, он отказывает «региону» (локусу) в самостоятельности, исходя из концепта Другого. Нужно отметить, что исследователь пытается ввести категорию «регион» в исторические рамки, в результате такой «историзации» происходит тотальная редукция или «полуредукция» социальных и исторических категорий. Думаю, проф. А. Н. Медушевский пытался довести до логического конца историзирование через междисциплинарность, в результате чего мы наблюдаем довольно схематическую модель действительности.

В качестве решения методологической проблемы региона проф.

А. Н. Медушевский предлагает три подхода: онтологический (географический), конвенционалистский и социально-психологический. Исходя из его «логики», возьмем, к примеру, Ферганскую долину. В онтологическом (географическом) подходе она находится на востоке Узбекистана, куда входят Наманганская, Ферганская и Андижанская области, спор здесь возможен только в экономико-географическом плане; в конвенционалистском подходе она зависит от исследователя, который сам определяет границы исследуемого объекта; третий подход связан с «ментальной географией», т.е. самоопределение населения (например, ферганцы и т.д.). Нужно учесть, что вышеперечисленные три подхода не смогут договориться между собой о проблеме «границы». Например, на севере Ферганы находится территория Киргизии, на юге – Таджикистана.

А. Н. Медушевский считает, что междисциплинарные подходы не только способствуют преодолению этих трудностей – созданию объемного образа региона, но и раскрывают объективное противоречие различных направлений его позиционирования и саморепрезентации. Поэтому в современной регионалистике важна комбинация подходов, ситуационный анализ и моделирование, прежде всего – использование таких методов, как системность, вариативность и функционализм [9, с. 6–7]. Ниже кратко рассмотрим каждый из этих методов, предложенных проф. А. Н. Медушевским.

Системность – означает рассмотрение региона как подсистемы более крупной (интернациональной или национальной, международной

или государственной) системы [9, с. 7]. Основным ключом для понимания системности является смена геополитических координат, например, Ферганская долина до 1876 г. была в составе Кокандского ханства, потом она оказалась под властью Российской империи и Советов, после 1991 г. стала территорией трёх республик. Также для понимания региона в системном методе нужно применять инструмент «центр-периферия». Концепт «центр-периферия» эластичен, он «передвигался» исходя из геополитического расклада сил. Моделирование регионального развития включает ситуационный анализ – определение основных параметров и вариативность характера их взаимодействия [9, с. 8]. В моделировании нужно исходить из социально-экономической ситуации; также оно зависит от уровня модернизации и проблем централизации-децентрализации политической системы. Думаю, что инструмент «центр-периферия» приложим к истории Узбекистана и поможет раскрыть внутреннюю сущность и механизм региональной истории.

Существуют и другие модели объяснения региональной истории. Например, в отличие от А. Н. Медушевского, украинскому учёному Е. А. Чернову важен поиск и обнаружение «регионального» одним из важнейших методов, позволяющих надеяться на приближение к желанному синтезу. Этим путем является использование типологизации посредством компаративистских методов, а результаты в итоге могут быть наиболее удобно и продуктивно представлены методом картографической визуализации [19, с. 47].

Одним из важных компонентов региональной истории является констру-

ирование образа (имиджа) региона. Например, Ферганская долина описывается как один из «древнейших земледельческих регионов Центральной Азии» или «зона встречи цивилизаций» и т.п. Чрезвычайно перспективно выяснение тех параметров, в которых «регион», как устойчивое образование, выражает себя в сознании разных эпох. Выстраивание позитивного образа региона включает обращение к синтезу региональной и национальной культуры, причем в последней подчеркиваются именно те элементы, которые «работают» на интернациональный престиж региона в целом [19, с. 12], что важно на современном этапе развития туризма в Узбекистане.

С советских времен в узбекистанской науке развивалось историческое краеведение, локальная история и историческая география. После 1991 г. в отечественной исторической науке также развиваются некоторые направления региональной истории, например, можно указать работы группы историков под руководством проф. Д. Х. Зияевой по истории городов Узбекистана, а также фундаментальный труд А. Маликова «История Самарканда» (2017). Несмотря на прорыв, наблюдается «крен» в сторону «регионализма» и исторического краеведения. Например, некоторые региональные («периферийные») историки и этнографы Узбекистана пишут интересные работы, которые утверждают больше локальные идентичности, чем общереспубликанские или общенациональные. То есть в основном пишутся работы, которые можно определить как «история регионов», а не региональная история. В региональных исследованиях больше изучается история пле-

мен [1; 5, с. 66, 70–71] и выдающихся исторических личностей, сыгравших значительную роль в локальной культуре (святые, суфии, шейхи и др.). Неоднозначность и разноправленность академических и околону научных кругов в Узбекистане порождает реставрацию и усиление больше локальных, чем общерегиональных идентичностей [1; 7; 17].

Один из «периферийных» историков, М. Ш. Усмонов считает племя кунгратов «одним из крупных субэтнических компонентов в составе узбекского народа». Также он выделяет кунгратов из состава узбекского народа и ссылается на общетюркскую идентичность, когда пишет, что «кунграты, будучи неотъемлемой частью узбекского, каракалпакского, казахского и др. народов, занимают особое место в общетюркской культуре» [16, с. 297]. Что подразумевает исследователь под «общетюркской культурой», остается загадкой. Также исследователь отмечает, что кунграты сохранили свой язык и самобытность и живут по традициям своего рода, а не по «общенациональной идее», сконструированной столичными историками и идеологами нациестроительства. Это свидетельствует о том, что население южных районов Узбекистана (Сурхандарья, Кашкадарья, Бухара) являются в основном скотоводами и земледельцами, которые сохранили свою идентичность и этничность, несмотря на процесс модернизации и глобализации. Думаю, что «замена» истории регионов региональной историей повысит научность «региональных» историков.

Считаю, что наиболее эвристичным инструментом в региональной истории будет «история пограничных об-

ластей», которая означает «опыт (хотя и неоднозначный) совместного существования разных этнокультурных групп, для «воспитания в духе сотрудничества, синкретизма и интеграции» и «в интересах взаимопонимания» [13, с. 184]. Известно, что регионы Узбекистана поликультурны и многонациональны и данный подход в описании исторических процессов даст хороший результат.

Считаю также, что одной из самых важных проблем является методологическая проблема региональной истории и её применимость к регионам Узбекистана. В качестве рабочей гипотезы я предлагаю концепт «региональность», что раскроет сущность регионального. «Региональность» выражается в реализации идентичности и саморепрезентации населения, в первую очередь в дискурсе историка, воспроизводящего устоявшиеся и подвергающиеся анализу местные практики. Выражение региональности должно отражаться в региональной истории «концентрацией» макро- и микроистории. Синтез методов макро- и микроистории в региональной истории даст историку новые области исследования и раскроет научный потенциал исторической науки. Междисциплинарность и полидисциплинарность станут основой региональной истории. «Для нас, – пишут С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева, – междисциплинарный подход – изучение объекта истории средствами различных гуманитарных и социальных наук, полидисциплинарность – имманентное свойство объекта/предмета исследования, конструирование которого идет в предметном поле нескольких гуманитарных и социальных дисциплин» [12, с. 10].

Думаю, что переход к региональной истории нужно начинать с историографии истории регионов и краеведения. В узбекистанской исторической науке накопилось довольно много работ, количественно и «качественно» описывавших регионы Узбекистана. Задача историографии на данном этапе состоит в критическом осмыслении истории регионов с помощью нового инструментария, т.е. философии и истории науки. Мы не призываем к оголтуной деструктивной критике, мы призываем изложить историографию истории регионов и исторического краеведения с точки зрения постнеклассической исторической науки, т.е. разделить их на следующие этапы: классический, неклассический и постнеклассический периоды. В начале статьи мы упоминали, что региональная история – модель постнеклассической

истории. Региональная история станет лакмусовой бумажкой для историографических изысканий. Четкое разграничение между этими моделями исторической науки станет подспорьем для дальнейшего развития региональной истории. Следующим шагом станет определение «локуса» в истории Узбекистана и конструирование «собственного» времени и пространства региональной истории. Считаем, что осуществления поставленных задач необходимо добиваться в ближайшее время, для этого нужно создать собственную школу по региональной истории. В противном случае узбекистанская историческая школа будет играть роль «догоняющего», а не локомотива в мировой исторической науке.

Статья поступила в редакцию 11.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимджанов Б. А. Неотрадиционализм как маркер идентичности в современном Узбекистане // Азия и Африка: наследие и современность: материалы XXIX Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г. Т. 1. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2017. С. 373–374.
2. Бусыгина И. М. Политическая регионалистика. М.: РОССПЕН, 2006. 280 с.
3. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Основы региональной политики. СПб.: Изд. В. М. Михайлова, 1998. 659 с.
4. Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.) / Отв. ред. П. И. Савельева. М.: МОНФ, 1997. 237 с.
5. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976. 323 с.
6. Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов. (Подходы и практики в современных региональных исследованиях) / Под ред. В. И. Худяковой, Т. А. Сабуровой. Омск: Омский педагогический ун-т, 2009. 191 с.
7. Маликов А. М. Узбеки группы «сарай» долины Зеравшана в XIX– начале XX вв. // Научный Вестник Бухарского государственного университета. 2007. № 3. С. 5–10.
8. Мегилл А. Границы как историческая и теоретическая проблема // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 212–214.
9. Медушевский А. Н. Региональная история в глобальном измерении // Российская история. 2009. № 3. С. 3–15.
10. Мосолова Л. М. Историография XX века о глобальном и региональном в развитии

- культуры // Регионы России: Социокультурные контексты художественных процессов Нового и Новейшего времени. СПб.: Астерион, 2002. С. 12–16.
11. Нечаев В. Д. Региональный миф в политической культуре современной России. М.: Институт Африки РАН, 1999. 157 с.
 12. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: Сб. статей и материалов Всероссийской научной конференции. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2012. С. 3–10.
 13. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI в.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
 14. Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое изд., 2004. 382 с.
 15. Рыженко В. Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: проблемы, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: URSS ЛКИ, 2011. С. 330–342.
 16. Усмонов М. Ш. Трансформация этнокультуры кунгратов южного Узбекистана // Молодой ученый. 2013. № 1 (48). С. 297–302.
 17. Хорезм в истории государственности Узбекистана. Ташкент: Общество философов Узбекистана, 2013. 336 с.
 18. Фадеева Л. А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. Пермь: Пушка, 2006. 304 с.
 19. Чернов Е. А. Региональная история: опыт теоретической интерпретации // Харківський історіографічний збірник. 2006. Вип. 8. С. 38–48.
 20. Baker Alan R. H. *Geography and History: Bridging the Divide*. Cambridge; N. Y., 2003. 281 p.
 21. Baker Alan R. H. *Place, Practice and Structure*. Cambridge, 1988. 231 p.
 22. Grabowski R., Self S., Shields M. P. *Economic Development: A Regional, Institutional and Historical approach*. L.: Routledge, 2007. 336 p.
 23. *British Regionalism, 1900–2000*. Ed. by P. L. Garside, M. Hebbert. L.: Mansell, 1989. 310 p.
 24. *Issues of Regional Identity*. In Honour of John Marshall. Ed. by E. Royle. Manchester, 1998. 272 p.
 25. Gerson S. *The Pride of Place: Local Memories and Political Culture in Nineteenth-Century France*. Ithaca, 2003. 344 p.
 26. *Society, Religion and Culture in Seventeenth-Century Nottinghamshire*. Ed. by M. Bennett. Lewiston : The Edwin Mellen press, 2005. 244 p.

REFERENCES

1. Alimdzhanov B. A. [Neo-traditionalism as a marker of identity in contemporary Uzbekistan]. In: *Aziya i Afrika: nasledie i sovremennost': materialy XXIX Mezhdunarodnogo kongressa po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki, 21–23 iyunya 2017 g. T. 1* [Asia and Africa: the heritage and modernity: proceedings of the 29th International Congress on historiography and source studies of Asia and Africa, 21–23 June 2017. Vol. 1]. Saint Peterburg, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University, 2017, pp. 373–374.
2. Busygina I. M. *Politicheskaya regionalistika* [Political regionalism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 280 p.
3. Gladkii Yu. N., Chistobaev A. I. *Osnovy regional'noi politiki* [The basics of regional policy]. Saint Peterburg, 1998. 659 p.

4. Savelyev P. I., ed. *Imperskii stroi Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX v.)* [Russian Imperial system in the regional dimension (19th – early 20th centuries)]. Moscow, MONF Publ., 1997. 237 p.
5. Karmysheva B. Kh. *Ocherki etnicheskoi istorii yuzhnykh raionov Tadzhikistana i Uzbekistana* [Essays on the ethnic history of the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 323 p.
6. Hudakova V. I., Saburova T. A., eds. *Loka'nye soobshchestva imperskoi Rossii v usloviyakh sotsial'nykh konfliktov (Podkhody i praktiki v sovremennykh regional'nykh issledovaniyakh)* [The local communities of Imperial Russia in conditions of social conflict (approaches and practices in modern regional studies)]. Omsk, Omskii pedagogicheskii un-t Publ., 2009. 191 p.
7. Malikov A. M. [Uzbeks of “saray” group in the Zerafshan Valley in the 19th – early 20th centuries]. In: *Nauchnyi Vestnik Bukharskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Scientific Journal of Bukhara State University], 2007, no. 3, pp. 5–10.
8. Megill A. [Borders as a historical and theoretical problem]. In: *Teorii i metody istoricheskoi nauki: shag v XXI vek: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Theory and methods of history: step into the 21st century: materials of International scientific conference]. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, pp. 212–214.
9. Medushevskii A. N. [Regional history in the global dimension]. In: *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], 2009, no. 3, pp. 3–15.
10. Mosolova L. M. [Historiography of the 20th century on global and regional culture]. In: *Regiony Rossii: Sotsiokul'turnye konteksty khudozhestvennykh protsessov Novogo i Noveishego vremeni* [Regions of Russia: sociocultural contexts of the artistic processes in modern and contemporary history]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2002, pp. 12–16.
11. Nechaev V. D. *Regional'nyi mif v politicheskoi kul'ture sovremennoi Rossii* [Regional myth in the political culture of contemporary Russia]. Moscow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 157 p.
12. Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. [Terminological problems in the study of the locus history]. In: *Regional'naya istoriya, lokal'naya istoriya, istoricheskoe kraevedenie v predmetnykh polyakh sovremennogo istoricheskogo znaniya: Sb. statei i materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Regional history, local history, local historical studies in the subject fields of modern historical knowledge: a collection of articles and materials of the all-Russian scientific conference]. Izhevsk, Publishing center “Udmurt State University” Publ., 2012, pp. 3–10.
13. Repina L. P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI v.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the turn of the 21st century: social theories and historiographical practice]. Moscow, Krug” Publ., 2011. 560 p.
14. Miller A. I., ed. *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive* [The Russian Empire in a comparative perspective]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 382 p.
15. Ryzhenko V. G. [History, regional studies, cultural studies: opportunities for cooperation on the issue of “the appropriation of the past”]. In: Repina L. P., ed. *Istoricheskaya nauka segodnya: problemy, metody, perspektivy* [History today: problems, methods, prospects]. Moscow, URSS Publ., 2011, pp. 330–342.
16. Usmonov M. Sh. [The transformation of the ethnic culture of the Kungrat from southern Uzbekistan]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2013, no. 1 (48), pp. 297–302.
17. *Khorezm v istorii gosudarstvennosti Uzbekistana* [Khorezm in the history of Uzbek statehood]. Tashkent, Society of Philosophers of Uzbekistan Publ., 2013. 336 p.

18. Fadeeva L. A. *Skvoz' prizmu politicheskoi kul'tury: natsiya, klass, region* [Through the prism of political culture: nation, class, region]. Perm, Pushka Publ., 2006. 304 p.
19. Chernov E. A. [Regional history: the experience of theoretical interpretation]. In: *Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik*, 2006, iss. 8, pp. 38–48.
20. Baker Alan R. H. *Geography and History: Bridging the Divide*. Cambridge; N. Y., 2003. 281 p.
21. Baker Alan R. H. *Place, Practice and Structure*. Cambridge, 1988. 231 p.
22. Grabowski R., Self S., Shields M. P. *Economic Development: A Regional, Institutional and Historical approach*. L., Routledge, 2007. 336 p.
23. *British Regionalism, 1900–2000*. Ed. by P. L. Garside, M. Hebbert. L. Mansell, 1989. 310 p.
24. *Issues of Regional Identity*. In Honour of John Marshall. Ed. by E. Royle. Manchester, 1998. 272 p.
25. Gerson S. *The Pride of Place: Local Memories and Political Culture in Nineteenth-Century France*. Ithaca, 2003. 344 p.
26. *Society, Religion and Culture in Seventeenth-Century Nottinghamshire*. Ed. by M. Bennett. Lewiston, The Edwin Mellen press, 2005. 244 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович – кандидат исторических наук, независимый исследователь;

e-mail: felix_1985@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bakhtiyor A. Alimdjanov – PhD in Historical sciences, independent researcher;

e-mail: felix_1985@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алимджанов Б. А. Проблемы региональной истории (взгляд из Узбекистана) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 28–37.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-28-37

FOR CITATION

Alimdjanov B. Problems of Regional History: a View From Uzbekistan. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 28–37.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-28-37

УДК 94 (470.331). "19"

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-38-50

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА КОНСЕРВАТИЗМ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В РОССИИ

Куликова С. Г.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Московский областной филиал

143100, Московская обл., Рузский район, пос. Старотеряево, Российская Федерация

Аннотация. В результате обзора историографии автор приходит к выводу о том, что важнейшая составляющая консерватизма – его ориентированность на снятие политически заостренных вопросов методами общественно-экономической практики – до сегодняшнего дня остается без должного научного анализа. В этой связи важную практическую значимость приобретает изучение земства, объективно оказавшегося экспериментальной площадкой для реализации проблем самоуправления в России через хозяйственную практику. Безусловно, в земстве ковался русский либерализм, достаточно хорошо изученный в настоящее время. Однако земский консерватизм по сей день остается без должного изучения.

Ключевые слова: Российская империя (пореформенный период), консерватизм, земство, историография.

EVOLUTION OF RESEARCHERS' VIEWS ON CONSERVATISM: FORMULATION OF A ZEMSTVO CONSERVATISM PROBLEM IN RUSSIA

S. Kulikova

Moscow University of the MIA of Russia n.a. V. Ya. Kikot, Moscow Region Branch

Staroteriaev village 143100, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. Following the analysis of available historiography, the author concludes that the most important component of conservatism – its focus on settling politically sensitive issues via the methods of socio-economic practice – has not received a proper scientific analysis yet. In this regard, a study of Zemstvo, which was an experimental platform for implementing self-government principles via economic practices in Russia, is of great practical importance. There is no doubt that Zemstvo forged Russian liberalism, which is well studied at the present time. However, Zemstvo conservatism has so far not been properly studied.

Keywords: Russian Empire (post-reform period), conservatism, Zemstvo, historiography.

В свете укрепления ростков демократии практическую значимость приобретает, с одной стороны, исследование различных политических идеологий, с другой – институтов, которым суждено было сыграть роль «школы» политической

борьбы – органов местного самоуправления. Не секрет, что в земстве «ковался» российский либерализм. Однако, по справедливому замечанию историка В. П. Булдакова, ответы на вопросы о том: «С кем пришлось полемизировать “европеизированным” либералам внутри земских учреждений? Что представляли собой их оппоненты, из какой среды они происходили, в чем черпали силы, насколько активно отстаивали свои позиции?», российские исследователи до последнего времени почти не ставили» [21, с. 6]. Не секрет, что в земстве служили люди различных «политических» предпочтений, а будучи хозяйственным институтом, оно было скорее экспериментальной площадкой для реализации консервативного идеала. Актуальность объективного исследования земского консерватизма как силы, ставшей опорой государственной политики на местах, не вызывает сомнений. В этой связи исследование историографии земского консерватизма позволит не только дать взвешенные оценки политическим трансформациям российского общества, но и постичь значение местного самоуправления в истории государства.

Исходя из вышеизложенного, целью данной статьи является объективный анализ эволюции взглядов отечественных исследователей на консервативную политическую идеологию в целом и земский консерватизм в частности.

Цели исследования возможно достигнуть путем использования методологических принципов научности и историзма вкупе со сравнительно-историческим методом исследования.

В дореволюционной историографии не было специальных работ,

посвященных изучению земского консерватизма. Первые попытки анализа деятельности консерваторов были предприняты внутри консервативного лагеря еще в XIX в. и носили выраженный апологетический характер [49, с. 277]. Среди либералов по вопросу о сущности консерватизма не было единого мнения. Так, А. Д. Градовский указывал на общность его с либерализмом и отмечал возможность слияния этих течений в будущем [8, с. 200]. В свою очередь, Б. Б. Глинский и Л. З. Слонимский отмечали бессилие консервативной мысли перед либеральным движением в условиях модернизации [6, с. 247–274; 16, с. 781–789]. А. А. Корнилов верно подметил тенденции перехода от консерватизма к реакции, проявившиеся в попытке насаждения стародворянских принципов [12, с. 171]. Иные либералы и вовсе рассматривали консерваторов как царских сатрапов, воинствующих реакционеров и мракобесов [1, с. 5–6; 11, с. 253–329; 13, с. 278; 14, с. 772–810]. Между тем заслугой либеральных мыслителей являются первые попытки соотнесения славянофильства с государственно-охранительным течением русской консервативной мысли. Так, Ю. Н. Говоруха-Отрок на основе сравнительного анализа воззрений К. Н. Леонтьева и М. Н. Каткова пришел к выводу, что единственным расхождением является представление о сдерживающей силе против европейского прогресса: славянофилы считали таковой церковь, а государственники – власть [15, с. 2–3]. Аналогичную точку зрения на этот вопрос высказал Н. А. Бердяев [20, с. 208–234].

Изучение роли консерватизма в формировании нового правитель-

ственного курса после убийства народовольцами Александра II рассматривалось в рамках обобщающих работ по внутренней политике [2; 12]. Интересную оценку нового политического курса России дал в 1907 г. Н. А. Бердяев. Он усмотрел суть правительственного курса в «нигилистическом отношении» к человеку и миру «на почве религиозного отношения к Богу». При этом автор провел интересную параллель – сравнил идеолога русского консерватизма К. П. Победоносцева с К. Марксом. По его мнению, и тот, и другой рассматривали общество как «механику сил» и считали, что «роковой процесс падения человечества» может быть остановлен лишь «деспотической государственной властью» с одним лишь отличием: Маркс был атеистом, Победоносцев считал, что церковь послана в мир, чтобы «обуздать освобождение жизни». Таким образом, консервативная государственная политика обозначалась не иначе как цезарепапизм [18, с. 287; 19, с. 90–100].

Одним из первых дореволюционных исследователей, поставивших вопрос об истоках земского консерватизма, стал Г. А. Джаншиев. В рамках анализа борьбы «самоотверженных либералов» с «крепостниками» в Тверском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян, автор упоминает некоторых тверских консерваторов, дает им емкие характеристики [9]. Традиция была продолжена Н. И. Иорданским, выделившим внутри тверского дворянства «партию демократической конституции» и «партию сословного интереса» [10, с. 56–69]. Исследователь подчеркнул, что «борьба крепостников и либералов в Тверском комитете» была не борьбой сторонников и противников

крепостного права, а борьбой двух политических идеалов, «одинаково прогрессивных по сравнению с крепостным строем» [10, с. 72–73]. В отличие от Джаншиева он не идеализировал либеральное дворянство, замечая, что «дворянская оппозиция в целом стремилась к осуществлению системы политического либерализма ... в виде господства имущих классов» [10, с. 73].

Деятельность консерваторов на уровне земств впервые подчеркнул Б. Б. Веселовский. Так, в работах, посвященных Тверскому земству, выделены в отдельную группу консервативно ориентированные уезды Тверской губернии и обозначены земские гласные, наиболее активно выступавшие с консервативных позиций [3, с. 40–41; 4, с. 4–7; 5, с. 15]. Развивая мысль, В. Голубев выделил основные вопросы, подлежащие ведению земства, по которым позиции консерваторов и либералов в земских учреждениях расходились. Автор вскользь упомянул тверских земцев-консерваторов («ретроградов») Н. А. Столпакова, Б. В. Штюмерера [7, с. 25].

Несмотря на предпринятые рядом дореволюционных исследователей попытки анализа консервативной политической мысли в целом и земского консерватизма в частности, серьезных исследований темы предпринято не было. Попытки оценить деятельность консерваторов так или иначе уходили в эмоциональную плоскость.

После революции историки не проявляли интереса к проблеме: консерватизм как политическая идеология был чужд советской идеологии. Тем не менее исследователи советского периода не смогли полностью обойти проблему консерватизма, поскольку это обще-

ственно-политическое течение было тесно связано с внутренней политикой самодержавия.

В 20-е гг. XX в. выходят в свет работы Ю. В. Готье и Н. Н. Фирсова [23, с. 240–299; 56, с. 247–270]. В них деятельность консерваторов рассматривалась как реакционная, с характерными для этого чертами: антилиберализм, антиреволюционаризм и убежденный монархизм. Сформировался стереотип, по которому консерваторы стали рассматриваться как реакционеры, то есть противники всяких реформ и прогресса.

В период Великой Отечественной войны исследователи предпринимают попытки реабилитации представителей государственно-патриотической идеологии, видных консервативных идеологов и славянофилов, хотя успехом они не увенчались [28, с. 39–49; 29, с. 85–87].

Всплеск интереса к консервативной идеологии пришелся на период «оттепели» 60-80-х гг. XX в. Усилиями «школы Ю. М. Лотмана» были заложены основы изучения раннего консерватизма в рамках филологии [43]. Заслугой данного направления является реабилитация раннего консерватизма конца XVIII – первой трети XIX вв. [38, с. 133]. Параллельно учеными-историками был написан ряд обобщающих трудов по внутренней политике дореволюционной России. Фундаментальными явились труды П. А. Зайончковского, И. В. Оржиховского, в которых представлены яркие портреты представителей консерватизма, причем о многих подробно было написано впервые [30, с. 130–146; 31, с. 171–176; 39].

Итогом анализа эволюции консерватизма стало введение в научный

оборот термина «охранительный либерализм» [34, с. 154, 159; 51, с. 99–182]. Впервые представители консерватизма оцениваются не как мракобесы, а как «ревнители дворянства». Заслугой работ явилась «реабилитация» зрелого консерватизма XIX в.

С 70-х гг. XX в. прослеживается тенденция выделения консерватизма в самостоятельное направление. Значительную роль в этом сыграли работы В. А. Твардовской и С. Л. Эвенчик [53, с. 217–267; 60, с. 52–338]. Авторы рассматривали проблему приспособления консерватизма к прогрессу. Однако историческая эпоха накладывала свой отпечаток: деятельность консерваторов рассматривалась как продворянская, прикрытая лицемерными фразами о заботе правительства о крестьянстве.

Так или иначе, исследование проблем общественного движения в России стимулировало историков на изучение земского либерального движения и земской интеллигенции. В исследованиях Н. М. Пирумовой рассматривается либеральная земская оппозиция, которая, по мнению автора, была не только «самой левой», но и «самой сильной из всех либеральных группировок земских губерний» [41, с. 200]. При изучении тверских конституционалистов побочно рассматривались взгляды их оппонентов – консерваторов. Тенденция получила развитие в статьях Ф. А. Петрова и В. А. Широковой, в которых наряду с земцами-либералами упоминаются фамилии земцев-консерваторов [40, с. 188–199; 59, с. 151–159]. В свою очередь, Н. Г. Сладкевич рассмотрел деятельность тверских либералов в Комитете по улучшению быта помещичьих

крестьян, сопоставив позиции либерального и консервативного «крыла» Комитета [50, с. 8–53].

В целом исследователи советского периода не проявляли интереса к изучению консервативной идеологии. Тема возникала как побочная при изучении внутренней политики и земского либерального движения. Сформировался стереотип, по которому земство традиционно стали рассматривать как «опорный пункт либерального движения» [32, с. 196].

Существенно изменилась ситуация в конце 1980-х гг. После перестройки в обществе возникла потребность устранения диспропорции в изучении различных общественно-политических течений. Повышению внимания к проблеме немало способствовало разочарование в коммунистической теории государственного устройства и стремление противопоставить ей консерватизм в качестве противовеса. Переломными в изучении консерватизма стали 90-е гг. XX – начало XXI вв.

В изучении консерватизма на современном этапе можно выделить ряд направлений. Наибольшее количество академических исследований посвящено изучению конкретных представителей консервативной политической идеологии, их судеб, анализу их идей. В ряду этих исследований следует отметить коллективную монографию «Российские консерваторы», посвященную изучению деятельности консерваторов-практиков – правительственных деятелей XIX – начала XX вв. [47]. Намети́лась тенденция к изучению не только апологетов консерватизма, но и неизвестных представителей консервативной мысли [52]. Примечательно, что излишняя идеали-

зация уступила место более взвешенным оценкам. Исследователи все чаще указывают на «поправление» консерватизма с течением времени и неспособность решить проблемы модернизации, вставшие перед страной после Великих реформ. Так или иначе, общая картина эволюции русского консерватизма через призму жизни отдельных его представителей в целом воссоздана исследователями последних лет.

Ко второму направлению изучения консерватизма в отечественной историографии постсоветского периода следует отнести обобщающие исследования, в которых авторы предпринимают попытку комплексного анализа консерватизма. Здесь исследователи так или иначе пытаются рассмотреть русский консерватизм в рамках дихотомии традиция-модернизация. Ряд из них придерживаются точки зрения о несостоятельности консервативной правовой концепции, неспособности консерватизма создать целостную социальную программу в качестве ответа на модернизационный вызов и сыграть роль стабилизатора в российской политике в кризисные периоды истории [22, с. 37; 33, с. 135–145; 44, с. 200–213; 45, с. 202–220; 46, с. 145–189]. Тезис о слабости консервативно-либеральных элементов «красной нитью» проходит сквозь исследования, посвященные консервативной идеологии второй половины XIX в. [24, с. 231–234; 37, с. 11–29, 43–52, 214–233; 58, с. 10–31]. Это, по мнению авторов, привело к тому, что консервативная политическая идеология проиграла радикальным проектам начала XX в. Иной точки зрения придерживалась Т. А. Филиппова, доказывающая, что консерватизм продемонстрировал свою способность при-

способливаться к модернизационным процессам. Историю России второй половины XIX в. она рассматривает сквозь призму «устойчивой тенденции консервативного обновления», «активного консервативного реформаторства» [55, с. 153]. По мнению автора, наиболее четким отражением сильной консервативной идеи были Великие реформы, ориентированные на всестороннее и органичное приведение государственной жизни в соответствие с нуждами времени [54, с. 55]. Причины неудач консерватизма она связывает не с несостоявшимся консервативно-либеральным синтезом, а с тем, что консерваторы не уделили должного внимания «народной опоре» престола – крестьянству.

К третьему направлению в изучении консерватизма следует отнести работы политико-философского направления. В рамках данного направления выделяются работы теоретико-методологического характера [31, с. 43–66]. Важный вклад в изучение русского консерватизма внес сотрудник ИНИОН РАН И. Л. Бельский, проделавший колоссальную работу по созданию библиографического указателя трудов, вышедших по проблеме российского консерватизма [17].

Заслугой современной отечественной историографии является объективное исследование консерватизма, нацеленное на преодоление историографических клише [42, с. 141, 336]. Серьезный вклад в это внесли труды В. В. Шелохаева. Исследуя теоретические конструкции либерализма и консерватизма в пореформенной России, автор справедливо отмечает, что «позитивным моментом современной отечественной историографии является

осознание значимости этих проблем», однако мировоззренческие истоки русского консерватизма и либерализма остаются «до конца не проясненными» [57, с. 408]. Ситуацию несколько прояснили труды В. Я. Гросула, посвященные анализу идеологических доктрин российского самодержавия нового времени. Автор справедливо доказывает, что российский консерватизм, как и либерализм, «столкнувшись с демократией либеральной и социальной», проиграли [25, с. 39], не выполнив основной задачи «реальной политики того времени», а именно не предотвратив революцию [27, с. 151]. Рассматривая либеральное и консервативное направления общественной жизни пореформенной России, В. Я. Гросул приходит к выводу, что в пореформенной России либеральный лагерь противостоял лагерю консервативному, и революционному движению, что «способствовало изменению в программах и тактических установках» [26, с. 122]. В свою очередь М. Н. Крот продолжил посыл вышеуказанных авторов, дав развернутую характеристику основных направлений консервативной идеологии пореформенной России [36]. Между тем, задумываясь над вопросами о причинах краха идеологии и практики консерватизма, исследователи традиционно усматривают их в идеологических изъянах; возможно, анализ практической деятельности консерваторов в земстве сможет переломить ситуацию, позволит отойти от «историографических клише».

Подводя итог историографического обзора, можно констатировать, что в короткий срок произошло становление быстро развивающегося научно-

го направления. Между тем и сегодня остается ряд нерешенных вопросов: до сих пор исследователями недостаточно изучен вопрос типологии и периодизации отечественного консерватизма, слабо исследована роль российской консервативной мысли в общемировом масштабе, крайне неравномерно изучены жизнь и взгляды различных представителей российского консерватизма – творчество «апологетов» консерватизма изучено достаточно хорошо, в то время как о практической реализации их идей практически ничего не написано. А. П. Корелин справедливо заметил, что «российский консерватизм в своем конкретном социально-политическом выражении традиционно связывается с поместным дворянством» [48, с. 126]. Именно дворяне-землевладельцы составляли социальную базу консерватизма, оказывали наибольшее влияние на правительственный курс и более или менее последовательно защищали «традиционные государственные устои» – самодержавный и сословный строй. Одним из важнейших органов, в которых происходило самоопределение различ-

ных оттенков как либеральной, так и консервативной мысли, были земства. Т. А. Филиппова подчеркивает, что в отечественной историографии за земствами традиционно закрепились роль «ростков новой гражданственности самоуправления на местах и – в желаемой перспективе – основы будущих представительных форм правления», с этой исходной позиции традиционно рассматривалась деятельность либералов в земских органах [54, с. 55]. Между тем земства дали простор и для реализации консервативного идеала. Сильные позиции дворянства в них давали консерваторам реальную возможность воплощения своих проектов и давали основания мечтать о достижении мира в деревне и национального единства в государстве под патронатом традиционно господствующего сословия. Изучение деятельности консерваторов в органах местного самоуправления позволит оценить жизнеспособность консервативной идеи. Тем не менее, этот ключевой аспект истории русско-го консерватизма до сих пор не изучен.

Статья поступила в редакцию 07.02.2019

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Амфитеатров А., Аничков Е. Победоносцев. СПб.: Шиповник, 1907. 162 с.
2. Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 80-е годы // Русская мысль. 1910. Кн. IV. С. 31–57; Кн. V. С. 39–76; Кн. VII. С. 18–38; Кн. IX. С. 1–32.
3. Веселовский Б. Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864 – 1913 гг.). Тверь: Тип. губернского земства, 1914. 591 с.
4. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет: в 4 т. Т. III. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. 708 с.
5. Веселовский Б. Б. К вопросу о классовых интересах в земстве. Вып. 1. СПб.: Общественная польза, 1905. 164 с.
6. Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев // Исторический вестник. 1907. Т. CVIII. С. 247–274.
7. Голубев В. Роль земства в общественном движении. Ростов на/Д.: Донская речь Н. Парамонова, 1905. 86 с.
8. Градовский А. Д. Что такое консерватизм? // Русская речь. 1880. № 2. С. 199–234.

9. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. М.: б.и., 1898. 896 с.
10. Иорданский Н. И. Конституционное движение 60-х гг. СПб.: Салтыков, 1906. 155 с.
11. Кони А. Ф. Триумвиры // Собрание сочинений: в 8 т. Т. II. М.: Юридическая литература, 1966. С. 253–329.
12. Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). Исторические очерки. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1909. 263 с.
13. Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. Л.: Прибой, 1929. 427 с.
14. Трубецкой С. Н. О славянофильстве // Вестник Европы. 1892. Т. 5. Кн. 10. С. 772–810.
15. Ю. Н. [псевд., Говоруха-Отрок Ю. Н.] Несколько слов по поводу кончины К. Н. Леонтьева // Московские ведомости. 1891. 13 ноября. С. 2–3.
16. L. [псевд., Слонимский Л. З.] О «великой лжи» нашего времени // Вестник Европы. 1896. Т. 5. Кн. 10. С. 781–789.
17. Беленький И. Л. Консерватизм в России XVIII – начала XX вв. // Россия и современный мир. 2001. № 4 (33); 2002. № 1 (34); 2002. №2 (35); 2002. № 3 (36); 2002. № 4 (37); 2003. № 2 (39); 2003. № 3 (40); 2004. № 1 (42).
18. Бердяев Н. А. Нигилизм на русской почве // Победоносцев: Proetcontra. СПб.: РХГИ, 1996. С. 287–293.
19. Бердяев Н. А. Судьба русского консерватизма (1904 г.) // Киносценарии. 1989. № 5. С. 90–100.
20. Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Париж: YMCA-Press, 1989. 714 с.
21. Булдаков В. П. Предисловие // Куликова С. Г. Консерваторы и земство: планы и результаты деятельности 1864–1914 гг. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 6–8.
22. Ведерников В. В., Китаев В. А., Луночкин А. В. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX в. М.: Магистр, 1997. 38 с.
23. Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и Манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки АН СССР. 1938. № 2. С. 240–299.
24. Гриценко Н.Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 гг.: политические и духовные аспекты внутренней политики. М.: Русский путь, 2000. 240 с.
25. Гросул В. Я. Идеологические доктрины российского самодержавия нового времени // Идеология и политика в истории России: сб. ст. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 24–39.
26. Гросул В. Я. Либеральное и консервативное направления в общественной жизни Молдавии после 1861 г. // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2016. Вып. 7. С. 120–152.
27. Гросул В. Я. Реформы и революционное движение в России в XIX веке // Труды по теории истории. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 120–151.
28. Дмитриев С. С. Западники и славянофилы. Из истории русской общественной мысли // Молодой большевик. 1941. № 11. С. 39–49.
29. Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX в.) // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 85–87.
30. Зайончковский П. А. Александр III и его ближайшее окружение // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 130–146.
31. Зайончковский П. Рецензия на книгу И. В. Оржиховского // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 171–176.
32. История СССР: в 12 т. Т. V. М.: Наука, 1968. 749 с.
33. Каспэ С. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М.: РОС-СПЭН, 2001. 253 с.
34. Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50– 60-х гг. XIX в. М.: Мысль, 1972. 288 с.

35. Консерватизм в России («круглый стол») // Социс. 1993. № 1. С. 43–66.
36. Крот М. Н. Консервативная идеология пореформенной России. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2015. 160 с.
37. Либеральный консерватизм: история и современность / отв. ред. А. И. Нарезный, В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2001. 383 с.
38. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.
39. Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70 гг. XIX в. Горький: Горьковский ун-т, 1975. 167 с.
40. Петров Ф. А. Земское либеральное движение в Тверской губернии в 1879 – 1881 гг. // Проблемы истории СССР. Вып. 4. М.: МГУ, 1974. С. 188–199.
41. Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. М.: Наука, 1986. 268 с.
42. Политология. Энциклопедический словарь / ред. А.И. Аверьянов. М.: Московский коммерческий ун-т, 1993. 431 с.
43. Рейфман П. С. К истории славянофильской журналистики 1840–50 гг. // Учёные записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1977. Вып. 414. С. 37–56; 1979. Вып. 491. С. 35–58; 1981. Вып. 513. С. 73–85.
44. Репников А. В. Консервативная традиция и современность // Либеральный консерватизм: история и современность. М.: РОССПЭН, 2001. С. 200–213.
45. Репников А. В. Социальная проблематика в работах русских консерваторов начала XX в. // Признание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М.: РОССПЭН, 2001. С. 202–220.
46. Репников А. В. Консервативная модель // Модели общественного переустройства России XX в. М.: РОССПЭН, 2004. С. 145–189.
47. Российские консерваторы / вст. ст. А. И. Боханова. М.: Русский мир, 1997. 384 с.
48. Российский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. «Круглый стол» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 103–133.
49. Салтыков-Щедрин М. Е. Письма о провинции. Письмо осьмое // Полное собрание сочинений. Т. VII. Л.: Художественная литература, 1935. С. 270–287.
50. Сладкевич Н. Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. Л.: Ленинградский ун-т, 1979. 179 с.
51. Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). Л.: ЛГУ, 1962. 285 с.
52. Смолин М. Б. Очерки Имперского Пути. Неизвестные консерваторы второй половины XIX – первой половины XX в. М.: Форум, 2000. 304 с.
53. Твардовская В. А. Идеология самодержавия в период кризиса «верхов» на рубеже 1870 – 1880 гг. // Исторические записки. Т. 91. М.: Наука, 1973. С. 217–267.
54. Филиппова Т. А. Мудрость без рефлексии. Консерватизм в политической жизни России // Кентавр. 1993. № 6. С. 49–60.
55. Филиппова Т. А. Приоритеты поздней империи // Россия: государственные приоритеты и национальные приоритеты / вст. ст. О. В. Волобуев, В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2000. С. 129–146.
56. Фирсов Н. Н. Победоносцев. Опыт характеристики по письмам // Былое. 1924. № 25(3). С. 247–270.
57. Шелохаев В. В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // На разные темы. М.: РОССПЭН, 2016. С. 407–416.

58. Шелобаев С. В. Д. Н. Шипов – русский либерал-консерватор // *Соборность, земство, демократия*. Т. 1. Смоленск: б.и., 2003. С. 10–31.
59. Широкова В. А. Тверские либералы и народники 80-х годов на распутье // *Крестьянское и революционно-демократическое движение XVIII – XIX вв.* Вып. 2. Калинин: б.и., 1969. С. 151–159.
60. Эвенчик С. Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // *Учёные записки МГПИ им. В.И. Ленина*. 1969. № 309. С. 52–338.

SOURCES AND REFERENCES

1. Amfiteatrov A., Anichkov E. *Pobedonostsev* [Pobedonostsev]. Saint Peterburg, Shipovnik Publ., 1907. 162 p.
2. Bogucharskii V. Ya. [From the history of a political struggle in the 80s]. In: *Russkaya mysl'*, 1910, book IV, pp. 31–57; book V, pp. 39–76; book VII, pp. 18–38; book IX, pp. 1–32.
3. Veselovskii B. B. *Istoricheskii ocherk deyatel'nosti zemskikh uchrezhdenii Tverskoi gubernii (1864–1913 gg.)* [A historical sketch of the activity of Zemstvo institutions of the Tver province (1864–1913)]. Tver, Tip. gubernskogo zemstva Publ., 1914. 591 p.
4. Veselovskii B. B. *Istoriya zemstva za 40 let: v 4 t. T. III* [The history of Zemstvo over the time of 40 years: in 4 volumes. Vol. 3]. Saint Peterburg, Publisher of O. N. Popov Publ., 1909. 708 p.
5. Veselovskii B. B. *K voprosu o klassovikh interesakh v zemstve. Vip. 1* [On the issue of class interests in Zemstvo, iss. 1]. Saint Peterburg, Obshchestvenaiya pol'za Publ., 1905. 164 p.
6. Glinskii B. B. [Konstantin P. Pobedonostsev]. In: *Istoricheskii vestnik*, 1907, Vol. CVIII, pp. 247–274.
7. Golubev V. *Rol' zemstva v obshchestvennom dvizhenii* [The role of Zemstvo in the social movement]. Rostov on/D., Donskaya rech' N. Paramonova Publ., 1905. 86 p.
8. Gradovskii A. D. [What is conservatism?]. In: *Russkaya rech'*, 1880, no. 2, pp. 199–234.
9. Dzhanshiev G. A. *Epokha velikikh reform. Istoricheskie spravki* [The era of great reforms. Historical notes]. Moscow, unkn. Publ., 1898. 896 p.
10. Iordanskii N. I. *Konstitutsionnoe dvizhenie 60-kh gg.* [The constitutional movement of the 60s]. St.Peterburg, Saltykov Publ., 1906. 155 p.
11. Koni A. F. [Triumvirs]. In: *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. II* [Collected works: in 8 volumes. Vol. 2]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1966, pp. 253–329.
12. Kornilov A. A. *Obshchestvennoe dvizhenie pri Aleksandre II (1855 – 1881). Istoricheskie ocherki* [Social movement under Alexander II (1855–1881). Historical essays]. Moscow, Tov-vo typ. A. I. Mamontova, 1909. 263 p.
13. Feoktistov E. M. *Vospominaniya. Za kulisami politiki i literatury* [Memories. Behind the scenes of politics and literature]. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 427 p.
14. Trubetskoi S. N. [On Slavophilism]. In: *Vestnik Evropy*, 1892, vol. 5, book 10, pp. 772–810.
15. Yu. N. [pseud., Govorukha-Otrok Yu. N. A few words on the death of K. N. Leontiev]. In: *Moskovskie vedomosti*, 1891, 13 Nov. pp. 2–3.
16. [pseud., Slonimskii L. Z. On “great lies” of our time]. In: *Vestnik Evropy*, 1896, vol. 5, book 10, pp. 781–789.
17. Belen'kii I. L. [Conservatism in Russia (18th – early 20th centuries)]. In: *Rossiya i sovremenniy mir*, 2001, no. 4 (33); 2002, no. 1 (34); 2002, no. 2 (35); 2002, no. 3 (36); 2002, no. 4 (37); 2003, no. 2 (39); 2003, no. 3 (40); 2004, no. 1 (42).
18. Berdyaev N. A. [Nihilism on Russian soil]. In: *Pobedonostsev: Proetcontra*. Saint Petersburg, RGGI, 1996, pp. 287–293.

19. Berdyaev N. A. [The fate of Russian conservatism (1904)]. In: *Kinostsenarii*, 1989, no. 5, pp. 90–100.
20. Berdyaev N. A. *Tipy religioznoi mysli v Rossii* [Types of religious thought in Russia]. Paris, YMCA-Press Publ., 1989. 714 p.
21. Buldakov V. P. [Preface]. In: *Kulikova S. G. Konservatory i zemstvo: plany i rezul'taty deyatel'nosti 1864–1914 gg.* [Kulikova S. G. Conservatives and Zemstvo: plans and activity results (1864–1914)]. Moscow, Novyi Khronograf, 2019, pp. 6–8.
22. Vedernikov V. V., Kitaev V. A., Lunochkin A. V. *Konstitutsionnyi vopros v russkoi liberal'noi publitsistike 60–80-kh gg. XIX v.* [The constitutional issue in the Russian liberal journalism of 60^s–80^s of the 19th century]. Moscow, Magistr Publ., 1997. 38 p.
23. Got'e Yu. V. [Fighting governmental groups and the Manifesto of 29 April 1881]. In: *Istoricheskie zapiski*, 1938, no. 2, pp. 240–299.
24. Gritsenko N. F. *Konservativnaya stabilizatsiya v Rossii v 1881–1894 gg.: politicheskie i dukhovnye aspekty vnutrennei politiki* [Conservative stabilization in Russia of 1881–1894: political and spiritual aspects of domestic policy]. Moscow, Russkii put' Publ., 2000. 240 p.
25. Grosul V. Ya. [Ideological doctrines of the Russian autocracy of the new era]. In: *Ideologiya i politika v istorii Rossii: sb. st.* [Ideology and politics in the history of Russia: collection of articles]. Moscow, AIRO-XXI, 2016, pp. 24–39.
26. Grosul V. Ya. [Liberalism and conservatism in the social life of Moldova after 1861]. In: *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh*. Moscow, IRI RAN, 2016, no. 7, pp. 120–152.
27. Grosul V. Ya. [Reform and revolutionary movement in Russia in the 19th century]. In: *Trudy po teorii istorii* [Works on the theory of history]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2014, pp. 120–151.
28. Dmitriev S. S. [Westerners and Slavophiles. From the history of Russian social thought]. In: *Molodoi bol'shevik*, 1941, no. 11, pp. 39–49.
29. Dmitriev S. S. [Slavophiles and Slavophilism (from the history of Russian social thought in the mid-19th century)]. In: *Istoriik-marksist*, 1941, no. 1, pp. 85–87.
30. Zaionchkovskii P. A. [Alexander III and his entourage]. In: *Voprosy istorii*, 1966, no. 8, pp. 130–146.
31. Zaionchkovskii P. [A review on a book by I. V. Orzhekhowsky]. In: *Voprosy istorii*, 1977, no. 5, pp. 171–176.
32. *Istoriya SSSR: v 12 t. T. V* [History of the USSR: in 12 volumes. Vol. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 749 p.
33. Kaspe S. *Imperiya i modernizatsiya: obshchaya model' i rossiiskaya spetsifika* [Empire and modernization: a general model and Russian specificity]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 253 p.
34. Kitaev V. A. *Ot frondy k okhranitel'stvu. Iz istorii russkoi liberal'noi mysli 50–60-kh gg. XIX v.* [From opposition to conservatism. From the history of Russian liberal thought in the 50^s–60^s of the 19th century]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 288 p.
35. [Conservatism in Russia (round table)]. In: *Sotsis*, 1993, no. 1, pp. 43–66.
36. Krot M. N. *Konservativnaya ideologiya poreformennoi Rossii* [The conservative ideology of post-reform Russia]. Rostov n/D., Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta Publ., 2015. 160 p.
37. *Liberal'nyi konservatizm: istoriya i sovremennost', otv. red. A. I. Nareznyi, V. V. Shelokhaev* [Liberal conservatism: history and modernity, ed. by A. I. Nareznyi, V. V. Shelokhaev]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 383 p.
38. Minakov A. Yu. [New approaches and trends of studying Russian conservatism in contemporary Russian historiography]. In: *Otechestvennaya istoriya*, 2005, no. 6, pp. 133–142.

39. Orzhekhovskii I. V. *Iz istorii vnutrennei politiki samodержaviya v 60–70 gg. XIX v.* [From the history of the domestic policy of autocracy in the 60s–70s of the 19th century]. Gorkiy, Gor'kovskii un-t Publ., 1975. 167 p.
40. Petrov F. A. [Zemstvo liberal movement in the Tver province in 1879 – 1881]. In: *Problemy istorii SSSR, iss. 4.* Moscow, MGU, 1974, pp. 188–199.
41. Pirumova N. M. *Zemskaya intelligentsiya i ee rol' v obshchestvennoi bor'be do nachala XX v.* [Zemstvo intelligentsia and its role in the social struggle till the beginning of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 268 p.
42. *Politologiya. Entsiklopedicheskii slovar', red. A.I. Aver'yanov* [Political science. Encyclopedic dictionary, ed. by A. I. Averyanov]. Moscow, Moskovskii kommercheskii un-t Publ., 1993. 431 p.
43. Reifman P. S. [The history of Slavophile journalism (1840–1850)]. In: *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1977, iss. 414, pp. 37–56; 1979, iss. 491, pp. 35–58; 1981, iss. 513, pp. 73–85.
44. Repnikov A. V. [Conservative tradition and modernity]. In: *Liberal'nyi konservatizm: istoriya i sovremennost'* [Liberal conservatism: history and modernity]. Moscow, ROSSPEN, 2001, pp. 200–213.
45. Repnikov A. V. [Social issues in the works of Russian conservatives of the early 20th century]. In: *Priznanie istorika. Problemy dukhovnoi i politicheskoi istorii Rossii* [A historian's confession. The problems of spiritual and political history of Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2001, pp. 202–220.
46. Repnikov A. V. [Conservative model]. In: *Modeli obshchestvennogo pereustroistva Rossii XX v.* [The models of social reconstruction of Russia in the 20th century]. Moscow, ROSSPEN, 2004, pp. 145–189.
47. *Rossiiskie konservatory / vst. st. A. I. Bokhanova* [Russian conservatives, an introductory article by A. I. Bokhanov]. Moscow, Russkii mir Publ., 1997. 384 p.
48. [Russian conservatism: problems, approaches, and opinions. Round table]. In: *Otechestvennaya istoriya*, 2001, no. 3, pp. 103–133.
49. Saltykov-Shchedrin M. E. [Letters on province. The 8th letter]. In: *Polnoe sobranie sochinenii. T. VII* [Complete works. Volume 7]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1935, pp. 270–287.
50. Sladkevich N. G. *Bor'ba obshchestvennykh techenii v russkoi publitsistike kontsa 50-kh – nachala 60-kh gg. XIX veka* [The struggle of social movements in the Russian journalism of the late 50s–early 60s of the 19th century]. Leningrad, Leningradskii un-t Publ., 1979. 179 p.
51. Sladkevich N. G. *Ocherki istorii obshchestvennoi mysli Rossii v kontse 50-kh – nachala 60-kh gg. XIX veka (Bor'ba obshchestvennykh dvizhenii v godu pervoy revolyutsionnoy situatsii)* [Essays on the history of social thought in Russia in the late 50s – early 60s of the 19th century (the struggle of social movements in the years of the first revolutionary situation)]. Leningrad, LGU Publ., 1962. 285 p.
52. Smolin M. B. *Ocherki Imperskogo Puti. Neizvestnye konservatory vtoroi poloviny XIX veka – pervoi poloviny XX veka* [Essays on the Imperial Path. Unknown conservatives of the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow, Forum Publ., 2000. 304 p.
53. Tvardovskaya V. A. [The ideology of autocracy during the crisis of "tops" in 1870–1880]. In: *Istoricheskii zapiski* [Historical notes], 1973, vol. 91, pp. 217–267.
54. Filippova T. A. [Wisdom without reflection. Conservatism in the political life of Russia]. In: *Kentavr*, 1993, no. 6, pp. 49–60.
55. Filippova T. A. [The priorities of the late Empire]. In: *Rossiya: gosudarstvennye priority i natsional'nye priority, vst. st. O. V. Volobuev, V. V. Shelokhaev* [Russia: government pri-

- orities and national priorities, an introductory article by O. V. Volobuev, V. V. Shelokhaev]. Moscow, ROSSPEN, 2000, pp. 129–146.
56. Firsov N. N. [Pobedonostsev. Experience of letter-based characterization]. In: *Byloe*, 1924, no. 25 (3), pp. 247–270.
57. Shelokhaev V. V. [The state of modern historiography of Russian liberalism and conservatism]. In: *Na raznye temy* [On various topics]. Moscow, ROSSPEN, 2016, pp. 407–416.
58. Shelokhaev S. V. [D. N. Shipov – a Russian liberal-conservative]. In: *Catholicity, Council, democracy. Vol. 1*. Smolensk, unkn. Publ., 2003, pp. 10–31.
59. Shirokova V. A. [Tver liberals and populists of the 80s at the crossroads]. In: *Krest'yanskoe i revolyutsionno-demokraticeskoe dvizhenie XVIII – XIX vv., iss. 2*. Kalinin, unkn. publ., 1969, pp. 151–159.
60. Evenchik S. L. [Pobedonostsev and the aristocratic-feudal line of autocracy in post-reform Russia]. In: *Uchenye zapiski MGPI im. V.I. Lenina*, 1969, no. 309, pp. 52–338.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликова Светлана Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: cvetlana-1977@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana G. Kulikova – PhD in Historical sciences, Associate Professor, Deputy Head at the Department of State and Civil Law Disciplines, Moscow Region Branch of the Moscow University of the MIA of Russia n. a. V. Ya. Kikot;
e-mail: cvetlana-1977@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куликова С. Г. Эволюция взглядов исследователей на консерватизм: к постановке проблемы изучения земского консерватизма в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 38–50.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-38-50

FOR CITATION

Kulikova S. Evolution of Researchers' Views on Conservatism: Formulation of a Zemstvo Conservatism Problem in Russia. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 38–50.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-38-50

УДК 930/930.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-51-58

ПОНЯТИЕ «ДВОЕВЛАСТИЯ» В СПРАВОЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СООТВЕТСТВИИ С НОВЫМ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО СТАНДАРТА (УМК ИКС)

Яковлев Н. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. На основании сравнительно-исторического метода и принципа объективизма исследованы разные интерпретации двоевластия в современной справочной и учебной литературе. Выявлено, что понятие «двоевластия» пока в целом соответствует концепции, сложившейся в советской историографии. Разночтение понятия «двоевластия» в современной справочной, учебной литературе и в историко-культурном стандарте нового учебно-методического комплекса требует от научного сообщества углубленного изучения этого периода Великой Российской революции. Необходима методологически обоснованная и логически непротиворечивая концепция «двоевластия» для организации эффективного учебного процесса. Статья адресована преподавателям учебных учреждений среднего и высшего профессионального образования, историкам, аспирантам, учителям, студентам исторических специальностей.

Ключевые слова: Великая Российская революция, концепция двоевластия 1917 г., учебно-справочная литература, учебно-методический комплекс историко-культурного стандарта.

THE CONCEPT OF "DUAL POWER" IN THE REFERENCE AND EDUCATIONAL LITERATURE IN ACCORDANCE WITH THE NEW EDUCATIONAL-METHODICAL COMPLEX OF HISTORICAL AND CULTURAL STANDARD

N. Yakovlev

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. In this article, the author undertakes a study of different interpretations of dual power in modern reference and educational literature using the comparative-historical method and the principle of objectivism. It is shown that the concept of dual power generally complies with the concept having prevailed in the Soviet historiography. The discrepancy between the concept of dual power in modern reference, educational literature and the new educational-methodical complex of historical and cultural standard requires an in-depth study of the period of the Great Russian Revolution. A methodologically sound and not contradictory concept of dual power is necessary for organizing an effective educational process. The article can be of interest to

lecturers (secondary and higher vocational education), historians, graduate students, history teachers and students.

Keywords: Great Russian Revolution, concept of “dual power” in 1917, educational and reference literature, educational-methodical complex of historical and cultural standard.

Крах Российской монархии в 1917 г. был результатом катастрофического системного обвала государственности. Вот мнение М. М. Гаккебуша, известного в Российской империи публициста и журналиста, не принявшего большевистский переворот: «Виноваты все мы – сам-то народ меньше всего. Виновата династия, которая наиболее присущий ей, казалось бы, монархический принцип позволила вывалить в навоз; виновата бюрократия, рабствовавшая и продажная; духовенство, забывшее Христа и обратившееся в рясофорных жандармов; школа, оскотливлявшая молодые души; семья, развращавшая детей, интеллигенция, оплевывавшая Родину» [2, с. 10]. Данное высказывание, по нашему мнению, исчерпывающее. Используя язык синергетики, можно утверждать, что страна оказалась в точке бифуркации, когда её будущее было непредсказуемо и могло пойти по любому сценарию. Подобная неопределенность всегда приводит к спорам вокруг сущности и хронологии исторического процесса.

Неоднозначность оценок относится в полной мере и к периоду двоевластия в 1917 г., что отражается в учебной литературе. Например, Е. Ю. Спицин в своём 4-томном «Полном курсе истории России» даёт три основных точки зрения историков на проблему двоевластия: «Н. Верт, Б. Булдаков и А. Головатенко утверждают, что вместо двоевластия на всей территории России в 1917 г. существовало не двоевластие, а многовластие. А. Боханов и В. Дмитри-

енко отрицают вообще двоевластие. Советы выполняли вспомогательную роль в общей системе демократических органов власти. А. Дворниченко, отрицая также ленинский тезис о «двоевластии», заявляет о полном безвластии в стране» [5, с. 18–19]. Таким образом, от субъективной позиции историка зависит характеристика исторического процесса. Причём следует признать, что каждый из вышеупомянутых историков, в основном, опирается на одни и те же факты. Закономерно возникает вопрос об истинности этих суждений, об их соответствии объективной реальности исторического процесса 1917 г. Ведь не может же быть один и тот же тезис одновременно верным и ложным? В исторической науке – может и бывает. Такая ситуация возникает при противоречивости изучаемого предмета в нашем случае – двоевластия.

Актуальность темы заключается в том, что интерпретация событий 1917 г. пересматривается снова и снова, это порождает объективные трудности их преподавания на всех уровнях образования¹. По нашему мнению, именно процесс взаимодействия Временного правительства с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всех уровней – двоевластие,

¹ До принятия нового УМК ИКС в историографии 1917 г. было две революции – Февральская и Октябрьская, теперь этот период называется Великой Российской революцией, однако пока ещё нет общепризнанной парадигмы её развития и хронологии, не ясно, как характеризовать февральские и октябрьские события – восстание или переворот.

является той точкой бифуркации, которая определила итог Великой Российской революции – приход к государственной власти большевиков.

Цель статьи – исследование проблемы характеристики сущности и хронологии двоевластия в справочной, энциклопедической и учебной литературе для средней школы в соответствии с новым учебно-методическим комплексом и историко-культурным стандартом (УМК ИКС).

Что такое двоевластие как понятие? Обратимся к словарям. «**Двоевластие** – ср. Одновременное существование двух противостоящих друг другу властей (в государстве, городе и т.п.)»¹. «**Двоевластие** – англ. dual power нем. Doppelherrschaft. Состояние политической системы, характеризующееся наличием двух противоборствующих сил, одновременно находящихся у власти, ни одна из которых не имеет полного контроля над обществом»². Мы видим, что феномен двоевластия имеет следующие признаки – наличие двух властей и противоборство между ними.

Исторические справочники, кроме сущности, включают в себя и хронологию двоевластия. В учебном пособии 2002 г. «**Отечественная история в терминах и понятиях**»³, **двоевластие характеризуется так** – «Двоевластие – своеобразная политическая ситуация, существовавшая в России после

Февральской революции со 2 марта по 4 июля 1917 г. Одна власть, была представлена Временным правительством, другая – Советами рабочих и солдатских депутатов. 1 марта Временный комитет Государственной думы, имевший значительное влияние в столице, заключил соглашение с Петроградским советом о поддержке Временного правительства и праве контроля за ним со стороны Совета. Отношения между ними колебались от сотрудничества до соперничества». Словарь-справочник, по истории России, изданный в 2011 г.⁴, определяет двоевластие следующим образом: «Двоевластие – уникальная политическая обстановка в России после Февральской революции 1917 г. в марте – начале июля. Сложилась в результате соглашения 1 (14) марта 1917 г. лидеров эсеров и меньшевиков, располагавших большинством голосов в Петроградском Совете рабочих и Солдатских депутатов, с Временным комитетом Государственной думы об образовании Временного правительства. Характеризовалось одновременным переплетением власти двух властных органов, выражавших интересы разных общественных слоёв: буржуазии – Временное правительство, рабочих и крестьянства – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Несмотря на разницу между изданиями в девять лет, интерпретация и хронология двоевластия в них идентичны.

Рассмотрим трактовку двоевластия в Большой Российской энциклопедии⁵: «...датой образования В. п.

¹ См.: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка (Толково-образовательный): в 2-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 2000.

² См.: Социологический энциклопедический словарь (редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов). М.: Инфра-М, 2000.

³ См.: Отечественная история в терминах и понятиях: учебное пособие под общей редакцией М. В. Зотовой. М.: МГУП, 2002.

⁴ См. статью «Двоевластие» в учебно-практическом пособии авторов Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. «История России: словарь-справочник» (Москва: Проспект, 2011).

⁵ См. статью С. Ю. Малышевой «Временное правительство» в 6-м т. БРЭ (2005–2017

[Временное правительство], считается 2(15) марта, в ночь на которое полномочия В. п. подтвердил игравший роль революц. центра Петросовет – выборный революц. орган в столице России в 1917 году. В. п. действовало в условиях “двоевластия” наряду с т. н. обществ. комитетами, а также советами во главе с Петросоветом (в июле их ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ, обществ.-политич. организация, передал В. п. всю полноту власти). Сложившуюся ситуацию современники воспринимали иногда и как “десятивластие”, и как “двоебезвластие”».

Если обратиться к концепции двоевластия нового УМК ИКС, утвержденного 30.10.2013 г.¹, то мы обнаружим, что она не противоречит концепции справочных и энциклопедических изданий, опубликованных раньше. Формирование Временного правительства и программа его деятельности. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и его декреты. Весна–лето: «зыбкое равновесие» политических сил при росте влияния большевиков во главе с В. И. Лениным. Июльский кризис и конец «двоевластия». Более того, в целом она соответствует понятию двоевластия из советской историографии, которая была результатом субъективного ленинского восприятия революционного процесса 1917 г.

Итак, в советской историографии «ДВОЕВЛАСТИЕ – своеобразное переплетение двух властей в России в

гг.) или ее электронную версию на интернет-портале БРЭ (https://bigenc.ru/domestic_history/text/2333601)

¹ См. Концепцию нового учебно-методического комплекса по отечественной истории (с. 47 в разделе по историко-культурному стандарту).

феврале – июле 1917: власти буржуазии в лице Временного правительства и демократич. диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Д. создалось ввиду сложных социально-экономич. и политич. условий, в которых совершилась Февр. бурж.-демократич. революция 1917. <...> Лидеры крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков захватили гос. власть, образовав 27 февр. (12 марта) Врем. исполнит. к-т Гос. думы. Рядом с ним революционным творчеством масс было создано “...слабое, зачаточное, но все-таки, несомненно, существующее на деле и растущее другое правительство...” (В. И. Ленин <...>) – Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и Советы на местах, являвшиеся органами революц.-демократич. диктатуры пролетариата и крестьянства. <...> 9(22) июля ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ИК Всероссийского Совета крест. депутатов <...> объявили о признании неограниченных полномочий Временного правительства². Несложно обнаружить хронологическое расхождение текста Советской исторической энциклопедии с датой возникновения двоевластия, по мнению В. И. Ленина. В энциклопедии: 2 марта, образование Временного правительства, а у В. И. Ленина: 27 февраля, создание ВКГД.

По нашему мнению, эта несостыковка в датах демонстрирует до сих пор не решённую проблему интерпретации событий с 27 февраля по 2 марта 1917 г. Ведь уже 27 февраля были созданы Петросовет и ВКГД, а 1 марта

² Советская историческая энциклопедия: в 16-ти т. Т. 5: Двинск – Индонезия. М.: Советская энциклопедия, 1964. Стлб. 13-14.

Петросовет издал Приказ № 1, то есть начал действовать как орган государственной власти. При этом Петросовет имел абсолютную поддержку в войсках Петрограда. А действия ВКГД по отречению Николая II были поддержаны армией. То есть и Петросовет и ВКГД действовали сообща с целью свергнуть законного монарха. В задачу Петросовета входило, в силу его легитимности, обуздание разбушевавшейся народной революционной стихии – революции снизу, а ВКГД – создание новой структуры власти, так как Государственная дума являлась легальным государственным органом, в отличие от Петросовета. Поэтому некоторые ученые считают двоевластием период с 27 февраля по 2 марта, в котором Петросовет и ВКГД действуют против власти Николая II [4].

Власть Советов в ленинском восприятии политической ситуации апреля 1917 г. носила ярко выраженный насильственный, экстремистский, в современном понимании, характер, тогда как позиция лидеров Петросовета состояла в сотрудничестве с Временным правительством.

Ленин так характеризовал власть Советов: «Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, не на закон, изданный централизованной государственной властью»¹. Таким образом, современная и советская трактовки понятия двоевластия в целом совпадают и опираются на концепцию

В. И. Ленина. Идентично характеризует период двоевластия и современный УМК ИКС. Начало двоевластия – весна, то есть 2 марта. Конец – июльский кризис, это может быть 4 июля – уход в отставку премьера Правительства Львова; или 9 июля, когда ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов объявили о признании неограниченных полномочий Временного правительства. Так как до возвращения в Россию В. И. Ленина 3 апреля 1917 г., никто не говорил о двоевластии или о противостоянии Советов Временному правительству как враждебному органу власти, это даёт нам основание утверждать, что двоевластие первоначально, начиная с февраля по апрель 1917 г., было симулякром.

Рассмотрим современную концепцию двоевластия в школьных учебниках, рекомендованных новым УМК ИКС. В учебнике «История России. 10 класс» под редакцией профессора А. В. Торкунова издательства «Просвещение» февральскому периоду Великой Российской революции посвящено семь страниц, прямо о двоевластии упоминается только на одной странице в контексте «Апрельских тезисов» В. И. Ленина, как о характеристике ситуации в России, по его мнению [3, с. 32]. Отметим, что признаки онтологии двоевластия в учебнике прослеживаются – их три.

1. В ночь с первого на второе марта ВКГД и Исполком Петросовета договорились об образовании Временного правительства, состоящего из либералов, но осуществляющего программу, согласованную с Петросоветом.

2. 3 марта опубликована декларация Временного правительства, поддержанная Петросоветом.

¹ Из статьи В. И. Ленина «О двоевластии», опубликованной в газете «Правда» 9 апреля 1917 г. (ПСС. Т. 31. С. 145).

3. Несмотря на то, что Петросовет передал власть Временному правительству, он оставил за собой право контролировать его деятельность и в случае необходимости издавать собственные распоряжения.

Таким образом, авторы данного учебника считают, что Временное правительство обладало всей полнотой власти, так как Петросовет передал ему власть, но при этом оставил за собой право контролировать его [3, с. 30]. То есть они констатируют онтологический дуализм формировавшейся системы власти, основой которого стал добровольный отказ Петросовета от власти. В учебнике нет концепции и чёткой хронологии двоевластия, однако прослеживается тенденция не противостояния Советов и Временного правительства, а их взаимодействия до сентября 1917 г.

В учебнике О. В. Волобуева «История России: начало XX – начало XXI в.» проблема двоевластия раскрыта более полно. Пункт 3 параграфа 3 называется «Два центра власти», то есть в нём представлен механизм формирования новой переходной системы властных отношений – двоевластия [1, с. 28–30]. При этом Совет действует как орган революционной власти, издав Приказ № 1 [1, с. 29]. По нашему мнению, этот тезис имеет ключевое значение, так как приказ был издан 1 марта! То есть ещё не существовало Временного правительства и Николай II оставался у власти, а в столице появился явочным порядком демократически сформированный, т.е. легитимный, орган власти. Аналогично учебнику А. В. Торкунова, учебник О. В. Волобуева не противопоставляет Петросовет Временному правительству, его состав согласуется

с Петросоветом [1, с. 29]. Этот тезис подчеркивается упоминанием вхождения А. Ф. Керенского как во Временное правительство, так и в Исполком Петросовета. Причина двоевластия авторами не раскрывается, но из анализа программ партий меньшевиков и эсеров можно сделать вывод, что причина в отказе от власти Петросовета и в неготовности России к социализму. В содержании параграфа 4 есть пункт «двоевластие» [1, с. 33]. Однако в самом тексте параграфа говорится только о конце двоевластия, который связан с июльским кризисом Временного правительства [1, с. 37–38]. По тексту учебника не ясно, когда оно возникло, но исходя из содержания параграфа, следует признать, что двоевластием является период апрель – июль. Начало двоевластия – 4 апреля, «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, выдвижение лозунга «Вся власть Советам!». Завершение – 8 июля, создание второго коалиционного Временного правительства с неограниченными полномочиями, снятие В. И. Лениным лозунга «Вся власть советам!». Таким образом, мы видим, что проблема двоевластия раскрыта в учебнике О. В. Волобуева в большем объеме, хотя не определено его начало и не дано чёткое определение этого явления.

Итак, мы установили, что оба учебника возникновения проблемы двоевластия связывают с «Апрельскими тезисами» В. И. Ленина. Подчёркивая таким образом, что она является не отражением объективной реальности, а субъективной ленинской интерпретацией революции. Однако в обоих учебниках отмечается формирование двух властных центров, противостояние которых не предопределено. Действительно, Петросовет и ВКГД созданы

27 февраля. Временное правительство возникло в результате соглашения Петросовета и ВКГД 2 марта, а двоевластие возникло только 3 апреля, как рефлексия Владимира Ильича. Как в таком случае определить революцион-

ный период с 27 февраля по 3 апреля? Эта проблема двоевластия пока не раскрыта в учебной литературе и требует дальнейшей проработки.

Статья поступила в редакцию 29.11.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуев О. В., Карпачев С. П., Романов П. Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник. М.: Дрофа, 2016. 367 с.
2. [Гаккебуш М. М.] М. Горелов, псевд. На реках Вавилонских: заметки беженца. [Берлин]: [б. и.], 1921. 106 с.
3. История России. 10 класс: учебник для общеобразовательных организаций в 3-х ч. Ч. 1 / под ред. А. В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 175 с.
4. Николаев А. Б. Двоевластие в политической системе революционной России (1917 г.) // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 1–12.
5. Спицын Е. Ю. Россия – Советский Союз, 1917–1945 гг.: полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Книга 3. М.: Концептуал, 2015. 400 с.

REFERENCES

1. Volobuev O. V., Karpachev S. P., Romanov P. N. *Istoriya Rossii: nachalo XX – nachalo XXI v. 10 klass: uchebnik* [History of Russia: the beginning of the 20th – the beginning of the 21st centuries. 10th grade: a textbook]. Moscow, Drofa Publ., 2016. 367 p.
2. [Gakkebush M. M.] M. Gorelov, pseud. *Na rekakh Vavilonskikh: zametki bezhentsa* [On the rivers of Babylon: notes of a refugee]. Berlin, 1921. 106 p.
3. Torkunov A. V., ed. *Istoriya Rossii. 10 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsii v 3 ch. Ch. 1*. [The History of Russia. 10th grade: a textbook for educational organizations in 3 parts. Part 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2016. 175 p.
4. Nikolaev A. B. [Dual power in the political system of revolutionary Russia (1917)]. In: *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: sobytiya i kontseptsii, posledstviya i pamyat': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 11–12 May 2017 y.* [The revolution of 1917 in Russia: events and concepts, consequences and memory: proceedings of the international scientific-practical conference, St. Petersburg, 11–12 May 2017]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017, pp. 1–12.
5. Spitsyn E. Yu. *Rossiya – The Soviet Union, 1917–1945 gg., polnyi kurs istorii dlya uchitelei, prepodavatelei i studentov. Kniga 3* [Russia – the Soviet Union, 1917–1945: a complete history course for teachers, lecturers and students. Book 3]. Moscow, Kontseptual Publ., 2015. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлев Николай Александрович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: mars1972.mars1973@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay A. Yakovlev – postgraduate student at the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Time, Moscow Region State University;
e-mail: mars1972.mars1973@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яковлев Н. А. Понятие «двоевластия» в справочной и учебной литературе в соответствии с новым учебно-методическим комплексом историко-культурного стандарта (УМК ИКС) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 51–58.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-51-58

FOR CITATION

Yakovlev N. The Concept of "Dual Power" in the Reference and Educational Literature in Accordance with the New Educational-Methodical Complex of Historical and Cultural Standard. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 51–58.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-51-58

УДК: 327(470): 94(436) «1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-59-70

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В АВСТРИИ В 1945 ГОДУ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТРАНЫ ОТ ФАШИЗМА В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Семёнова В. К.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье дается сжатый историографический анализ научных публикаций современных российских историков, в которых раскрываются важнейшие проблемы, связанные с политикой СССР в Австрии после её освобождения от фашизма в 1945 г. Корпус историографических источников для рассмотрения исследуемых проблем составили изданные документы, монографические работы, научные статьи и учебные издания, диссертационные исследования. В результате изучения историографических источников автор приходит к выводу о том, что постсоветский теоретико-методологический плюрализм способствовал выходу отечественного австроведения на новый качественный уровень; стали пересматриваться устоявшиеся и во многом политизированные, оценки, смелее подниматься ранее не исследуемые темы. Однако, по мнению автора, идеологические и политические предпочтения и симпатии наших исследователей негативно сказываются на объективности рассматриваемых проблем; остается востребованным беспристрастный подход к изучению и характеристике советской политики в Австрии вообще и в оккупационной политике СССР в частности.

Ключевые слова: историография, советская политика в Австрии, советская оккупационная власть, денацификация, воссоздание демократической австрийской государственности, Временное правительство.

SOVIET POLICY IN AUSTRIA IN 1945 AFTER LIBERATING THE COUNTRY FROM FASCISM: PERSPECTIVE OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

V. Semenova

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. This article gives a brief historiographical analysis of contemporary Russian academic publications on the most crucial issues of the foreign policy of the USSR in Austria after its liberation from fascism in 1945. Historiographical sources under study comprised published documents, monographs, academic papers, textbooks and thesis works. As a result, the author concludes that the post-Soviet theoretical and methodological pluralism has brought domestic Austrian studies to a new level. As a result, conventional and largely politically motivated values

have undergone revaluation, thereby raising previously unexplored and sensitive issues. Nevertheless, the author believes that ideological and political preferences of Russian researchers still have a negative effect on their objectivity. An unbiased approach to the foreign policy of the Soviet Union in Austria, or Soviet occupation policy in particular, is still in demand.

Keywords: historiography, Soviet foreign policy in Austria, Soviet occupation government, denazification, revival of democratic statehood in Austria, interim government.

История современной Австрийской Республики берет своё начало с апреля 1945 г. после освобождения австрийского народа от фашизма странами антигитлеровской коалиции, решающая роль в котором принадлежала советским солдатам. Политика СССР в Австрии, в период её нового государственного становления в 1945–1955 гг., была в центре научных интересов многих советских исследователей, на содержание публикаций которых сказывались, конечно, идеологические и пропагандистские «указания» и «рекомендации» коммунистических властей.

Важнейший этап в изучении проблематики послевоенной австрийской истории в отечественной историографии наступил в 90-х гг. XX в., будучи связанным с новым вектором политико-экономического развития нашей страны, с разрушением жёстких коммунистических идеологических рамок. Начинает решительно обновляться источниковая база российских исследований, в результате плодотворной деятельности российских и австрийских ученых подготавливаются сборники документов, позволяющих посмотреть по-новому на советскую политику в Австрии. Осенью 2005 г. Институт по исследованию последствий войн им. Людвиг Больцмана (Грац, Австрия) опубликовал под редакцией С. Карнера, Б. Штельцль-Маркс и академика РАН А. О. Чубарьяна 2-томный труд

«Красная Армия в Австрии. 1945–1955» [14; 15]. В 2006 г. российские и австрийские историки совместно издают в Санкт-Петербурге сборник документов «Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг.» [19]. В 2015 г. в Москве выходит в свет сборник документов «СССР и Австрия на пути к Государственному договору. Страницы документальной истории. 1945–1955. Образы и тексты» [20].

В указанных книгах в большей или меньшей степени были представлены источники, освещавшие пребывание Советской Армии на территории Австрии и деятельность советских оккупационных властей. Значительная часть документов – это материалы российских архивов, большинство из которых были в советское время засекречены. Постсоветский теоретико-методологический плюрализм способствовал выходу отечественной историографии, освещающей важнейшие проблемы послевоенной Австрии, на новый качественный уровень. Назовем и раскроем основные из этих проблем, связанные с исследованием советской политики в Австрии в 1945 г.

Первая проблема связана с рассмотрением целей советской политики в Австрии после её освобождения. Российский исследователь Г. А. Бордин во введении упомянутого сборника «Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг.» считает, что историки «реалистической» школы видели

советские намерения по отношению к Австрии в контексте советизации Восточной и Центральной Европы, а также Восточной Германии после Второй мировой войны, и исходили поэтому из того, что хоть Сталин и планировал восстановить независимую Австрию, но после этого собирался поставить её под советское влияние и установить в ней коммунистическое руководство.

Советские и «ревизионистские» историки, напротив, по утверждению того же Бордюгова и его австрийских коллег, настаивают на том, что СССР никогда не собирался «советизировать» Австрию. И далее они утверждают: «лишь частичное открытие советских фондов документов после конца Советского Союза позволяет сегодня заново оценить этот вопрос» [19, с. 16]. Однако изучение материалов, собранных в нужном для исследователей, фундаментальном документальном сборнике «Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг.», не позволяет сделать бесспорный, устраивающий если не всех, то хотя бы большинство, вывод относительно целевых установок советской внешней политики в отношении Австрии.

Адептов «реалистической» школы, утверждающих о стремлении Сталина установить «коммунистическое руководство», в австрийской политической литературе после развала СССР осталось немного. Однако в современных российских публикациях можно встретить ревностных приверженцев этой школы. К примеру, О. В. Павленко в своей довольно обширной статье-лекции для студентов и преподавателей «Австрийский вопрос в холодной войне (1945–1955 гг.)», изданной в 2004 г., категорично утверждает

о стремлении советских властей «помочь Австрии встать на путь коммунистического строительства» [17].

Один из старейших из известных отечественных историков – специалистов по австрийской проблематике С. И. Ворошилов писал в 2007 г., что «советское правительство делало всё для большевизации Австрии» [3, с. 216].

Историки А. Ю. Ватлин, Б. С. Котов, А. К. Сорокин во введении к сборнику «СССР и Австрия на пути к Государственному договору», составителями которого они являются, утверждают, что СССР якобы рассчитывал на то, что в Австрии удастся осуществить модель «народной демократии» [20, с. 8]. Хотя в самом сборнике невозможно отыскать документа, убедительно раскрывающего намек на этот расчет.

Российский исследователь новейшей австрийской истории И. Г. Жиряков в связи с поднятой проблемой замечал, что «многие действия советских властей в то время в «австрийском вопросе» можно оценивать как в высшей степени узкоэгоистические» [9, с. 235], но и «представлять шаги СССР в Австрии как последовательные мероприятия, направленные на создание коммунистического правительства, объективному историку негоже» [10, с. 184]. Он утверждает, что советское руководство обладало достоверной информацией об отношении австрийского населения к коммунистической модели создания австрийского государства; и эта информация, как видно из документов, не давала Сталину никаких иллюзий на этот счет; особенно после провала Коммунистической партии Австрии (КПА) на первых парламентских выборах в ноябре 1945 г. Жи-

ряков подчеркивает, что если и была ставка на компартию как возможную основу формирования так называемого «народно-демократического» фронта в Австрии (т. е. политической организации, выступившей в большинстве других стран, освобожденных Советской армией, инициатором смены общественного строя и установления просоветских режимов), то после первых парламентских выборов она «сошла на нет» [11, с. 304]. В результате размышлений Жириков делает вывод о том, что советское руководство реализовывало в Австрии план создания государства, наиболее дружественного СССР, не входящего в начавшиеся образовываться западные военно-политические блоки [11, с. 304].

Известный специалист по новейшей австрийской истории российский исследователь В. Я. Швейцер утверждает, что компартия в Австрии не состоялась, что она не могла реально влиять на политическую жизнь страны [21, с. 151].

О. С. Горлова полагает, что линия руководства СССР заключалась в стремлении достичь в послевоенной Австрии равновесия ведущих антифашистских политических сил. Это не означало отказа, как считает она, от поддержки Коммунистической партии Австрии, а скорее отражало понимание советским руководством ограниченных возможностей австрийских коммунистов [5, с. 12].

Вторая проблема, острота которой в силу ряда причин стала запредельной в последние два десятилетия, – это деятельность советских оккупационных властей в Австрии. В западной литературе вообще и в австрийской литературе в частности, появилось не-

малое число публикаций, обличающих советские оккупационные власти. Речь шла в них, прежде всего, о неспособности и нежелании якобы советских оккупационных властей пресекать преступное отношение советских военнослужащих к австрийскому населению.

Достаточно, на наш взгляд, сослаться в этой связи на книгу австрийской исследовательницы Барбары Штелцль-Маркс «Солдаты Сталина в Австрии», которая, по её же утверждению, «основываясь на документах и других материалах из советских архивов, а также рассказов еще живых ветеранов», представила австрийцам довольно мрачную картину советской оккупации Австрии. Количество сексуальных контактов было значительным, пишет Б. Штелцль-Маркс, что привело к появлению примерно 20 000 «русских детей»; чаще всего это происходило в результате изнасилований. **«Вероятно (выделено автором),** – пишет Б. Штелцль-Маркс, – 270 000 женщин были изнасилованы красноармейцами: 240 000 – в Вене и Нижней Австрии, 20 000 – в Бургенланде, 10 000 – в Штирии» [22, с. 355–357]. Следует особо заметить, что статистика в основном получена в результате анализа собственных умозаключений автора публикаций, опиравшихся на данные сомнительных с точки зрения достоверности источников.

В упомянутом совместно подготовленном российско-австрийском сборнике «Красная Армия в Австрии. 1945–1955» в некоторых случаях составители сборника смещают акценты в пользу точки зрения австрийской стороны. Так, например, эта позиция продемонстрирована, по мнению рос-

сийского историка В. А. Всеволодова, в названии четвертой главы сборника – «Освобождение без свободы», изначально содержащее в себе оценочные характеристики. Подобный сдвиг отразился, на его взгляд, и на подборе документов пятой главы – «Повседневная жизнь в советской оккупационной зоне», где преимущественно помещены материалы, представляющие негативные последствия пребывания Красной Армии в Австрии, в частности, аморальные случаи поведения и преступления советских военнослужащих в отношении австрийцев и австрийской собственности [4, с. 201]. Такой подход к подборке документов, а значит, и к изложению материала, не разделяют некоторые российские историки.

И. Г. Жиряков, обращаясь к этой, ранее, прямо скажем, табуированной теме, пытается дать объективный анализ деятельности советской военной администрации [7, с. 124]. Он указывает, что случаи мародерства, изнасилований, принудительной конфискации имущества австрийского населения со стороны советских военнослужащих имели место в основном в первые недели после вхождения советских войск на территорию Австрии; то есть фактически еще в условиях боев и отсутствия военной администрации и комендатур, а значит, и элементарного порядка на местах. Причем подобные инциденты не соответствовали заявленным советским командованием целям занятия австрийской территории, приказам об уважительном отношении к австрийскому населению, ставшему первой жертвой немецко-фашистской агрессии. Виновные же в мародерстве и других незаконных

действиях строго наказывались органами военного правосудия.

Что касается арестов австрийских граждан, то они производились, по утверждению самих же австрийских исследователей, не на основе вымышленных или сфабрикованных обвинений, а по результатам длительной оперативной работы органов НКВД. Другое дело, что, как это часто тогда случалось, пишет Жиряков, органы НКВД не всегда объясняли причины предпринятых арестов, не раскрывали сущности обвинений. Получалось, что люди просто исчезали, как говорится, без суда и следствия (хотя то и другое проводилось, но в закрытом режиме, а результаты не разглашались) [12, с. 98]. Суровыми были и условия содержания осужденных в заключении. Все это оказывало негативное воздействие на общественное мнение в Австрии [9, с. 235].

Известно, что Главная военная прокуратура Российской Федерации, начиная с 1996 г., вынесла решение о реабилитации 800 из 900 австрийских граждан, обратившихся с соответствующими ходатайствами. Однако по мнению некоторых австрийских экспертов и российских исследователей, сам факт реабилитации вовсе не означает, что выдвинутые в свое время обвинения были неправомерными. Речь, скорее, идет, как считает Жиряков [12, с. 99], о проявлении Россией доброй воли и жестах примирения с ее стороны в стремлении перевернуть мрачные страницы совместной истории. Что касается некоторых публикаций австрийских и других зарубежных исследователей о массовых арестах австрийцев по политическим и идеологическим причинам, то Жиряков

утверждает [11, с. 298], что арестов, не связанных с процессом денацификации или преследованием военных и уголовных преступников, а также лиц, не уличенных в саботаже или нарушении распоряжений советских оккупационных властей, не было.

Признавая, что в любой стране, живущей в условиях оккупационного режима, её жители переживают страдания, И. Г. Жиряков тем не менее считает нужным отметить [12, с. 99], что при всех издержках, которыми сопровождалось пребывание советских войск в стране, оккупационный режим в советской зоне не был столь жестоким и репрессивным, как зачастую он воспринимался и ещё воспринимается частью австрийской общественности.

Третья проблема связана с анализом конкретных действий советских властей по восстановлению демократической австрийской государственности и деятельностью ряда крупных политических фигур по нормализации внутриполитического положения в стране. С. И. Ворошилов, характеризуя процесс воссоздания австрийской демократии, отмечал, что этот процесс происходил быстрее, чем в Германии [3, с. 3–12.]. В. С. Рыкин выделяет три основные задачи, стоявшие в 1945 г. перед государством: восстановление экономики, забота об общественной безопасности и ликвидация нацизма [18, с. 115–134.]. С. В. Кретинин описывает жизненный путь и деятельность ведущей фигуры австрийской послевоенной политики – К. Реннера. Автор, анализируя переписку Реннера со Сталиным, отмечает, что Реннер был вынужден заискивать перед Сталиным в целях скорейшего восстановления австрийской государственности [16, с. 115–134.].

Процесс становления нового демократического австрийского государства проходил, как справедливо отмечают некоторые современные российские историки, в сложной международной обстановке, когда недавние союзники по антигитлеровской коалиции все больше втягивались в «холодную войну» [20, с. 8]. И всё же эти союзники, в конечном счете, оказались способными помочь австрийскому народу реализовать его главнейшие и насущные интересы. Кстати, в Австрии не был введен политический карантин, и, как верно замечает О. В. Горлова, сразу же после окончания военных действий была санкционирована деятельность австрийских партий и объединений, программные установки которых формировались в соответствии с антифашистской доктриной союзников [5, с. 15].

Формирование же местных органов власти шло сразу по ходу освобождения Австрии советскими войсками. А. Ю. Ватлин замечает, что «зачастую главу местной власти назначали сразу же после освобождения того или иного населенного пункта»; хотя, как подчеркивает историк, они на первых порах выполняли лишь указания оккупационных властей [1, с. 126]. И. Г. Жиряков пишет, что советское командование, создавая временные органы управления, придерживалось той структуры, которая существовала в Австрии до насильственного присоединения австрийского государства к фашистской Германии [9, с. 227]. Он отмечает, что советская военная администрация сразу же после освобождения Вены содействовала работе австрийской Государственной комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев на территории

страны [12, с. 97]. В комиссию вошли представители различных слоев общества – члены правительства, ученые, духовенство и др.

Параллельно с формированием австрийских органов власти шел процесс денацификации старого аппарата управления; этот процесс стал предметом диссертационного исследования О. В. Горловой на тему «Денацификация Австрии после Второй мировой войны (по материалам советской оккупационной зоны)», защищенной в 2004 г., одна из глав которой посвящена анализу государственно-правовых и политико-административных аспектов этой денацификации [5]. Денацификация в советской зоне оккупации, пишет Горлова, проводилась самими австрийскими властями, однако под непосредственным контролем советской военной администрации. Ее активные действия, которые рассматривались австрийской стороной как ограничение компетенции местных органов власти, в действительности, подчеркивает Горлова, диктовались стремлением советских оккупационных структур исключить возможность «мягких» судебных решений в отношении нацистских преступников [5, с. 12–13].

Заслуживает внимания и статья О. В. Горловой «Образование австрийских органов государственной власти в 1945–1955 гг.» в советской зоне оккупации [6, с. 56–60]; в этой статье рассматриваются две противоположные точки зрения зарубежной историографии о процессе образования австрийских органов государственной власти и самоуправления на территории советской ответственности. Одна точка зрения заключается в утверж-

дении того, что советская военная администрация не только контролировала, но и производила назначения должностных лиц в своей зоне оккупации; другая – содержит мнение о том, что советские оккупационные власти предоставляли в вопросе назначения должностных лиц на главные или низовые посты широкую автономию австрийским политическим силам и населению. При этом некоторые австрийские историки считают, что в любом случае Советский Союз и австрийские коммунисты рассчитывали, что старые демократические партии будут оставаться примерно на тех же позициях, какие они занимали до фашистского режима в Австрии, а Коммунистическая партия Австрии должна была представлять равноценную третью политическую силу.

С этими выводами австрийских специалистов, полагает Горлова, вряд ли можно целиком согласиться. По её мнению, советское руководство в своей оккупационной зоне постоянно делало попытки выдвижения партии австрийских коммунистов на роль лидирующей политической силы. Другое дело, что в реальной обстановке послевоенной Австрии планы советского руководства не смогли претвориться в жизнь [6, с. 59]. Резюмируя, Горлова пишет в своей статье, что органы управления в Восточной части Австрии реконструировались самими австрийцами, но под непосредственным контролем советской оккупационной администрации. Попытки Советского Союза поставить на руководящие посты австрийских коммунистов и через них проводить «нужную» политику в Австрии во многом не дали ожидаемых результатов. Коммунисты оказались,

как утверждает она, менее сплоченными и теоретически подготовленными, нежели другие политические силы. Сказался и страх многих австрийцев перед «восточной угрозой» и русской оккупацией, который со временем ослабевал, но никогда не угасал. В связи с этим руководство СССР в своей «австрийской» политике стало стремиться обеспечить равноправие политических партий в управлении в советской оккупационной зоне [6, с. 60].

С. И. Ворошилов считал необоснованными и во многом завышенными претензии КПА на руководящую роль в общественных организациях и органах власти. Коммунистическая партия не имела, по его мнению, сил для их осуществления; в партии было только 18% старых членов, а вновь вступившие не владели навыками партийной работы и должной теоретической подготовкой [3, с. 7].

Российские исследователи, восстанавливая историческую картину воссоздания демократической австрийской государственности, обращают особое внимание на формирование и деятельность Временного правительства. При этом довольно подробно описываются все перипетии вокруг предложений и усилий К. Ренера по формированию правительства на территории подконтрольной советскими войсками. Известная своей критикой политики СССР в Австрии О. В. Павленко пишет с явным чувством неприятия и осуждения, что «инициатива Реннера и его откровенная просоветская позиция были встречены Кремлем с одобрением», что «тексты официального сообщения о создании Временного правительства, Прокламации о независимости Австрии, а также

Декларации правительства были предварительно согласованы с советской стороной» [17].

Созданное в конце апреля 1945 г. Временное правительство стало, как подчеркивает И. Г. Жиряков, не только австрийской верховной исполнительной властью, но также выполняло все законодательные функции, в том числе и осуществляло и конституционное законодательство [8, с. 30]. Одним из важнейших первых шагов Временного правительства было восстановление конституции Австрии 1920 г. в редакции 1929 г. Свершению этого шага противилась советская сторона под давлением коммунистов Австрии, которые считали, что надо разработать и утвердить новую конституцию на Учредительном собрании. Их оппоненты полагали, что это может привести к большим политическим потрясениям. Жиряков пишет, что было бы ошибкой утверждать, как это делалось в советской историко-правовой литературе, что восстановление Конституции 1920 г. в редакции 1929 г. в период деятельности Временного правительства «было реакционным актом». В условиях общенационального демократического подъема, отмечает он, эта Конституция, закрепив ликвидацию фашистского государства в Австрии, послужила правовой основой широкой демократизации общественного и государственного строя [7, с. 67–68].

Жиряков показывает, как шло восстановление австрийской системы управления после создания Временного правительства. Он подчеркивает, что за короткий срок Временное правительство Австрии издало ряд важных законов. 10 июля 1945 г. был принят закон об австрийском гражд-

данстве; в тот же день был принят временный закон об общинах, который возрождал институт общинного управления. Чуть позднее, 20 июля 1945 г. был принят «закон о компетенции органов власти»; он окончательно и полностью передавал все функции управления соответствующим австрийским учреждениям, а также разграничивал компетенцию государственных ведомств [8].

А. Ю. Ватлин верно замечает: «Провозгласив себя национальным, временное правительство имело реальные полномочия только на территории советской зоны оккупации. До начала работы союзнического Контрольного совета у Вены просто не было связи с другими землями. Затем в дело вмешались представители западных держав, которые боялись, что команда Реннера станет беспрекословно выполнять волю Москвы. Поэтому они под разными предлогами тянули с его признанием» [1, с. 128]. О. В. Павленко, отмечая негативную реакцию западных стран на предложение СССР признать «новоявленное правительство», подчеркивает, что виной этого непризнания являлась якобы сепаратная политика СССР, разрешившего без предварительных консультаций с союзниками сформировать правительство во главе с вызывавшем недоверие у них –

К. Реннером [17]. И всё же 20 октября 1945 г. союзники договорились о том, чтобы распространить компетенцию временного австрийского правительства на всю страну. Процесс становления новой австрийской государственности, подчеркивает И. Г. Жиряков, завершился образованием австрийского правительства, избранного в результате первых послевоенных выборов [8, с. 34].

Завершая историографический анализ современных российских исследований советской политики в Австрии в 1945 г., ещё раз подчеркнём, что постсоветский теоретико-методологический плюрализм способствовал выходу отечественного австроведения на новый качественный уровень. Стали пересматриваться устоявшиеся и во многом политизированные, оценки, смелее подниматься ранее не исследуемые темы. Тем не менее нельзя не заметить, что идеологические и политические предпочтения и симпатии наших исследователей негативно сказываются на объективности рассматриваемых проблем. Требуется, безусловно, беспристрастный подход к изучению и характеристике советской политики в Австрии вообще и в оккупационной политики СССР в частности.

Статья поступила в редакцию 01.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватлин А. Ю. Австрия в XX веке: учебное пособие для вузов. М.: Дрофа, 2006. 222 с.
2. Ворошилов С. И. 1945 год в Австрии: от аншлюса к демократической республике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. Вып. 1. С. 215–217.
3. Ворошилов С. И. Становление демократии в Австрии в 1945 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. Языкознание. Литературоведение. 1995. Вып. 3. С. 3–12.
4. Всеволодов В. А., Карнер С., Штёлцль-Маркс Б., Чубарьян А. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955 // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 199–201.

5. Горлова О. С. Денацификация Австрии после Второй мировой войны (по материалам советской оккупационной зоны): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 22 с.
6. Горлова О. С. Образование Австрийских органов государственной власти в 1945–1955 (по материалам советской оккупационной зоны) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 56–60.
7. Жиряков И. Г. Воссоздание австрийского государства в 1945–1955 годах: историко-правовое исследование М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, МАЭП, 2007. 246 с.
8. Жиряков И. Г. Образование Временного правительства в Австрии: историко-правовые аспекты // Вестник Российский университет дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2007. № 3. С. 29–35.
9. Жиряков И. Г. Основные политико-правовые направления деятельности союзных оккупационных властей по возрождению австрийской государственности и развитию её демократических начал (апрель–ноябрь 1945 года) // Научные труды Московской академии экономики и права. 2008. Вып. 20. С. 226–236.
10. Жиряков И. Г. Политико-правовые и организационные аспекты образования Временного правительства Австрии // Исследования некоторых проблем зарубежной и отечественной истории: межвузовский сборник научных работ. М.: МГОПУ им. М.А.Шолохова, 2004. С.171–188.
11. Жиряков И. Г. Правовой механизм деятельности союзных оккупационных властей в Австрии после Второй мировой войны // Некоторые дискуссионные проблемы зарубежной и отечественной государственной истории: межвузовский сборник научных работ. М.: МГГУ им. М.А.Шолохова, 2008. С. 181–191.
12. Жиряков И. Г. Советская оккупационная власть в Австрии: некоторые политико-правовые выводы и обобщения её деятельности // Современное право. 2007. № 8 (1). С. 97–99.
13. Жиряков И. Г. Советская оккупация Австрии: некоторые политико-правовые выводы и обобщения // Право и жизнь: независимый научно-правовой журнал. 2007. № 112 (7). С. 294–304.
14. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация. 1945–1955. Документы. Грац; Вена; Мюнхен: Ольденбург, 2005. 978 с.
15. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация. 1945–1955. Статьи. Грац; Вена; Мюнхен: Ольденбург, 2005. 888 с.
16. Кретинин С. В. Карл Реннер: жизнь и деятельность (1870–1950) // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 115–134.
17. Павленко О. В. Австрийский вопрос в холодной войне (1945–1955 гг.) // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). С. 247–295.
18. Рыкин В. С. Австрийский федерализм: история и современность // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 56–71.
19. Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под ред. и сост. Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Норманна Неймарка, Арнольда Суппана. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 656 с.
20. СССР и Австрия на пути к Государственному договору. Страницы документальной истории. 1945–1955. Образы и тексты. М.: РОССПЭН, 2015. 455 с.
21. Швейцер В. Я. Австрия – и не вашим, и не нашим: выступление на «круглом столе» журнала // Международная жизнь. 2005. № 6. С. 149–152.
22. Stelzl-Marx B. Stalins Soldaten in Österreich. Die Innensicht der sowjetischen Besatzung 1945–1955. Wien–München: Böhlau Verlag; Oldenbourg Verlag, 2012. 896 S.

REFERENCES

1. Vatlin A. Yu. *Avstriya v XX veke: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Austria in the 20th century: a university textbook]. Moscow, Drofa Publ., 2006. 222 p.
2. Voroshilov S. I. [Austria in 1945: from the Anschluss to democratic republic]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoria* [Bulletin of St. Petersburg University: history], 2007, iss.1, pp. 215–217.
3. Voroshilov S. I. [The establishment of democracy in Austria in 1945]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Yazykoznanie. Literaturovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: history, linguistics, literary studies], 1995, iss. 3, pp. 3–12.
4. Vsevolodov V. A., Karner S., Stelzl-Marx B., Chubar'yan A. [The Red Army in Austria. Soviet occupation (1945–1955)]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 2006, no. 6, pp. 199–201.
5. Gorlova O. S. *Denatsifikatsiya Avstrii posle Vtoroi mirovoi voiny (po materialam sovetskoi okkupatsionnoi zony): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Denazification in Austria after the Second World War (based on materials of the Soviet occupation zone): abstract of a PhD thesis in History]. Tambov, 2004. 22 p.
6. Gorlova O. S. [The formation of Austrian government authorities in 1945–1955 (based on materials of the Soviet occupation zone)]. In: *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [The Humanities], 2004, no. 1, pp. 56–60.
7. Zhiryakov I. G. *Vossozhdanie avstriiskogo gosudarstva v 1945–1955 godakh: istoriko-pravovoe issledovanie* [The reconstruction of the Austrian state in 1945–1955: historical and legal research]. Moscow, MGGU Publ., 2007. 246 p.
8. Zhiryakov I. G. [The formation of Austrian Interim government: historical and legal aspects]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia Jurisprudence], 2007, no. 3, pp. 29–35.
9. Zhiryakov I. G. [The main legal and political activities of the allied occupation authorities to revive the Austrian statehood and to develop its democratic principles (April 1945 – November 1945)]. In: *Nauchnye trudy Moskovskoi akademii ekonomiki i prava* [Scientific works of the Moscow Academy of Economics and Law], 2008, no. 20, pp. 226–236.
10. Zhiryakov I. G. [Politico-legal and organizational aspects of the formation of Austrian Interim government]. In: *Issledovaniya nekotorykh problem zarubezhnoi i otechestvennoi istorii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh rabot* [Study of some issues of foreign and national history: an interuniversity collection of scientific works]. Moscow, Moscow state pedagogical University Publ., 2004, pp. 171–188.
11. Zhiryakov I. G. [A legal mechanism for the activities of the allied occupation authorities in Austria after the Second World War]. In: *Nekotorye diskussionnye problemy zarubezhnoi i otechestvennoi gosudarstvennoi istorii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh rabot* [Some controversial issues of foreign and national history: an interuniversity collection of scientific works]. Moscow: Moscow State University of Humanities named after M.A.Sholokhov, 2008. pp. 181–191.
12. Zhiryakov I. G. [The Soviet occupation authorities in Austria: some political and legal conclusions and generalizations of activities]. In: *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2007, no. 8(1), pp. 97–99.
13. Zhiryakov I. G. [The Soviet occupation of Austria: some political and legal conclusions and generalizations]. In: *Pravo i zhizn': nezavisimyi nauchno-pravovoi zhurnal* [Law and Life: independent scientific legal journal], 2007, no. 112 (7), pp. 294–304.
14. *Krasnaya Armiya v Avstrii. Sovetskaya okkupatsiya. 1945–1955. Dokumenty* [Red Army in Austria. The Soviet occupation. 1945–1955. Documents]. Graz; Vienna; Munich, Oldenburg Publ., 2005. 978 p.

15. *Krasnaya Armiya v Avstrii. Sovetskaya okkupatsiya. 1945–1955. Stat'i* [Red Army in Austria. Soviet occupation. 1945–1955. Articles]. Graz; Vienna; Munich, Oldenburg Publ., 2005. 888 p.
16. Kretinin S. V. [Karl Renner: life and work (1870–1950)]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 1999, no. 5, pp. 115–134.
17. Pavlenko O. V. [Austrian issue in the cold war (1945–1955)]. In: *Novyi istoricheskii vestnik* [The New Historical Bulletin], 2004, no. 1 (10), pp. 247–295.
18. Rykin V. S. [Austrian federalism: history and modernity]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 1999, no. 3, pp. 56–71.
19. *Sovetskaya politika v Avstrii. 1945–1955 gg. Sbornik dokumentov. Pod red. i sost. Gennadiya Bordyugova, Vol'fanga Myullera, Normanna Neimarka, Arnol'da Suppana* [Soviet policy in Austria. 1945–1955. Collection of documents, ed. and comp. by Gennady Bordyugov, Wolfgang Muller, Norman Naimark, Arnold Suppan]. Saint Peterburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 656 p.
20. *SSSR i Avstriya na puti k Gosudarstvennomu dogovoru. Stranitsy dokumental'noi istorii. 1945–1955. Obrazy i teksty* [The USSR and Austria on the way to the State Treaty. Pages of documentary history. 1945–1955. Images and texts]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015. 455 p.
21. Shveitser V. Ya. [Austria – neither here nor there: speech at the round table of a magazine]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2005, no. 6, pp. 149–152.
22. Stelzl-Marx V. *Stalins Soldaten in Osterreich. Die Innensicht der sowjetischen Besatzung 1945–1955* [Stalin's soldiers in Austria. The internal perspective of the Soviet occupation 1945–1955]. Wien–München, Böhlau Publ.; Oldenbourg Publ., 2012. 896 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Вера Константиновна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ya.vegas93@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera K. Semenova – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: ya.vegas93@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семенова В. К. Советская политика в Австрии в 1945 году после освобождения страны от фашизма в освещении российской историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 59–70.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-59-70

FOR CITATION

Semenova V. Soviet Policy in Austria in 1945 after Liberating the Country from Fascism: Perspective of Russian Historiography. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 59–70.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-59-70

УДК 930(569.1) "1963-1971"

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-71-82

СИРИЯ 1963–1971 гг.: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Иванушкин А. С.*Независимый исследователь**г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлены взгляды советских историков на эволюцию идеологии и политики Сирии в 1963–1970-х гг. Задачами данной статьи было выявить общие позиции в оценке советской историографией идеологического и внешнеполитического курса партии Баас. В последнем выделяются три ключевые этапа в смене идеологических и внешнеполитических ориентиров Сирии: «Революция 8 марта 1963 г.», «Движение 23 февраля 1966 г.» и «Исправительное движение» Х. Асада 1970 г. Историографию по данному периоду автор разделяет на работы 1963–1980 гг., 1980–1984 гг. и перестроечного времени. Если в работах до 1980 г. процесс идеологической и внешнеполитической эволюции Сирии рассматривался как поступательная смена трех вышеуказанных этапов, то в работах 1980–1984 гг. более четко определялась специфика каждого этапа, а в «перестроечных» работах показаны яркие отличия каждого периода развития Сирии. Автор делает вывод о необходимости учета наработок советской историографии в новых исторических и политологических исследованиях, необходимости пересмотра некоторых устоявшихся стереотипов относительно оценок советской историографии по проблеме.

Ключевые слова: советская историография, Сирия (1960–70-е гг.), сирийская партия ПАСВ (Баас), «социалистическая ориентация», советско-сирийские отношения.

SYRIA IN 1963–1971: THE EVOLUTION OF IDEOLOGY AND FOREIGN POLICY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY

A. Ivanoushkin*Independent Researcher**Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article presents the views of Soviet historians on the evolution of Syrian ideology and politics in 1963–1970. In this work, the author aims to identify approaches commonly used in the Soviet historiography for assessing the ideological and foreign policies of the Arab Socialist Ba'ath Party. Three key stages are distinguished over the course of change in the Syrian ideological and foreign policy: the Revolution of 8 March 1963, the Movement of 23 February 1966 and Asad's Correctional Movement in 1970. The historiographical works on these events are divided into three periods: 1963–1980, 1980–1984 and the period of Perestroika. In the works published before 1980, the process of Syria's ideological and foreign political evolution was considered to be a progressive change from one stage to another. However, works

published in 1980–1984 period scrutinized the specifics of each stage, and the works of the Perestroika period showed marked differences between the periods of Syrian development. The author concludes that the achievements of Soviet historiography should be taken into account in new historical and political science studies. Stereotypes regarding the assessment of the Syrian events by Soviet historiography should be revised.

Keywords: Soviet historiography, Syria (1960s–1970s), Arab Socialist Ba'ath Party, socialist orientation, Soviet-Syrian relations.

В связи с обстановкой, обусловленной современными сирийскими событиями, активной позицией России в ООН по сирийскому вопросу, наконец, операцией российских вооруженных сил в Сирии, тема сближения СССР и Сирии представляет большую актуальность. Своими действиями Россия окончательно подтвердила возвращение на Ближний Восток. Защита нашего последнего союзника в регионе дает большие шансы для формирования многополярного мира в противовес доктрине «однополярного мира».

Однако формирование современных внешнеполитических ориентиров Сирии началось с 1963 г., с прихода к власти партии Баас и последующего перехода страны, по терминологии советского времени, на путь «социалистической ориентации». Соответственно, проблема, затронутая в данной работе – отражение в советской историографии эволюции идеологии партии Баас и внешнеполитического курса Сирии под руководством этой партии в период с 1963 по 1970 гг. Целью работы является анализ основных оценок советскими авторами проблем прихода к власти партии Баас 8 марта 1963 г., радикального «Движения 23 февраля 1966 г.» и «Исправительного движения» Х. Асада 1970 г. Задачи данной статьи: выявить общие моменты в советской историографии в оценке эволюции идеологического и внешне-

политического курса Сирии, рассмотреть основные различия во взглядах советских авторов, представить современную точку зрения на эти события, оценить положительные моменты в советской историографии и её недостатки. Научная новизна тематики статьи заключается в пересмотре некоторых устоявшихся стереотипов относительно советской историографии по данной проблеме и выделении положительных сторон её большого наследия в виде работ 1960–1980 гг., их значимости для современных исследований и учебной деятельности.

Советская историография этого периода очень разнообразна. В 1970-е гг. вышли крупные работы по Сирии и арабским странам В. В. Вавилова [5], О. М. Горбатова, Л. Я. Черкасского [9], Е. М. Примакова [18], Э. П. Пир-Будаговой [17]. Нельзя не отметить многотомный труд «История дипломатии» под редакцией А. А. Громыко [12]. Об экономических связях СССР и Сирии писал А. Петрушев [15]. В начале 1970-х гг. продолжает активно разрабатываться теория «социалистической ориентации». Выходят книги о характере национально-освободительного движения на Востоке, в том числе и в Сирии: Б. Г. Гафурова [8], Р. А. Ульяновского [21]. Освещаются проблемы национально-освободительной революции в Сирии в работе Х. Закарии [11]. В 1980-х гг. все больше специали-

стов обращают внимание на Сирию: выходят новые книги В. В. Вавилова, А. С. Сазонова [4], Е. М. Примакова [20], А. А. Куценкова [6]. В 1960–1980 гг. в журнале «Проблемы мира и социализма» печатаются статьи Генерального секретаря ЦК СКП Х. Багдаша [2]. В период «перестройки» выходят работы О. И. Волгина [7], А. И. Нотина [14], Г. М. Григорян [10].

В постперестроечный период происходит глубокий кризис в российском востоковедении. Тем не менее в начале 2000-х гг. появляются довольно интересные сборники документов, проливающие свет на недостаточно изученные вопросы истории Сирии того периода. В их числе сборник речей и интервью Х. Асада [13], сборник документов архива внешней политики В. В. Наумкина [3], работы В. М. Ахмедова [1], Э. П. Пир-Будаговой [16], А. Ф. Филиппова [22]. Они представляют значительную ценность для раскрытия проблем, поднятых советскими авторами.

Основная канва событий 1963–1970 гг. заключалась в том, что после проявления недовольства широких слоев населения руководителями независимой Сирией периода 1961–1963 гг. к власти в 1963 г. приходит партия Баас. Первоначально курс нового правительства был неопределенным. В период 1963–1965 гг. происходят колебания курса сирийской Баас в зависимости от пожеланий тех или иных классов общества. Основатели партии М. Афляк и С. Битар олицетворяют правое крыло, но с момента пополнения партии представителями рабочего класса, крестьянства, прогрессивной интеллигенции, мелкой буржуазии, армии, в составе которых были выходцы из бед-

няков-алавитов, курс сирийской Баас начинает меняться. В 1965 г. М. Афляк и С. Битар исключают из партии, курс партии обретает левый крен, активизировалось «Движение 23 февраля 1966 г.», а Сирия начинает ориентироваться на Советский Союз и социалистические страны. Политическая риторика становится более радикальной, в экономической сфере начинаются активные прогрессивные преобразования: национализация, аграрная реформа, политическая реформа. В то же время правительство Сирии заняло активную антиизраильскую позицию.

Испытанием на прочность нового курса стала война 1967 г., в результате которой Сирия не только потерпела сокрушительное поражение от Израиля, но и оказалась во внешнеполитической изоляции, в том числе и в Арабском мире, даже среди прогрессивных режимов. Неудача с введением войск в Иорданию для защиты палестинцев во время кровавой операции короля Хусейна привела к дальнейшим изменениям в политической жизни Сирии, где к власти приходит Хафез Асад. Сирия окончательно становится на путь «социалистической ориентации», происходит либерализация внешне- и внутривнутриполитического курса Сирии, активное сближение с СССР, в то же время Сирия ориентируется и на западные страны. «Исправительное движение» окончательно определило контуры современной Сирийской Арабской Республики.

В нашей статье выделены три ключевые проблемы в смене идеологических и внешнеполитических ориентиров: проблема «мартовской революции» 1963 г.; причины, суть и ход «Движения 23 февраля 1966 г.»,

проблема «Исправительного движения 1970 г.» Х. Асада.

Революция 8 марта 1963 г. в Сирии является ключевым моментом в истории этой арабской республики, когда к власти на долгое время, вплоть до нынешнего времени, пришли представители средних промежуточных слоев. Эта точка зрения превалирует в большинстве работ советских историков [5; 7; 17; 20], а также и современных публикациях [1; 16; 19; 22]. В работах 1963–1980-х гг. говорится, что были отстранены от власти буржуазно-помещичьи круги. Проблеме характеристики «Революции 8 марта 1963 г.» посвящены уже упомянутые работы В. В. Вавилова, Э. П. Пир-Будаговой, Е. М. Примакова, А. А. Филиппова, О. И. Волгина. Работы 1963–1984 гг., а также «перестроечного» периода единодушны в оценке прогрессивности переворота 1963 г.

В. В. Вавилов подробно описывает радикальные преобразования ПАСВ, совершенные в период 1963–1966 гг. [5, с. 214–217]. Э. П. Пир-Будагова соглашается с ним в выводе о прогрессивности данного переворота [16, с. 210], однако, она, и вслед за ней Е. М. Примаков, отмечают «рыхлость, неустойчивость» партийной программы Баас [20, с. 323]. Е. М. Примаков и А. А. Филиппов раскрывают некоторые идеологические аспекты движения партии Баас. Они отмечают, что партия была создана в 1940-х гг. православным верующим (Антиохийская Церковь) Мишелем Афляком и мусульманином-суннитом Салах-ад-дин Битаром [22, с. 131]. В работах 1980–1984 гг., главным образом, в исследованиях Е. М. Примакова, «рыхлость идеологических аспектов» Баас объясняется

противоречивостью ее становления и развития до «Мартовской революции». Программа партии Баас также требует некоторого освещения, так как на момент революции 1968 г. она мало изменилась. Этому вопросу посвящены работы А. А. Филиппова и Е. М. Примакова.

Е. М. Примаков отмечал в программе Баас 1947 г. два главных аспекта: арабский национализм и мелкобуржуазный социализм [20, с. 352]. А. А. Филиппов, в свою очередь, уделяет внимание представленному в программе национальному вопросу. Он подчеркивает, что Мишелю Афляку удалось решить проблему идеологического объединения многоэтничного и многоконфессионального сирийского общества. В состав арабской нации он включал даже тех, кто не относился к семитским народностям: курдов, черкесов, армян [22, с. 131–132]. Примаков отмечал [20, с. 354], что Афляк на начальном этапе писал о неприменимости марксистской методологии к оценке и анализу общественно-политической ситуации на Арабском Востоке, считал, что Афляк признавал особую роль ислама и вместе с тем выступал против коммунизма. Этот момент отмечен также в работах Э. П. Пир-Будаговой [16, с. 265] и А. Ф. Филиппова [22, с. 131].

Е. М. Примаков отмечает резкое polevение партии Баас после переворота 8 Марта 1968 г., подчеркивает, что «было дано новое определение арабского единства и арабского национализма: «Арабское единство – основа для построения социалистического общества, для продвижения по пути экономического прогресса, борьбы с неокOLONиализмом – неотделимо от

интересов трудящихся, базирующихся на борьбе против империализма, феодализма и государственной крупной буржуазии. Арабское национальное движение – прежде всего проблема масс рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и революционной интеллигенции, поэтому путь арабского национализма – путь к социализму» [20, с. 355]. Акцентируя внимание на новых внешнеполитических ориентирах партии Баас, Примаков ссылается на её партийный орган. 3 ноября 1963 г. газета «Аль-Баас» так сформулировала эти позиции: «Принцип неприсоединения ни к одному из международных лагерей не означает, что мы ставим оба лагеря: капиталистический и социалистический на одну доску ..., социализм – наша общая цель партии и соцлагеря. Наши разногласия с государствами соцлагеря – разногласия по вопросу о политической линии ... и строительстве социализма в национальных условиях. Наши же разногласия с капиталистическим лагерем – коренные, антагонистические разногласия, которые затрагивают саму основу капиталистической системы» [20, с. 364]. Таким образом, была прослежена идеологическая и внешнеполитическая эволюция партии Баас после переворота «8 Марта».

В. В. Вавилов соглашается с данной оценкой. Авторы периода «перестройки» солидарны с выводами Е. М. Примакова и В. В. Вавилова. О. И. Волгин указывает на серьезные изменения в идейной платформе ПАСВ (Баас) после переворота; на VI общеарабском съезде ПАСВ были приняты «некоторые теоретические установки», которые фактически приблизили программу партии к политике научного

социализма. Признавались классы, классовая борьба, замена частной собственности общенародной, построение «единого арабского общества» [7, с. 11]. В качестве причины идеологических колебаний Баас после переворота Вавилов выделяет ее мозаичность: левое крыло (революционная демократия), крайне правое (реакционные националистические элементы) и середина – неустойчивое, колеблющееся мелкобуржуазное «болото» (регионалисты) [5, с. 92-94]. С ним соглашается Е. М. Примаков. Он отмечал нечеткость общей линии Баас [20, с. 357]. Вавилов отмечал коренные различия «правых» и «левых» баасистов, с О. И. Волгиным [7, с. 5] он отмечал [4, с. 45] репрессии «правых» баасистов в отношении левых.

Таким образом, мы рассмотрели начальный этап в истории Сирии 1960-х – начала 1970-х гг.: революцию 8 Марта 1968 г., которая привела к власти партию Баас. В советской историографии четко отмечалась эволюция идеологии партии в 1963–1966 гг. Идеология партии Баас к моменту переворота оставалась фактически неизменной с 1940-х гг. Публикации 1963-1980 гг. содержат в большей степени фактический материал, преобладают работы описательного характера [5; 17]. Основные положения идеологии партии Баас проанализированы Е. М. Примаковым, Э. П. Пир-Будаговой, О. И. Волгиным и др. Как видим, исследования до 1984 г. и «перестроечного времени» во многом сходны в характеристике революции 8 Марта. В этих работах детально рассматриваются противоречия в самой партии Баас, даются экскурсы в историю этой партии. Вавилов и Волгин акцентируют внимание на

идеологических установках Баас после прихода партии к власти, Вавилов и Сазонов отмечают кровавые репрессии «правых» и «левых» баасистов.

По мнению большинства советских историков, перевес левых элементов в Баас вылился в переворот 23 февраля 1966 г. Этот переворот обозначил другую веху в истории Сирии: было разгромлено правое, «афлякистское» крыло. ««Движение 23 февраля» имело более радикальную, яркую социалистическую окраску» – пишет В. В. Вавилов [5, с. 84–87]. «Движение 23 февраля 1966 г.», его стратегические и внешнеполитические цели – еще одна проблема советской историографии Сирии. Если работы 1970–1980-х гг. (Вавилов, Пир-Будагова) оценивают «Движение 23 февраля» как последовательную эволюцию сирийского режима, а в работах 1980–1984 гг. дается оценка этого периода как имеющего особую специфику, то в работах периода «перестройки» «Движение 23 февраля» названо «экстремистским», в большей степени выделены его негативные черты.

О новых контурах внешней политики Сирии говорит телеграмма посла СССР в Сирии А. А. Барковского в Министерство иностранных дел СССР: «И. Махус (министр иностранных дел Сирии) заявил, что Сирия готова дать самый решительный отпор Израилю. Существует один социализм – научный, что не исключает разнообразия путей его достижения в зависимости от конкретных исторических и национальных особенностей стран. Сирия – это многоклассовое общество: крестьяне, рабочие, кочевники-бедуины, капиталисты, помещики, промышленники. Марксизм

не дал конкретного анализа форм и путей социалистического строительства в подобных специфических условиях. Над этим вопросом работает и сейчас партия. И. Махус, как и Ю. Зухейн, с теплотой вспоминали визит в СССР. Поездка буквально омолодила её участников, дала заряд на большие дела» [3, с. 503–504]. Данная телеграмма свидетельствует о гораздо большем полевлении руководства Баас.

В период «перестройки» О. И. Волгин отмечает, что «Движение 23 февраля» носило экстремистский характер [7, с. 15]. Эта оценка была популярна в «перестроечной» историографии. Её диапазон был широким: от признания негибкости до эпитетов «экстремистский» по отношению к сирийскому режиму. Это слово перешло и в постсоветскую историографию, где оно употреблялось без оценки классовой сущности новой власти [1, с. 8]. Волгин усматривает «экстремизм» как в идеологии, так и в политике Сирии того периода. В качестве аргумента он приводит выступление Ибрагима Махуса, зам. премьер-министра, затем министра иностранных дел Сирийской Арабской Республики, предлагавшего лозунг Баас «Арабская нация единая и её миссия бессмертна» наполнить новым содержанием: «Бессмертность» миссии это – «вклад народов Азии, Африки и Латинской Америки вместе со странами социалистического содружества против колониализма и его наследия, империализма и его пособников, вклад в освобождение человека, ликвидации эксплуатации и гнета, за установление справедливости и мира на земле». Эти тенденции О. И. Волгин считает «экстремистскими» в сирийской внешней политике [7, с. 17].

Наиболее важный внешнеполитический аспект «Движения 23 февраля» – отношения с СССР. Развитие отношений СССР с Сирией, как отмечает Е. М. Примаков, зависело от того, как воспринимали в Москве сирийских баасистов. В Москве сначала считали, что сирийская Баас поддерживала иракских коллег, ведущих кровавую борьбу с Компартией Ирака [19, с. 81-82]. Та же позиция характерна и для О. И. Волгина [7, с. 6]. В то же время и авторы периода «перестройки», и их предшественники, например, В. В. Вавилов, Е. М. Примаков, Э. П. Пир-Будагова единодушно в позитивной оценке экономического сближения Сирии и СССР: «при опоре на помощь Советского Союза и других стран социалистического лагеря в Сирии настойчиво проводилась в жизнь программа социально-экономического развития, в том числе осуществлялись такие важные проекты, как сооружение Евфратского гидроэнергетического комплекса, расширение Хомского нефтеперегонного завода, организация добычи, транспортировки и сбыта сирийской нефти и т.д.» [5, с. 100].

По вопросу внешнеполитического курса Сирии опубликовано множество работ, посвященных «шестидневной войне» как наиболее важному вопросу внешней политики Сирии, и позиции Сирии до и после этого конфликта. А. А. Куценков положительно оценивает внешнеполитический курс Сирии, отмечая, что «сирийское руководство придерживалось принципов антиимпериалистической солидарности, арабского единства, неприсоединения и сотрудничества с социалистическими странами» [6, с. 143]. Эту точку зрения разделяли В. В. Вавилов с А. С. Сазоновым [4; 5] и Е. М. При-

маков [20]. Как считает Е. М. Примаков, «шестидневную войну» можно считать поворотным пунктом в истории всего Арабского мира [19, с. 111]. Этот вопрос ставится остро и в современной историографии: О. И. Волгин и В. М. Ахмедов усматривают корни неудач Сирии в её «экстремизме», Е. М. Примаков делает более взвешенные оценки и в отношении Сирии, и в отношении Египта [19, с. 112].

Тем не менее предшествующие «перестройке» авторы, например А. А. Куценков, отмечали, что агрессия Израиля в июне 1967 г. и последующие события со всей очевидностью показали, кто является истинным другом арабских народов, а кто – врагом [6, с. 145]. С ним солидарны В. В. Вавилов, А. С. Сазонов и Е. М. Примаков. Они [20, с. 425; 5, с. 179], как и Куценков, также акцентируют внимание на том, что «израильская агрессия привела, в отличие от надежд сионистов, не к капитулянтской политике арабов, а, напротив, укрепила оборонительные тенденции в арабском мире, но вместе с тем и обострила резко неприязненное отношение к Израилю» [6, с. 148]. Таким образом, авторы отмечают как арабскую солидарность, проявившуюся в войне, так и позицию Советского Союза.

Однако в период «перестройки» О. И. Волгин считает необходимым отметить, что Сирия «абсолютизировала вооруженный путь решения арабо-израильского конфликта» [7, с. 21]. Он подчеркивает, что нежелание считаться с реальной расстановкой сил на Ближнем Востоке и на международной арене наносило большой вред делу укрепления общеарабской солидарности [7, с. 22]. Вместе с тем представляется более взвешенным мнение

Е. М. Примакова, который приводит в качестве причин неудач «Движения 23 февраля» в Сирии те проблемы, на которые указывали сирийские коммунисты: «В арабских странах с прогрессивными режимами глубокие социально-экономические преобразования не были подкреплены соответствующими политическими мероприятиями, было отстранение масс, заинтересованных в мероприятиях, отрыв политических задач от экономических возможностей страны, наличие у правящего руководства того периода определенных элементов волюнтаризма и авантюризма» [20, с. 370].

«Движение 23 февраля», как утверждал В. В. Вавилов, свидетельствовало о преобладании левых элементов в Баас. Эта оценка присутствует у авторов предперестроечного и «перестроечного» периодов. Примаков усматривал в ультрареволюционности левых, авантюризме политического руководства Сирии причины неудач режима. О. И. Волгин подчеркивает «экстремизм» «Движения 23 февраля». Эта оценка превалирует и в современной историографии [1].

Третьей вехой во внешнеполитической истории Сирии является «Исправительное движение» – более сбалансированный и вместе с тем противоречивый курс Хафеза Асада. Историографической проблемой является его социально-экономическая суть и внешнеполитическая ориентация. В. В. Вавилов отмечал [5, с. 103], что новое временное руководство партии в своем заявлении от 16 ноября 1970 г. провозгласило курс на сохранение и углубление социально-экономических преобразований, наметило программу мероприятий по созданию единого

национального фронта в составе представителей всех прогрессивных сил.

В свою очередь, в середине 1980-х гг. Е. М. Примаков отмечал, что Хафез Асад предлагал более умеренный социально-политический курс, поиск компромисса в урегулировании Ближневосточного конфликта, расширение связей с консервативными арабскими режимами и странами Западной Европы, отказ от односторонней ориентации на Советский Союз [20, с. 372]. О. И. Волгин в период «перестройки» вносил в этот тезис свои коррективы: «Целями “Исправительного движения” было объединение всех прогрессивных сил в Национальном фронте под руководством ПАСВ. I-е место отдавалось “развитию отношений с социалистическим лагерем и прежде всего, с дружественным Советским Союзом”» [7, с. 29].

В вопросе о политической консолидации сирийского общества Х. Асадом особое место занимает создание Прогрессивного национального фронта. Как закономерный итог эволюции сирийского государственного устройства, его рассматривал В. В. Вавилов [5, с. 200]. В середине 1980-х гг. Вавилов и Сазонов в своей работе делают акцент на «демократичности и прогрессивности» нового фронта [6, с. 65]. Проблема сотрудничества коммунистов и ПАСВ в рамках Фронта возникла в советской историографии в период «перестройки». В работе А. И. Нотина отмечалось, что СКП сделала выбор в пользу сотрудничества с ПАСВ в рамках Прогрессивного Национального Фронта. Коммунисты объясняли это социальной дифференциацией арабских стран, их отсталостью, необходимостью крупных революционных преобразований [14, с. 8]. Генераль-

ный секретарь Сирийской компартии Халед Багдаш заявлял [2, с. 18], что проблема сотрудничества между Партией Арабского социалистического возрождения и СКП в рамках НПФ – не тактическое или временное явление, а насущная стратегия.

В период Х. Асада отношения Сирии с СССР заметно укрепляются. В этом единодушны авторы публикаций 1970–1980 гг., предперестроечного и «перестроечного периода». А. Петрушев в своей статье подчеркивает масштабность экономического сотрудничества Сирии с СССР: «К 1971 г. СССР построил Евфратский гидроузел у поселка Табка с плотиной. Было направлено 800 советских и 8 тыс. сирийских специалистов и рабочих. Развивалась и нефтедобывающая промышленность Сирии. С советской помощью пущены в эксплуатацию нефтяные месторождения Суэйдия, Карачок и Румелан ...» [15, с. 11]. В. В. Вавилов также рассматривает широкие экономические связи Сирии и СССР при Х. Асаде, в частности, строительство Евфратского гидроузла [5, с. 198]. Уже позже, в середине 1980-х гг. В. В. Вавилов и А. С. Сазонов представляют детальный отчет о строительстве Евфратской ГЭС и помощи СССР в налаживании экспорта сирийской нефти [6, с. 77]. Е. М. Примаков проанализирует торговые отношения СССР и САР и отметит, что Сирия заняла четвертое место в торговом обороте СССР с арабскими странами в 1984 г. [20, с. 456]. О. И. Волгин напишет о полете сирийского космонавта М. Фариса в космос в 1986 г. на советскую станцию «Мир» [7, с. 85].

Позиция Х. Асада по Ближневосточному конфликту была более взвешенной, чем у его предшественников,

в своем выступлении 7 апреля 1974 г. он говорил: «Мы стремимся к справедливому миру <...> Его основы – полное освобождение земель, захваченных Израилем в 1967 г., и безоговорочное восстановление прав палестинского народа» [13, с. 56]. Х. Асад выступал за вывод израильских войск с оккупированных в 1967 г. арабских территорий, за законные права арабского народа Палестины: «Наша борьба в Сирии была и остается взаимосвязанной с палестинской проблемой» [13, с. 60].

Таким образом, мы проследили эволюцию внутри- и внешнеполитического курса Сирии за период 1963–1970 гг. в оценках советской историографии. Мы выделили три исторических рубежа в новейшей истории этой страны: «Революцию 8 марта», «Движение 23 февраля 1966 г.», «Исправительное движение 1970 г.». Отметим, что работы Вавилова, Петрушева, Пир-Будаговой 1970-х и начала 1980-х гг. носят преимущественно описательный характер. В работах Вавилова подробно анализируются события всех трех периодов, автор положительно оценивает «Движение 23 февраля» и «Исправительное движение», меры по тесному сближению с СССР. Пир-Будагова акцентирует внимание на роли народных масс в событиях 1963–1970 гг. В свою очередь, Примаков в середине 1980-х гг. акцентирует внимание на «более правом» курсе Х. Асада, а Волгин жестко критикует «Движение 23 февраля». Таким образом, необходимость более сбалансированной и взвешенной оценки узловых моментов истории Сирии 1963–1970 гг. в российской историографии остается актуальной задачей.

Статья поступила в редакцию 14.12.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов В. М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М.: ИВ РАН, 2003. 172 с.
2. Национально-освободительное движение – составная часть Союза мировых революционных сил. Прага: Мир и социализм, 1976. 135 с.
3. Ближневосточный конфликт: из документов Архива внешней политики РФ / под ред. В. В. Наумкина: в 2-х т. Том 2 (1957-1967 гг.) М.: Материк, 2003. 704 с.
4. Вавилов В. В., Сазонов А. С. Сирийская Арабская республика. М.: Знание, 1981. 64 с.
5. Вавилов В. В. Социально-экономические преобразования в Сирии, 1946–1970 гг. М.: Наука, 1972. 238 с.
6. Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока / отв. ред. А. А. Куценков. М.: Международные отношения, 1984. 288 с.
7. Волгин О. И. Дамасский булат. Сирия: 25 лет по пути революции. М.: Международные отношения, 1988. 95 с.
8. Гафуров Б. Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М.: Наука, 1976. 279 с.
9. Горбатов О. М., Черкасский Л. Я. Сотрудничество СССР со странами Арабского Востока и Африки. М.: Наука, 1973. 364 с.
10. Григорян Г. М. Позиция Сирии в Ближневосточном конфликте. Ереван: АН АрмССР, 1989. 192 с.
11. Закария Х. Особенности национально-освободительной революции в Сирии и перспективы перерастания ее в социалистическую: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М, 1971. 19 с.
12. История дипломатии: в 5-ти т. Том 5. Кн. 1 / под ред. А. А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1974. 750 с.
13. Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада. М.: ИВ РАН, 2000. 247 с.
14. Нотин А. И. Борьба коммунистических партий Сирии и Ирака за национально-прогрессивный фронт (70–80-е годы). М.: Наука, 1987. 173 с.
15. Петрушев А. Крепнут советско-арабские экономические отношения // Внешняя торговля. 1971. № 7. С. 9–14.
16. Пир-Будагова Э. П. История Сирии: XX век. М.: ИВ РАН, 2015. 392 с.
17. Пир-Будагова Э. П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966). М.: Наука, 1978. 236 с.
18. Примаков Е. М. Анатомия Ближневосточного конфликта. М.: Мысль 1978. 374 с.
19. Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2006. 415 с.
20. Примаков Е. М. Судьбы социалистической ориентации в Арабском мире. М.: ИВ АН СССР, 1983. 845 с.
21. Ульяновский Р. А. Генезис и развитие марксистско-ленинской концепции некапиталистического пути // Новая и новейшая история. 1975. № 2. С. 56–72.
22. Филиппов А. Ф. Идеология власти меньшинства: опыт Сирии // Проблемы управления. 2009. № 2. С. 131–134.

REFERENCES

1. Akhmedov V. M. *Siriya na rubezhe stoletii. Vlast' i politika* [Syria at the turn of the century. Power and politics]. Moscow, IV RAN Publ., 2003. 172 p.
2. *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie – sostavnaya chast' Souza mirivuh revolyuzionuh sil* [The national liberation movement as an integral part of the Union of world revolutionary forces]. Prague, Mir i sotsializm Publ., 1976. 135 p.

3. *Blizhnevostochnyi konflikt: iz dokumentov Arkhiva vneshnei politiki RF / pod red. V. V. Naumkina: v 2 t. T. 2 (1957-1967 gg.)* [Middle East conflict: documents from the Archive of Russian foreign policy/ ed. by V. V. Naumkin: in 2 volumes. Vol. 2 (1957-1967). Moscow, Materik Publ., 2003. 704 p.
4. Vavilov V. V., Sazonov A. S. *Siriiskaya Arabskaya respublika* [Syrian Arab Republic]. Moscow, Znanie Publ., 1981. 64 p.
5. Vavilov V. V. *Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v Sirii, 1946-1970 gg.* [Socio-economic transformations in Syria, 1946-1970]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 238 p.
6. Kutsenkov A. A., ed. *Vneshnyaya politika stran Blizhnego i Srednego Vostoka* [The foreign policy of Middle East countries]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1984. 288 p.
7. Volgin O. I. *Damasskii bulat. Siriya: 25 let po puti revolyutsii* [Damask sword. Syria: 25 years on the road of revolution]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1988. 95 p.
8. Gafurov B. G. *Aktual'nye problemy sovremennogo natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya* [Current issues of the modern national liberation movement]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 279 p.
9. Gorbатов О. М. Черкасский Л. Я. *Sotrudnichestvo SSSR so stranami Arabskogo Vostoka i Afriki* [Cooperation of the USSR with the countries of Arab East and Africa]. Moscow, Nauk Publ., 1973. 364 p.
10. Grigoryan G. M. *Pozitsiya Sirii v Blizhnevostochnom konflikte* [Syria's stance in the Middle East conflict]. Yerevan, AN ArmSSR Publ., 1989. 192 p.
11. Zakaria H. *Osobennosti natsional'no-osvoboditel'noi revolyutsii v Sirii i perspektivy pererastaniya ee v sotsialisticheskuyu: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Peculiarities of the national liberation revolution in Syria and prospects of its transformation into a socialist one: abstract of a PhD thesis in Philosophical sciences]. Moscow, 1971. 19 p.
12. Gromyko A. A. et al., ed. *Istoriya diplomatii: v 5 t. T. 5. Kn. 1* [The history of diplomacy: in 5 volumes. Vol. 5. Book 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 750 p.
13. *Mir glazami prezidenta Sirii Khafeza Asada* [The world through the eyes of Syrian President Hafez al-Assad]. Moscow, IV RAN Publ., 2000. 247 p.
14. Notin A. I. *Bor'ba kommunisticheskikh partii Sirii i Iraka za natsional'no-progressivnyi front (70-80-e gody)* [Communist parties of Syria and Iraq fighting for the national progressive front (70s-80s)]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 173 p.
15. Petrushev A. [Soviet-Arab economic relations growing stronger]. In: *Vneshnyaya trgovlya* [Foreign trade], 1971, no. 7, pp. 9-14.
16. Pir-Budagova E. P. *Istoriya Sirii: XX vek* [History of Syria: the 20th century]. Moscow, IV RAN Publ., 2015. 392 p.
17. Pir-Budagova E. P. *Siriya v bor'be za uprochenie natsional'noi nezavisimosti (1945-1966)* [Syria in the struggle for the consolidation of national independence (1945-1966)]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 236 p.
18. Primakov E. M. *Anatomiya Blizhnevostochnogo konflikta* [Anatomy of the Middle East conflict]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 374 p.
19. Primakov E. M. *Konfidentsial'no. Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami* [Confidential. The Middle East on stage and behind the scenes]. Moscow, Rossiiskaya gazeta Publ., 2006. 415 p.
20. Primakov E. M. *Sud'by sotsialisticheskoi orientatsii v Arabskom mire* [The fate of socialist orientation in the Arab world]. Moscow, IV AN SSSR Publ., 1983. 845 p.
21. Ul'yanovskii R. A. [The Genesis and development of the Marxist-Leninist concept of non-capitalist path]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 1975, no. 2, pp. 56-72.
22. Filippov A. F. [The ideology of the power of the minority: the experience of Syria]. In: *Problemy upravleniya* [Control Sciences], 2009, no. 2, pp. 131-134.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванушкин Александр Сергеевич – независимый исследователь;
e-mail: Alex56000@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr C. Ivanushkin – independent researcher;
e-mail: Alex56000@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иванушкин А. С. Сирия 1963–1971 гг.: эволюция идеологии и внешней политики в советской историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 71–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-71-82

FOR CITATION

Ivanoushkin A. Syria in 1963–1971: the Evolution of Ideology and Foreign Policy in Soviet Historiography. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 71–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-71-82

Всеобщая история

УДК 9.94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-83-94

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОБЫТИЙ 1968 ГОДА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Бруз В. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что события, происходившие в Чехословакии в 1968 г., не потеряли своей значимости и сегодня. Это объясняется тем, что, к сожалению, данная тема всё ещё не стала предметом серьёзного научного исследования. Различные публикации, как правило, носят поверхностный, политизированный, порой ангажированный характер. Выводы, к которым приходят некоторые авторы, основываются не на объективной оценке происходивших событий и всестороннем анализе имеющихся документов и материалов, а на субъективных политизированных воззрениях исследователей. Ряд публикаций, особенно в средствах массовой информации, носит весьма эмоциональный характер. Это в полной мере относится к оценке чехословацких событий 1968 г.: сегодня информационное противоборство на мировой арене переросло в информационную войну и нашло отражение не только в СМИ, но и в ряде исторических трудов.

Ключевые слова: Чехословакия, Организация Варшавского договора, «Пражская весна», реформа, контрреволюция, «цветная революция».

HISTORICAL EVALUATION OF THE EVENTS OF 1968 IN CZECHOSLOVAKIA

V. Bruz

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The events that took place in Czechoslovakia in 1968 have not lost their significance today, which determines the relevance of the issue under study. Unfortunately, this topic has not yet become the subject of serious scientific research. Various publications tend to be superficial, politicized, sometimes biased. Conclusions reached by some authors are based not on the objective assessment of the events and a comprehensive analysis of the available documents and materials, but rather on their own subjective politicized views. A number of publications, especially in the media, are highly emotional. This fully applies to the assessment of the Czecho-

slovak events of 1968: today, unfortunately, the information confrontation on the world stage has grown into an information war and is reflected not only in the media, but also in a number of historical works.

Keywords: Czechoslovakia, Warsaw Pact Organization, Prague Spring, reform, counter-revolution, colour revolution.

В 1968 г. в Чехословакии произошло событие, которое и полвека спустя по-разному трактуются как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке. В советский период официально по отношению к ним применялась нейтральная формулировка: «события в Чехословакии 1968 года», а в средствах массовой информации весьма эмоциональная – «контрреволюционный мятеж». Запад именовал их «Пражской весной». Эти трактовки, по сути, сохраняются и сегодня. Хотя в настоящее время исследователи получили доступ к ранее закрытым материалам по данной теме, в частности, документы Организации Варшавского договора были рассекречены в некоторых восточноевропейских странах, ранее входивших в состав этого военно-политического союза¹. Тем не менее серьёзного научного исследования происходившего в 1968 г. в Чехословакии до сих пор не проведено ни в нашей стране, ни за рубежом. В тоже время интерес к этим событиям сохраняется, о чём свидетельствуют публикации в СМИ и интернете.

Актуальность данной темы обусловлена также и тем, что в период

обострения информационного противостояния, а тем более в условиях информационной войны, как это происходит в настоящее время, интерпретация этих событий используется в политических целях, направленных на реанимацию русофобских настроений в странах Запада, а также на распространение «либеральных» воззрений на эти события в нашей стране. Поэтому объективное, научное, учитывающее конкретно-историческую обстановку рассматриваемого периода, опирающееся на документальную базу исследование представляется весьма востребованным.

Что касается исторической оценки Чехословацких событий 1968 г., то они нашли отражение в отечественной и зарубежной историографии. Западные авторы, как правило, рассматривают их как реформу. По мнению известного британского либерального политолога, историка международных отношений Питера Кальвокоресси, с приходом к власти А. Дубчека, сменившего на посту первого секретаря коммунистической партии Чехословакии А. Новотного, в стране начались реформы. Последовало значительное смягчение цензуры, появились перспективы политической демократизации и либерализации экономики. Радикально настроенные реформаторы выдвинули требования, касающиеся соответствующих функций партии и правительства, реабилитации жертв чисток 1949 г., позиции Словакии, воз-

¹ См., например, сообщение «РИА Новости» от 27.01.2006 г. «Министр обороны Польши рассекретил документы Варшавского договора» (<https://ria.ru/society/20060127/43206211.html>; дата обращения: 05.10.2018 г.), а также страницу «Warsaw Pact» на сайте «National Security Archive» Университета Джорджа Вашингтона, США (<https://nsarchive.gwu.edu/subjects/warsaw-pact>; дата обращения: 05.10.2018 г.)

рождения парламента и определенной свободы для мелких партий (в рамках Национального фронта, который коммунисты будут по-прежнему контролировать). Новый либеральный манифест «Две тысячи слов» усилил напряженность между демократическими и реформистскими силами в Праге. Принятие нового устава коммунистической партии Чехословакии должно было покончить с демократическим централизмом и обеспечить предоставление значительных прав другим партиям. Реформаторы нацелились на построение более пристойной разновидности социализма [8, с. 358, 360–362].

Почётный профессор Лондонского университета Норман Дэвис также считает, что «Пражская весна» представляла собой реформу сверху. Была приостановлена цензура. Предполагалось усилить роль Национального собрания. СМИ получили полную свободу [18, р. 105–106].

Французский историк, советолог Н. Верт приходит к выводу, что в ходе реформ происходила эволюция чехословацкой компартии. Упразднение цензуры, как и процесс демократизации партии, свидетельствовал о её движении в сторону «социал-демократизации». Предполагалось внесение изменений в устав КПЧ и в формулировку принципов демократического централизма [4, с. 423].

Таким образом, по оценке западных исследователей, эти реформы, начавшиеся с деклараций о совершенствовании существующей социалистической системы, по сути, были направлены на радикальное изменение существующего в стране государственного и общественного строя. Поэтому в от-

ечественной историографии советского периода они рассматривались как контрреволюция. Так, авторы книги «КПСС – организатор защиты социалистического Отечества» отмечали, что «контрреволюционные силы внутри страны создали непосредственную угрозу социализму в ЧССР и отрыва её от социалистического содружества» [9, с. 30–31]. Такая оценка нашла отражение и в ряде других работ [например: 1].

В постсоветский период в оценках российских исследователей возобладал подход, характерный для западных авторов. Историк, профессор И. И. Орлик полагает¹, что демократический процесс, получивший название «Пражская весна», в течение ряда лет готовился реформистски настроенными кругами внутри правившей в стране компартии. Принятая в апреле 1968 г. новым руководством КПЧ «Программа действий» провозглашала плюралистическую концепцию социализма «с человеческим лицом». Программа предусматривала расширение внутрипартийной демократии, предоставление больших полномочий государственному аппарату, другим политическим партиям и парламенту, восстановление гражданских прав, свободы собраний и ассоциаций, проведение экономической реформы, восстановление национальных прав этнических меньшинств, более решительную политическую реабилитацию и пр.

По мнению белорусского историка, профессора П. Г. Лукьянова, «Праж-

¹ См. главу коллективной монографии по истории Восточно-Центральной Европы 2-й половины XX в. «Пражские события 1968 года: причины и международные последствия», автором которой является И. И. Орлик [15, с. 260–261].

ская весна» была попыткой перехода в ЧССР от советской модели социализма к его новому облику – к «социализму с человеческим лицом». Реформы сводились не только к преобразованиям в экономической области, но и к одновременной демократизации политического строя [10, с. 104–105].

Оценивая события «Пражской весны» В. Мусатов приходит к выводу, что «это была не контрреволюция или некий злоедейский заговор правых реакционных сил, задумавших сменить государственный и общественный строй в ЧССР..., речь шла в первую очередь о внутреннем общественном процессе, имевшем целью демократизацию режима, свободу печати, экономические, прежде всего рыночные реформы и защиту национальной независимости» [12].

Таким образом, по мнению ряда зарубежных и отечественных авторов, в Чехословакии происходили мирные демократические преобразования, направленные на оптимизацию существующего строя. В тоже время следует отметить, что не все авторы разделяют эту точку зрения. Так, бельгийский радикально-левый политический активист Людо Мартенс в книге «Другой взгляд на Сталина», изданной в 1994 г., отмечал, что «природа чехословацкой контрреволюции была схожа с венгерской, а результатом её, бесспорно, должна была стать реставрация капитализма» [11].

В 1994 г. опубликовал свои воспоминания П. Е. Шелест, во время чехословацких событий занимавший пост Первого секретаря ЦК КП Украины, член Президиума Политбюро ЦК КПСС. Как представитель высшего партийного руководства страны, он

обладал достаточно полной информацией о происходившем в Чехословакии, в том числе и благодаря личным контактам с чехословацкими руководителями. Шелест принимал непосредственное участие в многочисленных заседаниях, встречах, выработке и принятии решений, касающихся ЧССР. По его убеждению, происходившее в то время в Чехословакии можно было оценить только как разгул анархии и социальной демагогии [17, с. 252].

Сегодня есть достаточные основания полагать, что П. Е. Шелест в своей оценке не совсем прав. Речь шла не об анархии, как это виделось тогда, а об «управляемом хаосе» или попытке «цветной» революции. Именно так оценивают события в 1968 г. в Чехословакии ряд современных российских авторов. Так например, российский историк, политолог, председатель комитета Госдумы по образованию В. А. Никонов убеждён, что «тогда в Чехословакии в классическом виде была очередная организованная американцами «цветная» революция»¹.

Публицист В. Панов также считает², что именно так, с либеральных реформ, получивших название «Пражская весна», согласно американскому сценарию, всегда начиналась и начи-

¹ См. публикацию А. Саргиным (газета «Аргументы недели») ответов на вопрос о вмешательстве стран Варшавского договора в чехословацкие события 1968 г. Вячеслава Никонова, Леонида Калашникова, Сергея Караганова, Алексея Мухина [14].

² См.: публикацию В. Панова «Они шли на войну... (часть 1): 45 лет назад советские войска были введены в Чехословакию (операция «Дунай»)» в интернет-газете Фонда исторической перспективы «Столетие» от 20.08.2013 г. (http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/oni_shli_na_vojnu_chast_1_325.htm; дата обращения: 05.10.2018 г.)

нается подготовка к государственному перевороту «мирным» путём. Смена власти «рассерженными» массами сегодня широко известна как «цветная революция». Генерал-полковник, кандидат военных наук В. В. Булгаков, генерал-майор милиции В. В. Шевченко и историк А. В. Байлов уверены, что «Пражская весна» была организованной извне первой попыткой «цветной» революции [3]. О том, что «речь действительно шла о попытке так называемой цветной революции и нейтрализации этой попытки» [Цит. по: 14], говорит и российский политолог, генеральный директор Центра политической информации А. А. Мухин. Российский политолог и экономист, доктор исторических наук С. А. Караганов полагает весьма вероятным, что это была попытка «цветной» революции. Поскольку, как хорошо известно, западные информационные службы работали над тем, чтобы усилить реформистские идеи и нажать на советское крыло в этой стране (Чехословакия. – В. Б.) [14].

В этой связи следует обратить внимание, что в разгар Чехословацких событий, в июне 1968 г. в Прагу с неофициальным визитом прибыл член совета по формированию внешней политики Госдепартамента США З. Бжезинский. Он выступал с лекциями, призывая к свободе, демократии и выходу из Советского блока. Сравнив тексты лекций Бжезинского и программный документ оппозиции «2000 слов», Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии В. Ульбрихт пришёл к выводу, что, по сути, у них один автор¹.

¹ См. публикацию кинодокументалиста В. Гасанова в связи с работой над фильмом «Го-

Фактически речь шла о попытке ликвидации социализма в Чехословакии, что, по мнению ряда авторов, привело бы к гражданской войне, вводу войск НАТО, дестабилизации ситуации в Европе и пересмотру результатов Второй мировой войны [7, с. 82–83]. Такая оценка характерна не только для авторов советского периода. Так, по мнению сотрудника советской внешней разведки, находившегося в то время в Чехословакии, А. Н. Бартеньева, летом 1968 г. в Чехословакии угроза гражданской войны была вполне реальной: «В стране резко усилились сепаратистские настроения по разделу страны на три части – Чехия, Моравия, Словакия – имелись районы с компактным проживанием венгерского населения. ... Чехословацкое общество, начиная с высших эшелонов власти, было расколото. Командный состав армии и других силовых структур, прошедший подготовку в Советском Союзе, был в основном привержен идеям социализма и интернациональной дружбе с СССР. Отдельные слои рабочего класса были дезориентированы. На них, а также на незрелую молодёжь, ориентировались оформившиеся антисоциалистические организации и клубы, получавшие обильную материальную помощь с Запада»².

рячее лето 1968 года» на сайте «Отвага» от 08.03.2013 г. «Размышления по поводу одного юбилея. К 45-летию ввода войск стран Варшавского Договора в Чехословакию в 1968 году» (URL: <http://otvaga2004.ru/voiny/wars-europe/45-leti-vvoda-vojsk-v-chexoslovakiyu>; дата обращения: 15.06.2018 г.)

² См. текст беседы И. Тарасова с А. Бартеньевым в сетевом издании «Правда.Ру» от 28.08.2001 г. «Александр Бартеньев: в августе 1968 года в ЧССР была предотвращена гражданская война» (URL: <https://www.pravda.ru/society/28-08-2001/836332-0>; дата обращения

П. Е. Шелест был уверен, что если бы не были приняты самые крайние и суровые меры, это привело бы к развязыванию гражданской войны в Чехословакии и потере её как социалистической страны, созданию чрезвычайной ситуации в Европе, вплоть до крупных военных столкновений, а возможно, и войны [17, с. 282].

Иной точки зрения придерживается тележурналист, профессор Н. К. Сванидзе¹. По его мнению, хотя часть чехословацкой элиты и отдельные элементы чехословацкого общества были настроены промосковски, они не составляли большинства. В то время как 75% и чехов, и словаков приветствовали «Пражскую весну». Понятно, что, исходя из подобной оценки соотношения политических сил в стране, угрозы гражданской войны в Чехословакии не было.

Однако, по данным ЦРУ, «ни рабочие, ни словаки активно в либерализации не участвуют» [Цит. по: 13]. Иными словами, реальная расстановка сил была иной. Белорусский историк, профессор П. Г. Лукьянов отмечает, что главной социальной базой «Пражской весны» стали интеллигенция и молодёжь. Политической платформой этих реформаторов стал «Манифест 2000 слов». Открыто обсуждался вопрос о возможностях выхода ЧССР из ОВД и СЭВ, о переориентации её внешней политики с Востока на Запад. Был выдвинут лозунг: «Песня рабочего класса уже спета, теперь свою песню споёт

интеллигенция!» [10, с. 106]. И интеллигенция «запела свою песню», правда, как выясняется, на слова З. Бжезинского, фактического автора «Манифеста 2000 слов».

По мнению российского дипломата, доктора исторических наук Н. Н. Платошкина, «Пражская весна» была делом интеллигенции и части партаппарата, ... отнюдь не всё население Чехословакии приветствовало «Пражскую весну». Помимо известного манифеста «2000 слов» в СМИ появилось и открытое письмо народной милиции Чехословакии с прямо противоположными требованиями в защиту социализма. ЧССР явно скатывалась к гражданской войне [13].

Таким образом, можно говорить о том, что чехословацкое общество было расколото. Происходила его радикализация. Дальнейшее развитие этих процессов несло реальную угрозу гражданской войны в стране.

Некоторые авторы полагают, что летом 1968 г. существовала опасность ввода войск НАТО в Чехословакию. Так считают, в частности, составители сборника воспоминаний и архивных документов, подготовленного участниками Чехословацких событий. По их мнению, войска НАТО были приведены в боевую готовность. У западных границ ЧССР под видом учений концентрировались войска ФРГ. Для ввода в ЧССР натовских войск достаточно было, чтобы с территории Чехословакии хоть одна радиостанция запросила помощи [16, с. 3–4].

В. Панов пишет о том, что в июле 1968 г. европейские силы НАТО были приведены в состояние частичной боевой готовности. Специальные бронетанковые части американской армии

15.06.2018 г.)

¹ См. запись передачи «Пражская весна: почему меняются исторические оценки?» на радио «Эхо Москвы» от 26.08.2018 г. с участием Н. Сванидзе и С. Лукашевского (URL: <https://echo.msk.ru/programs/kulshok/2265632-echo>; дата обращения 10.12.2018 г.)

выдвинулись к границам ЧССР в Баварии. На полигоне Графенвер в ФРГ танки стояли в колоннах, готовые к немедленным действиям. В ночь с 20 на 21 августа дежуривший в главном штабе НАТО генерал Паркер отдал приказ подвешивать к самолётам атомные бомбы¹. Панов также ссылается на воспоминания генерал-лейтенанта в отставке А. Гапоненко, в те годы командира полка, которому «была поставлена задача ударить своим полком во фланг войскам НАТО, которые под видом учений «Черный лев» сосредоточились на территории ФРГ и готовились вторгнуться в Чехословакию»².

Очевидно, что военным командованием отрабатывались вопросы действия частей и соединений в условиях различного развития событий, в том числе и готовности к отражению возможного вторжения войск НАТО. В этом, собственно и состояла одна из задач Вооружённых сил. В то же время приведение отдельных частей и соединений в полную боевую готовность и постановка им боевых задач на отражение войск противника отнюдь не означали начало вторжения. При проведении войсковых учений на территории ФРГ, войска ОВД, дислоцированные в непосредственной близости от границы ГДР и района учений, приводились в повышенные степени боевой готовности. Очевидно, и войска НАТО, при проведении учений войск Варшавского договора поступали аналогичным образом.

По утверждению политолога С. А. Караганова, «из известных документов, никакой угрозы вторжения войск НАТО в ЧССР не было» [14].

¹ См. ссылку выше на публикацию В. Панова

² Там же

Действительно, на основании имеющихся документов и материалов можно утверждать, что летом 1968 г. США и НАТО не планировали вторжения своих войск в Чехословакию по ряду причин. Во-первых, у НАТО в тот период не было достаточного для вторжения количества войск. На запрос заместителя госсекретаря по политическим вопросам и специального помощника президента США У. Ростоу, какие силы НАТО можно будет использовать для вторжения в Чехословакию, Комитет начальников штабов США 23 июля 1968 г. ответил: «Силы для возможной интервенции в Чехословакию могут включать 1 бригаду США, 2 французские дивизии и две дивизии ФРГ»³. Из этого следует, что командование США рассматривало возможность вторжения войск НАТО в Чехословакию (ещё до ввода войск ОВД), однако проведённые им расчёты показали, что создать в короткие сроки необходимую по численности группировку, в случае противоборства с войсками ОВД, они не могли.

Во-вторых, президент США на совещании с участием начальников штабов заявил, что «США не будут реагировать военным путём на события в Чехословакии» [6, с. 168]. Это была официальная позиция высшего руководства США, не собиравшегося вступать в вооружённый конфликт с Советским Союзом из-за Чехословакии. Тем более, что Соединённые Штаты в это время увязли в войне во Вьетнаме.

В-третьих, США при участии ФРГ и некоторых других стран Западной

³ Взято из «Foreign Relations of the United States: Volumes online, Volume XVII, Johnson Administration 1964–1968, Eastern Europe, Document 71» [Цит. по: 13].

Европы развернули мощную антисоветскую информационную кампанию в Чехословакии, инициировали «цветную» революцию в этой стране. Для реализации этих планов вторжения натовских войск не требовалось. Как справедливо отмечают В. Панов, А. Воронцов и некоторые другие исследователи, в случае успеха «цветной» революции, вначале Чехословакия вышла бы из Варшавского договора, перестала быть социалистической и вступила в Организацию Североатлантического договора. Именно так и произошло в результате «бархатной» революции 1989 г. Правда, при этом Чехословакия распалась на два государства.

Серьёзное беспокойство в связи с развитием событий в Чехословакии для безопасности СССР, стран ОВД и Европы вызывал военный аспект. Так, по мнению бывшего начальника штаба Объединённых Вооружённых сил государств-участников Варшавского договора А. И. Грибкова, «советское руководство отчетливо представляло, что даже элементарная самостоятельность Чехословакии неизбежно приведёт к уязвимости в военном отношении границ с НАТО, к подрыву сложившейся восточноевропейской системы безопасности, а потому необходимо было предпринять решительные меры» [5, с. 116–117].

На важность геополитического положения Чехословакии обращает внимание и А. Н. Бартенев, который утверждает, что «само географическое положение (ЧССР. – В. Б.) в Восточной Европе и в центре Варшавского Договора в случае успехов планов Запада сулило раскол ОВД. В ЧССР не было советских войск»¹. Авторы сборника

«Они защищали мир в Европе» также обращают внимание на то, что для Запада и НАТО было привлекательным вырвать Чехословакию из социалистического содружества, получить на её территории коридор до границы СССР и расколоть при этом страны Варшавского Договора на два обособленных региона [16, с. 3].

На особое расположение ЧССР обращают внимание и западные исследователи. Так, французский историк, советолог Н. Верт отмечает, что вместе с Польшей и ГДР Чехословакия образовывала то, что называлось «железным треугольником» Варшавского Договора. Чехословакия, прикрывавшая страны Договора с южного фланга, являлась главным плацдармом СССР [4, с. 422–423].

Таким образом, при рассмотрении Чехословацких событий необходимо учитывать военный аспект, который имел весьма важное значение как для безопасности СССР и стран ОВД, так и европейской безопасности.

В последнее время в ряде работ российских и зарубежных авторов в качестве причины ввода войск союзников в Чехословакию называются серьёзные экономические интересы СССР.

По мнению генералов В. В. Булгакова, В. В. Шевченко и историка А. В. Байлова [2], для Советского Союза «европейская смута» несла прямую угрозу. Развитие протестных настроений в Праге могло привести к срыву газового проекта, на который уже было затрачено множество усилий. Становилось очевидно, что та же управляемая молодёжная энергия используется политическими оппонентами для «битвы за Чехословакию», не только занимающую ключевое по-

¹ См. ссылку выше на беседу с Бартеневым.

ложение в центре Европы, но и являющуюся той территорией, по которой проходил газопровод «Братство».

Что целью СССР и ОВД была не «Пражская весна», а защита газопровода отмечают и другие авторы. Так, известный чешский экономист и публицист Вратислав Людвиг одним из первых обратил внимание на необходимость военного обеспечения организации крупномасштабного советского энергетического экспорта в Западную Европу. По мнению этого автора, «целью оккупации Чехословакии в 1968 г. было скорее обеспечение контроля над коридором для транспортировки российского природного газа, чем пражская весна»¹. Действительно, после запуска трубопроводов «Дружба» и «Братство» в 1967 г. советский газ начал поступать в Чехословакию. В 1968 г. были заключены договоры о поставках газа в ГДР и Австрию. В начале 1970-х гг. начались поставки в ФРГ, Болгарию, Венгрию, Финляндию, Италию и Францию². Советский Союз становился одним из ведущих экспортеров газа.

Таким образом, в той, конкретно-исторической, обстановке СССР и его союзники не могли допустить подобного развития событий в Чехословакии. Это несло серьезную угрозу военным, политическим, экономическим и идеологическим интересам Советского Союза и стран социалистического

содружества. Поэтому и были приняты самые решительные меры.

Несколько иначе оценивает значение для европейской безопасности ввод войск союзников по ОВД в Чехословакию П. Кальвокоресси. По его мнению, «с точки зрения русских, вторжение явилось печальной необходимостью и вместе с тем прекрасно проведенной операцией. С реформой и реформаторами было покончено. Несмотря на некоторые опасения западных государств, оно не создавало угрозы международному миру и не мешало разрядке напряженности между русскими и американцами: лишь на короткое время прервались переговоры, которые привели к началу в 1969 г. переговоров по ОСВ и заключению соглашения с Бонном в 1970 г. Но вторжение заставило Москву провозгласить экстремистскую доктрину относительно пределов суверенной независимости в рамках коммунистического блока и прямо заявить, что разрядка в русско-американских отношениях не подразумевает ослабления контроля власти в нем. Вторжение и доктрина Брежнева шокировали Восточную Европу жесткостью действий и скрытым ее смыслом, а использование якобы антизападного Варшавского договора против одного из его членов подчеркнуло ту напряженность, которая существовала внутри блока через 20 лет после его образования» [8, с. 362].

По мнению В. В. Булгакова, В. В. Шевченко и А. В. Байлова [3], в результате проведения военно-стратегической операции «Дунай» (войска пяти государств ОВД вошли в Чехословакию), удалось не допустить пересмотра послевоенного устройства мира и сохранить членство Чехослова-

¹ Ludvik V. Tivě sen o příchodu sovětských vojsk, 02.12.2010 г. [электронный ресурс] // ČESKÉ POZICE: [сайт]. URL: http://ceskapozice.lidovky.cz/zivy-sen-o-prichodu-sovetskych-vojsk-dw7-/tema.aspx?c=A101130_114847_pozice_378_2_dek2010 (дата обращения: 10.12.2018 г.)

² См.: История поставок советского и российского газа в Европу // Коммерсантъ. 2018. 5 июня.

кии в восточноевропейском социалистическом блоке.

Таким образом, можно говорить о том, что изменение исторической оценки чехословацких событий 1968 г. было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Объективные факторы состоят в том, что в СССР и странах Восточной Европы произошла смена политического строя. Изменилась мировая геополитическая система, мир стал однополюсным во главе с США. СССР потерпел поражение в «холодной войне» и прекратил своё существование. Эти новые исторические условия предполагали возможность переоценки событий, происходивших в Советском Союзе и социалистических странах с позиций современных политических реалий.

Субъективный фактор состоял в том, что лидеры, оказавшиеся у власти

в России и восточноевропейских странах, исповедовали, как правило, либеральные взгляды и находились под влиянием, а зачастую и под контролем США. Поэтому Советский Союз рассматривался как тоталитарный режим, выполнявший роль жандарма в странах социалистического лагеря. Советская внешняя политика рассматривалась именно с этих позиций.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что подобные оценки не учитывают конкретно-историческую обстановку происходивших в 1968 г. в Чехословакии событий, как правило, не опираются на серьёзную научную основу, повторяют ряд политизированных выводов времён «холодной войны», ориентируясь на современную политическую ситуацию в стране и мире.

Статья поступила в редакцию 14.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Боевой союз братских армий. Сборник. М.: Воениздат, 1974. 262 с.
2. Булгаков В. В., Шевченко В. В., Байлов А. В. Ещё раз о «Пражской весне», операции «Дунай» и угрозе большой войны в Европе в 1968-м // Южнороссийский Адвокат. 2015. № 4. С. 46–49.
3. Булгаков В. В., Шевченко В. В., Байлов А. В. «Пражская весна», или военно-стратегическая операция «Дунай»? (К новой исторической оценке чехословацких событий 1968 года и их участников) // Южнороссийский Адвокат. 2014. № 3–4. С. 44–45.
4. Верт Н. История советского государства, 1900–1991 / Пер. с фр. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
5. Грибков А. И. Судьба Варшавского Договора. М.: Русская книга, 1998. 205 с.
6. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1997. 688 с.
7. Епишев А. А. Идеологическая борьба по военным вопросам. М.: Воениздат, 1974. 120 с.
8. Кальвокоресси П. Мировая политика 1945–2000: в 2-х кн. Кн. 1 / Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 2003. 624 с.
9. КПСС – организатор защиты социалистического Отечества / 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1977. 462 с.
10. Лукьянов П. Г. История Организации Варшавского Договора. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. 128 с.
11. Мартенс Л. Другой взгляд на Сталина / Пер. с англ. М.: Алгоритм, 2015. 660 с.
12. Мусатов В. Л. Россия и Восточная Европа: связь времен. М.: ЛКИ, 2008. 224 с.

13. Платошкин Н. Н. «Пражская весна»: мифы и факты // Военно-исторический журнал. 2010. № 8. С. 25–29.
14. Саргин А. «В Чехословакии в 1968 году была классическая “цветная” революция!», 22.08.2016 г. [электронный ресурс] // Аргументы–Live: [сайт]. URL: <http://argumenti.ru/live/2016/08/464307> (дата обращения: 10.12.2018 г.)
15. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3-х т. Том 2: От стабилизации к кризису (1966–1989). М.: Наука, 2002. 516 с.
16. Вони захищали мир у Європі: збірник спогадів та архівних документів. Житомир: Житомир, 2003. 190 с.
17. Шелест П. «Справжній суд історії ще попереду». Спогади, щоденники, документи, матеріали. К.: Генеза, 2003. 808 с.
18. Davies N. Europe: A history. L.: Pimlico, 1997. 445 p.

REFERENCES

1. *Boevoi soyuz bratskikh armii. Sbornik* [The military alliance of fraternal armies. Collection]. Moscow, Voenizdat Publ., 1974. 262 p.
2. Bulgakov V. V., Shevchenko V. V., Bailov A. V. [The Prague Spring, operation Danube and the threat of a major war in Europe in 1968 revisited]. In: *Yuzhnorossiiskii Advokat*, 2015, no. 4, pp. 46–49.
3. Bulgakov V. V., Shevchenko V. V., Bailov A. V. [Prague Spring or the strategic military operation Danube? (new historical assessment of the Czechoslovak events of 1968 and their participants)]. In: *Yuzhnorossiiskii Advokat*, 2014, no. 3–4, pp. 44–45.
4. Werth N. *Istoriya sovetskogo gosudarstva, 1900–1991* [The history of the Soviet State, 1900–1991]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. 480 p.
5. Gribkov A. I. *Sud'ba Varshavskogo Dogovora* [The fate of the Warsaw Pact]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1998. 205 p.
6. Dobrynin A. F. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SSHA (1962–1986 gg.)* [In confidence. An ambassador in Washington to six USA presidents (1962–1986)]. Moscow, Avtor Publ., 1997. 688 p.
7. Epishev A. A. *Ideologicheskaya bor'ba po voennym voprosam* [An ideological fight on military issues]. Moscow, Voenizdat Publ., 1974. 120 p.
8. Kalvokoressi P. *Mirovaya politika 1945–2000: v 2-kh kn. Kn. 1.* [World politics 1945–2000: in 2 books. Book 1]. Moscow, International relationships, Publ., 2003. 624 p.
9. *KPSS – organizator zashchiti socialicheskogo Otechestva* [The Communist party of the Soviet Union – the organizer of the defense of the socialist Homeland]. Moscow, Voenizdat Publ., 1977. 462 p.
10. Luk'yanov P. G. *Istoriya Organizatsii Varshavskogo Dogovora* [The history of the Warsaw Treaty Organization]. Mogilev: MGU im. A. A. Kuleshova Publ., 2006. 128 p.
11. Martens L. *Drugoi vzglyad na Stalina* [A different perspective on Stalin]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 660 p.
12. Musatov V. L. *Rossiya i Vostochnaya Evropa: svyaz' vremen* [Russia and Eastern Europe: the link of times]. Moscow, LKI Publ., 2008. 224 p.
13. Platoshkin N. N. [Prague Spring: myths and facts]. In: *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2010, no. 8, pp. 25–29.
14. Sargin A. [“A classic colour revolution took place in Czechoslovakia in 1968!” 22.08.2016]. In: *Argumenty–Live* [Argumenty–Live]. Available at: <http://argumenti.ru/live/2016/08/464307> (accessed: 10.12.2018).
15. *Tsentral'no-Vostochnaya Evropa vo vtoroi polovine XX veka: v 3-kh t. Tom 2: Ot stabilizatsii*

- k krizisu* (1966–1989) [Central-Eastern Europe in the second half of the 20th century: in 3 volumes. Vol. 2: From stabilization to crisis (1966–1989)]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 516 p.
16. Voni zakhishchali mir u Evropi: zbirnik spogadiv ta arkhivnikh dokumentiv [They defended peace in Europe: a collection of memories and archival documents]. Zhytomyr, Zhytomyr Publ., 2003, 190 p.
17. Shelest P. «Spravzhniy sud istorii shche poperedu». *Spogady, shchodeniki, dokumenty, materialy* [“The judgment of history is yet to come”. Memories, diaries, documents, materials]. Kiev, Geneza Publ., 2003. 808 p.
18. Davies N. Europe: A history. L., Pimlico, 1997. 445 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бруз Владимир Виленович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Московского государственного областного университета;
e-mail: vvb54@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Bruz – Doctor of Historical sciences, professor at the Department of State and Municipal Management, Moscow Region State University;
e-mail: vvb54@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бруз В. В. Историческая оценка событий 1968 года в Чехословакии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-83-94

FOR CITATION

Bruz V. Historical evaluation of the events of 1968 in Czechoslovakia. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-83-94

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-95-102

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА: ОТНОШЕНИЯ С КИТАЕМ

Давыдова Ю. А., Кокоулина О. П., Денисенкова Н. Н.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является анализ китайского направления внешней политики США на современном этапе. Авторы исследуют основные составляющие стратегии «сдерживания» со стороны США по отношению к Китаю и ее последствия не только для двух стран, но и для региона Юго-Восточной Азии в целом. В статье показана сложность и противоречивость характера американо-китайских экономических отношений, взаимозависимость двух стран в финансовой и торговой сфере. Авторы рассмотрели цели и интересы внешней политики США и Китая на современном этапе, выявили тенденции во взаимоотношениях двух стран.

Ключевые слова: США, международная политика, американо-китайские отношения, торговые отношения, «сверхдержава».

US FOREIGN POLICY AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: RELATIONS WITH CHINA

Yu. Davydova, O. Kokoulina, N. Denisenkova

Plekhanov Russian University of Economics

36 Stremyanny per., Moscow 117997, Russian Federation

Abstract. The article is aimed at analyzing current US foreign policy towards China. The authors examine key elements of the US strategy in terms of China containment and its consequences not only for the two countries, but also for the region of Southeast Asia as a whole. The article shows the complexity and contradictory nature of the US-China economic relations, the interdependence of the two countries in the financial and trade spheres. In this work, the authors analyze the goals and interests of the US and China's current foreign policies, as well as identify trends in the relations between the two countries.

Keywords: USA, foreign policy, US-China relations, trade relations, superpower.

Усиление роли Китая в мировой политике и его стабильный экономический рост рассматриваются американской политической элитой как стратегический вызов. Поэтому, независимо от того, кто одерживает победу на выборах в высшие органы власти, внешней политике на китайском направлении уделяется приоритетное внимание. Американо-китайские отношения на современном этапе вызывают большой интерес как у американских и китайских исследовате-

лей, так и у российских историков и политологов.

Британский историк Нил Фергюсон [10, р. 11] и американский эксперт Эндрю Крепиневич [12, р. 19] делают вывод о том, что Китай стал главным конкурентом США в мировой экономике, они обращают внимание на тот факт, что Вашингтон должен принять немедленные меры, чтобы не утратить позицию мирового лидера. Известный американский политолог Эйвери Голдштейн отмечает, что американское руководство в отношении такой крупной державы как Китай разделяет понятия «демократические ценности» и «интересы США», т.к. на первый план здесь выходят проблемы экономики и безопасности [11, р. 37].

Китайский исследователь Минсин Пэй в своей работе «Как Китай и Америка видят друг друга» [13, р. 16] отмечает, что напряженность в отношениях двух стран вполне закономерна: как соперничество двух экономических гигантов, каждый из которых претендует на мировое лидерство. Другой китайский историк Юань Пэн делает вывод о том, что соперничество и конфликты между США и КНР захватывают «сердцевину китайских интересов – суверенитет, безопасность, развитие и достоинство» [13, р. 22]. И они выглядят как конфликт гегемона с нарождающимся гегемоном. Кроме того, китайско-американские конфликты затрагивают и отношения Китая с окружающими странами, его политическими и экономическими партнерами, что, в свою очередь, влияет на модернизационные возможности Китая.

Значительный интерес данная проблематика вызывает и у российских ученых. Так, Н. А. Шибанова и

Р. В. Пеньковцев отмечают противоречивость характера американо-китайских отношений. Они подчеркивают, что до изменения внешней политики Дональда Трампа в отношении Китая этим государствам удавалось «поддерживать сложный баланс между конкуренцией и сотрудничеством в экономической сфере» [8, с. 133]. А. П. Портанский подчеркивает, что в ближайшее время двусторонние отношения между странами вряд ли стабилизируются, поскольку существуют разногласия по целому ряду вопросов [6, с. 8]. Я. П. Минок подробно рассматривает новую стратегию США в отношении Китая, переход к политике «сдерживания», подчеркивая, что США в настоящее время не готовы рассматривать Китай как будущую сверхдержаву и равного политического партнера [5, с. 270]. Ш. Ш. Ильясова в своей работе делает акцент на том, что «изоляционизм США в сочетании с дерзкими и противоречивыми действиями правительства Трампа в отношении Китая» может нанести ущерб мировой экономике [1, с. 97]. Отношения Китая и США в рамках международного экономического сотрудничества анализируются также в статьях А. В. Сысоевой [7] и А. П. Косова [2].

Внешняя политика США в отношении Китая учитывает сразу несколько важнейших факторов: взаимозависимость экономик двух держав; рост влияния Китая как доминирующей региональной державы; урегулирование отношений Китая с Южной Кореей и Японией. Свою основную задачу США видят в сдерживании роста Китая, чтобы не допустить его появления в качестве супердержавы и продолжить доминировать как в мировой эконо-

мике, так и в Мировом океане. Президентство Трампа открыло новый этап в отношениях с Пекином.

Лозунг Трампа «Америка прежде всего» (политика нового протекционизма) вызывает раздражение у китайского руководства, но вряд ли отстаивание Трампом интересов Америки приведет к военно-силовому кризису. С одной стороны, Трамп, как крупный бизнесмен, отстаивающий интересы США на мировом рынке, продемонстрировал решительность в «торговой войне» с Китаем, обвиняя его и в манипуляциях с обменным курсом юаня, в нарушении прав интеллектуальной собственности и в нечестной конкуренции. Но, с другой стороны, республиканец Трамп отказался от муссирования правозащитной темы, характерной для демократов, что устранило дополнительные раздражители из американо-китайских отношений.

Кадровые решения Трампа также свидетельствуют о его намерении соблюдать баланс в отношениях с Китаем. Если главой Национального совета по торговле был назначен Питер Наварро, критик внешнеполитической экспансии Китая, то послом США в Китае – Терри Бренстед, приверженец активного развития двусторонних отношений. Вместе с тем американская внешняя политика в отношении Китая стала более жесткой. Спорные морские участки в Южно-Китайском море, на которых Китай создает насыпные острова со взлетно-посадочными полосами, вызывает достаточно негативную реакцию правоконсервативного фланга американской политики. Вашингтон опасается, что Китай получит возможность контролировать судо-

ходство по одной из наиболее оживленных артерий Мирового океана.

В свою очередь, китайские политики считают, что основные угрозы национальной безопасности исходят со стороны юго-западной части Тихого океана, где США создали систему из трех линий опорных островов. Поэтому активизация американского присутствия в Тихоокеанском регионе крайне болезненно воспринимается китайской стороной. Китайское руководство считает, что это стратегически и экономически ограничивает Китай и затрудняет тем самым решение политических и экономических задач, стоящих перед страной [3, с. 27]. Эти взаимные обвинения и претензии повышают напряженность в отношениях двух держав и провоцируют возможные военные конфликты, если не напрямую между США и КНР, то между сопредельными государствами, находящимися под влиянием этих стран.

Вашингтон пытается использовать против Пекина политические рычаги давления с целью добиться экономических уступок. США стремятся получить доступ на китайский рынок некоторых видов своей продукции (говядины, сжиженного газа), разыгрывая карту Северной Кореи. Совет безопасности ООН принял резолюцию о введении санкций против этой страны из-за ее ядерной программы. В рамках этой резолюции Китай, как член ООН, соблюдает санкционную политику. Но США ввело также целый ряд дополнительных санкций против Пхеньяна и потребовало, чтобы и другие страны к ним присоединились, обещая в противном случае наложение вторичных санкций. Эти санкции были введены в отношении ряда китайских банков,

компаний и физических лиц на основании их сотрудничества с Пхеньяном. Китай воспринимает эти меры как претензии Вашингтона на свои сферы влияния.

Попытки США решить ядерную проблему Северной Кореи в двустороннем порядке, без учета интересов Китая и без его посредничества, также негативно воспринимаются в политических кругах Китая.

Усилия Китая по экономической интеграции стран АТР также вызывают опасения США, т.к. угрожают их господству в этом регионе Тихого океана, которое длится уже 70 лет. По мнению большинства американской политической элиты, Трамп открыл дорогу китайскому экономическому доминированию в АТР, приняв решение о выходе из соглашения по Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) и инициировав расследование в отношении некоторых стран Юго-Восточной Азии по подозрению в нечестной торговой конкуренции [9, с. 680]. В это же время Пекин активно продвигает свой проект «Регионального всеобъемлющего экономического партнерства».

Активная деятельность Китая в регионе, а также его участие в организациях БРИКС и ШОС напрямую угрожают не только экономическим интересам США, но и ведут к ослаблению влияния Америки в международных структурах глобального управления. До недавнего времени американцы были уверены в том, что интеграция Китая в мировую экономическую систему вынудит его принимать те «правила игры», которые были установлены в эпоху безусловной гегемонии США на мировом рынке. Но кризис 2008 г. показал, что китай-

ское руководство намерено изменить устаревшие механизмы глобального управления. Китай обозначил новую национальную задачу – безопасность ключевых торговых путей и защита своих зарубежных ресурсов и рынков. Активная экономическая деятельность Китая позволяет ему влиять на перераспределение сфер влияния мировых центров силы в свою пользу, вытесняя конкурентов из регионов, где они доминировали ранее.

В частности, США беспокоит расширение экономического присутствия Китая в Латинской Америке, Азии и Африке, т.к. это ослабляет их влияние в этих регионах. Китай выступает альтернативным источником валютных кредитов и получает свободный доступ к ресурсам этих стран. Список этих стран достаточно обширен: Венесуэла, Ангола, Чад, Судан, Иран, Пакистан, Узбекистан и др. В Африке уже в 2009 г. Китай опередил США по объему торговых связей [4, с. 65].

Основным средством давления на Китай президент Трамп считает экономические санкции. Неоднократно он заявлял о намерении вернуть в США многие производства, ранее вынесенные американскими бизнесменами на территорию Китая. В марте 2018 г. Трамп ввел торговые ограничения на импорт китайских товаров. Представителю США на торговых переговорах Роберту Лайтхайзеру было поручено инициировать в рамках ВТО разбирательство в отношении Китая за нарушение международных правил торговли. Кроме того, президент обвинил китайские компании в краже интеллектуальной собственности американцев.

Китайское правительство неоднократно предупреждало США об ответ-

ных санкциях, и в марте 2018 г. министерство коммерции Китая объявило о планах введения повышенных пошлин на 128 наименований товаров, импортируемых из США¹.

На саммите G20, проходившем с 30 ноября по 1 декабря 2018 г. в Аргентине, Трамп объявил о прекращении «торговой войны» на 90 дней. Между лидерами двух стран было достигнуто взаимовыгодное соглашение. США обещали не повышать пошлины на китайские товары на 25%, а Китай, в свою очередь, заявил о готовности снизить пошлины на американскую сельхозпродукцию. Однако, как отмечает американский аналитик Дерек Сизорс, «перемирие» было просто разыграно и через три месяца, к моменту начала переговоров о новом соглашении в марте 2019 г., все вернется в прежнее русло, так как ни одна из стран не планирует менять отношение к партнеру².

Соперничество двух стран проявляется не только в политической и экономической сфере, оно сместилось и в сферу спорта как показателя достижений страны. Спорт является важной частью жизни китайского общества, за спортсменами и их результатами следит большинство населения Китая. Традиционная китайская культура считает физическую форму важной

характеристикой. В Китае есть свое национальное четырехлетнее многопрофильное мероприятие, похожее на Олимпийские игры, под названием «Национальные игры». В США также относятся к спортивным достижениям как к одному из показателей превосходства американского образа жизни и американской культуры.

В настоящее время в КНР на поддержку профессионального спорта тратится значительная часть государственных денег, что является прямым доказательством того, что страна собирается конкурировать с Соединенными Штатами Америки в спортивной сфере. Это соперничество и погоня за лучшими результатами приводит спортсменов обеих стран к таким мерам, как допинг. На Олимпиадах последних лет были зафиксированы случаи, когда спортсмены из Китая и Америки не проходили допинг-пробы. США стремятся сохранить свое лидерство любой ценой, а Китай – обогнать Америку по спортивным достижениям, чтобы продемонстрировать свою мощь.

Не скрывая, что подъем Китая и его укрепление во всех сферах жизни общества представляет стратегический вызов для США, тем не менее на официальном уровне термин «сдерживание» не применяется. Однако в американской научной среде этот термин уже давно вошел в обиход. Под ним понимается ограничение возможностей Китая по противодействию США, ограничение для него доступа к новейшим технологиям и ресурсам, способным укрепить его военную мощь, максимальное сужение пространства для политических маневров в решении спорных вопросов. При этом страте-

¹ Сообщение из КНР цит. по: Крючкова Е., Горячева В. Китай готовит ответный список, 23.03.2018 г. // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3582015> (дата обращения: 07.02.2019).

² Цит. по: Максимова О. Просто перезагрузка: США и Китай симулировали торговое перемирие, считают эксперт по КНР и аналитик, 04.12.2018 г. // Информационное агентство «Народные новости». URL: <https://nation-news.ru/417215-prosto-perezagruzka-ssha-i-kitai-simulirovali-torgovoe-peremirie> (дата обращения: 07.02.2019).

гия сдерживания рассматривается в различных вариантах.

Так, сторонники позиции сенатора Джона Маккейна настаивают на жесткой линии сдерживания, в то же время большинство экспертов сходятся во мнении, что необходима сбалансированная политика, сочетающая попытки сдерживания с поисками компромисса. В целом американские эксперты и аналитики рассматривают экономическое и военное укрепление

Китая как долгосрочную негативную тенденцию, а не как актуальную угрозу своей безопасности в ближайшее время. В любом случае, идеологи внешней политики США не рассматривают американо-китайский тандем как вариант нового миропорядка. Объективных экономических и политических предпосылок для этого не существует, это стало очевидным для обеих сторон.

Статья поступила в редакцию 21.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильясова Ш. Ш. Торговая политика правительства Д. Трампа. Анализ и прогнозы // Вопросы науки. 2018. № 7 (23). С. 97–101.
2. Косов А. П. Политика США в отношении Китая в период второго президентства Б. Обамы // Журнал международного права и международных отношений. 2015. № 3. С. 20–26.
3. Лукьянович Н. В. Геополитические и геоэкономические предпосылки и последствия заключения соглашения о тихоокеанском партнерстве // Вопросы новой экономики. 2016. № 4. С. 25–32.
4. Мардашев А. А. Помощь КНР странам Африки // Вестник МГИМО – Университета. 2012. № 2 (23). С. 58–69.
5. Минок Я. П. Проблемы и перспективы развития торгового оборота между США и Китаем // Молодой ученый. 2018. № 21 (207). С. 269–274.
6. Портанский А. П. Трамп разрушает сложившиеся правила и принципы мировой торговли // Международная экономика. 2018. № 6. С. 7–18.
7. Сысоева А. В. Место и роль Китая в системе современных международных отношений // Евразийская экономическая конференция: сборник статей II международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 177–179.
8. Шибанова Н. А., Пеньковцев Р. В. Конкуренция или сотрудничество: двойной характер экономических отношений США и КНР в условиях глобализации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 132–140.
9. Эсташи Л. Геополитика и глобальные рынки капитала: отношения США и Китая с 1980 г. // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 4. С. 677–690.
10. Ferguson N. The War of the World. Twentieth Century Conflict and the Descent of the West. N. Y.: Penguin Press, 2006. 880 p.
11. Goldstein A. China's Real and Present Danger. Now Is the Time for Washington to Worry // Foreign Affairs. 2013. Vol. 92. № 5. P. 37–49.
12. Krepinevich Jr. A. F. How to Deter China. The Case for Archipelagic Defense // Foreign Affairs. 2015. Vol. 94. № 2. P. 18–31.
13. Pei Minxin. How China and America See Each Other. And Why They Are on a Collision Course // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. № 2. P. 9–22.

REFERENCES

1. Il'yasova Sh. Sh. [Trade policy of D. Trump's administration. Analysis and forecasts]. In: *Voprosy nauki* [Scientific issues], 2018, no. 7 (23), pp. 97–101.
2. Kosov A. P. [U.S. policy toward China during the second presidency of Barack Obama]. In: *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Journal of International Law and International Relations], 2015, no. 3, pp. 20–26.
3. Luk'yanovich N. V. [Geopolitical and geoeconomic prerequisites and consequences of signing the agreement on Pacific partnership]. In: *Voprosy novoi ekonomiki* [Issues of New Economy], 2016, no. 4, pp. 25–32.
4. Mardashev A. A. [China's aid to African countries]. In: *Vestnik MGIMO – Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2012, no. 2 (23), pp. 58–69.
5. Minok Ya. P. [Problems and prospects of developing trade between the US and China]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2018, no. 21 (207), pp. 269–274.
6. Portanskii A. P. [Trump destroys the established rules and principles of the world trade]. In: *Mezhdunarodnaya ekonomika* [The World Economics], 2018, no. 6, pp. 7–18.
7. Sysoeva A. V. [The place and role of China in international relations]. In: *Evraziiskaya ekonomicheskaya konferentsiya: sbornik statei II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Eurasian economic conference: a collection of articles from the 2nd international scientific-practical conference]. Penza, MTsNS «Nauka i Prosveshchenie» Publ., 2018, pp. 177–179.
8. Shibanova N. A., Pen'kovtsev R. V. [Competition or cooperation: the dual nature of economic relations between the US and China in the context of globalization]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm State University. Political Science], 2018, no. 1, pp. 132–140.
9. Eustache L. [Geopolitics and global capital markets: US – China relations since 1980]. In: *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Bulletin of Irkutsk State Academy of Economics], 2015, vol. 25, no. 4, pp. 677–690.
10. Ferguson N. *The War of the World. Twentieth Century Conflict and the Descent of the West*. N. Y., Penguin Press, 2006. 880 p.
11. Goldstein A. China's Real and Present Danger. Now Is the Time for Washington to Worry. In: *Foreign Affairs*, 2013, vol. 92, no. 5, pp. 37–49.
12. Krepinevich Jr. A. F. How to Deter China. The Case for Archipelagic Defense. In: *Foreign Affairs*, 2015, vol. 94, no. 2, pp. 18–31.
13. Pei Minxin. How China and America See Each Other. And Why They Are on a Collision Course. In: *Foreign Affairs*, 2014, vol. 93, no. 2, pp. 9–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; e-mail: ylkadav@mail.ru

Кокоулина Ольга Павловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; e-mail: kokoulinaop@mail.ru

Денисенкова Наталья Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; e-mail: natalya652008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia A. Davydova – PhD in Historical sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: ylkadav@mail.ru

Olga P. Kokoulina – PhD in Pedagogic sciences, Associate Professor at the Department of Physical education, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: kokoulinaop@mail.ru

Natalia N. Denisenkova – PhD in Historical sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: natalya652008@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Давыдова Ю. А., Кокоулина О. П., Денисенкова Н. Н. Внешняя политика США в начале XX века: отношения с Китаем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 95–102.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-95-102

FOR CITATION

Davydova Y., Kokoulina O., Denisenkova N. US Foreign Policy at the Beginning of the 21st Century: Relations with China. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 95–102.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-95-102

УДК 94:327

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-103-113

КОРРЕКТИРОВКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА КНР В ХОДЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Воронкова Д. О.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является анализ изменения внешнеполитической деятельности КНР на Ближнем Востоке и в Северной Африке под влиянием событий «Арабской весны». Основное содержание исследования составляет анализ конкретных реакций руководства КНР на вызовы арабских волнений и освещение ряда предпринятых КНР шагов для обеспечения и защиты своих экономических интересов в регионе. По итогам исследований сделаны выводы об отклонении Китая от традиционного внешнеполитического курса, наращивании дипломатических усилий, увеличении вовлеченности КНР в проблемы Ближневосточного региона, а так же о стремлении к большей экономической интеграции экономики КНР со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Все это рассматривается в Китае как способы умиротворения конфликтов в одном из важнейших для его экономики регионов мира. Статья адресована кругу исследователей, занимающихся проблематикой внешнеполитической деятельности КНР на Ближнем Востоке и её влияния на происходящие в регионе процессы.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, «Арабская весна», Ближний Восток, Северная Африка.

THE ADJUSTMENT OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF ARAB SPRING

D. Voronkova*Moscow Region State University**24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. This article is aimed at analyzing changes in the foreign policy of China in the Middle East and in North Africa under the influence of Arab Spring. The research involved an analysis of specific responses of China's government to the challenges of the Arab unrest and actions undertaken to ensure and protect its economic interests in the region. The study concludes that China has departed from the traditional foreign policy, intensified diplomatic efforts, increased its involvement in the problems of the Middle East region, as well as aimed for greater economic integration of China's economy with the countries in the MENA region. China regards these measures as ways to pacify conflicts in the region considered to be crucial for its economy. The article may be of interest to researchers working on China's foreign policy in the Middle East and its influence on the processes occurring in the region.

Keywords: foreign policy of China, Arab Spring, Middle East, North Africa.

Масштабные волнения, начавшиеся в конце 2010 г. в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки, привели к свержению режимов в ряде стран: Ливии, Йемене, Тунисе, Египте. Эти волнения стали квинтэссенцией сложно переплетенных внешних и внутренних факторов нестабильности в регионе. Вследствие вмешательства в ход событий многих заинтересованных сторон, стремившихся реализовать свои амбиции в хаосе безвластия, и сложных культурных, социальных и политических взаимоотношений в регионе, волнения переросли в гражданские войны в Ливии, Сирии, Йемене, привели к образованию террористической организации «Исламского Государства», к крупным социальным и экономическим катастрофам в ряде стран региона, резкому падению уровня жизни народов в ряде стран, к дальнейшему усилению радикальных исламистов. Волнения стали именоваться «Арабской весной», «Арабским пробуждением», «Арабским бунтом».

Традиционно внешняя политика Китая была призвана обеспечить, в первую очередь, устойчивый экономический внутренний рост. КНР придерживалась принципов невмешательства во внутренние дела стран, не заключала военные союзы и не участвовала в военных действиях, декларировал уважение ко всем типам политических режимов. Основой взаимоотношений для Китая всегда была экономическая целесообразность. При этом руководство КНР стремилось использовать различные средства для развития успешного мирного сотрудничества. Вскоре после начала правления Председателя КНР Ху Цзиньтао, в 2004 г. была создана глобальная сеть Инсти-

тутов Конфуция, поддерживаемая государством, которая охватила к 2010 г. 96 стран и регионов мира [5, с. 10]. Целью этих культурно-образовательных центров было и остается распространение за рубежом китайского языка и китайской культуры для понимания Китая иностранцами, развития дружеских отношений со всеми странами.

На основе сотрудничества Китая и ЛАГ в 2004 г. был основан Форум арабо-китайского сотрудничества. По мнению китайской стороны, этот Форум создал условия для «отношений стратегического и всестороннего сотрудничества» [6, с. 297]. В статье министра иностранных дел КНР Ван И упоминается, что арабо-китайская торговля в период с 2004 по 2014 гг. выросла с 25 млрд. до 239 млрд. долл. США¹. В свою очередь, арабские инвестиции в Китай составили 2,6 млрд. долл. США [9, р. 7]. Во внешнеполитическом ведомстве КНР в 2005–2010 гг. раздавались призывы пересмотреть наказания «держаться в тени» и «хладнокровно наблюдать», особенно после успешного преодоления мирового кризиса 2008–2009 гг. и абсолютного роста экономической мощи, перейти к стратегии «создателя волн», «к сознательному формированию благоприятной международной среды» [7, с. 19].

С точки зрения Пекина регион Залива и Ближний Восток в целом являются центром влияния США, имеющих там развитое дипломатическое, экономическое и военно-техническое

¹ Wang Yi. Strengthen the Forum and Upgrade China-Arab Relations, 03.06.2014 // Embassy of the People's Republic of China in the State of Qatar. URL: <http://qa.china-embassy.org/eng/zxxx/t1161667.htm>

сотрудничество. Пекин, имеющий в регионе более слабые дипломатические отношения, старался избегать прямой конфронтации с США, но не желал разделять их стратегическое бремя, так как Ближневосточный регион для Китая — лишь один из компонентов процесса перераспределения ресурсов [10]. Однако Китай весьма заинтересован в Ближневосточном регионе и в Северной Африке, это вполне определенно показали шаги, предпринятые руководством КНР в процессе развития «Арабской весны», что привело к корректировке внешнеполитического курса в рассматриваемом регионе.

Официальная китайская пресса не передавала сообщений о волнениях, когда они начались в Тунисе [11]. По мере нарастания интенсивности массовых волнений китайское руководство уже не могло умалчивать об этом. После отстранения от власти президента Туниса Бен Али, КНР признала новое переходное правительство. И, несмотря на то, что с тех пор в Тунисе сменилось несколько премьер-министров, КНР успешно поддерживала отношения со всеми. Так, 13 марта 2016 г. в ходе визита в Тунис министра иностранных дел КНР Ван И, президент и премьер-министр Туниса в индивидуальном порядке встретились с ним. Были отмечены прочные отношения, связывающие Тунис и КНР, развивающиеся в позитивном ключе. Ван И отметил, что Китай стремится «как можно скорее превратить традиционную дружбу в импульс прагматичного сотрудничества», «КНР готова поощрять компании страны, участвовать в крупных инфраструктурных проектах Туниса»¹.

¹ Ван И нанес официальный визит в Тунис,

Отставка президента Египта Х. Мубарака была прокомментирована в МИД Китая как «необходимость восстановления общественного порядка и стабильности в стране». После чего был нанесен визит заместителя министра торговли КНР в апреле 2011 г. для обсуждения торговых двусторонних соглашений в Каире. В марте 2012 г. Председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с министром иностранных дел Египта М. К. Амром сказал, что «Китай уделяет повышенное внимание развитию отношений с Египтом» и готов работать над «дальнейшим укреплением взаимного политического доверия», предложил усилить двустороннее сотрудничество². Всего же в 2011–2012 гг. целый ряд поездок был предпринят представителями китайской власти по странам Ближнего Востока и Северной Африки, были расширены отношения с Советом сотрудничества стран Залива (ССЗ). В августе 2011 г. глава Генштаба Китая, генерал Чэнь Биндэ посетил Израиль, в январе 2012 г. китайский премьер Вэнь Цзябао совершил поездку в Саудовскую Аравию, Катар и ОАЭ³.

Китайское правительство стремилось подтвердить безопасность вложенных в регион инвестиций, наладить отношения с представителями

14.05.2016 // Жэньминь Жибао он-лайн: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0514/c31520-9057788.html>.

² Си Цзиньпин встретился с министром иностранных дел Египта, 22.03.2012 // Жэньминь Жибао он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7765476.html>

³ См. публикацию: Bruzzone M. La Cina snobba le sanzioni all'Iran, ma il premier Wen Jiabao è ben accolto nel Golfo, 25.01.2012 // Opinioni La Stampa: блог (<https://www.lastampa.it>) – перевод был опубликован на сайте ИноСМИ под заголовком «Китай не вписывается в общий хор».

новой власти в странах региона и продолжить наращивать экономическое сотрудничество. Вскоре после того, как арабские волнения перекинулись в Ливию, китайский дипломат Цзян Юй подчеркивала уважение Китая к выбору ливийского народа, заявила о всесторонней поддержке инициатив по политическому регулированию и призывала обе стороны конфликта к скорейшему снятию напряжения в стране в интересах народа¹. Ли Баодун, постоянный представитель КНР при ООН также выражал официальную точку зрения Китая об исключительном праве самого ливийского народа решать вопросы внутривнутриполитического устройства страны [3].

Одновременно министр иностранных дел КНР Янг Цзъечи начал переговоры с оппозиционным Национальным Переходным Советом, назвав его «важным партнером по диалогу»². В Совете Безопасности ООН Китай поддержал резолюцию³, вводящую санкции в отношении режима М. Каддафи, замораживающую активы верхи власти, налагающую эмбарго на продажу оружия, а также постановление СБ ООН о передаче «ливийского досье» в Международный уголовный суд⁴. Это

свидетельство того, что китайские власти стали рассматривать действия М. Каддафи как подрывающие стабильность и потенциально оказывающие негативное влияние на экономические договоренности с КНР.

Вместе с тем заместитель министра иностранных дел Фу Ин заявлял, что Китай не поддерживает военные действия против Ливии⁵. Кроме того, Пекин отверг англо-французское предложение о создании международной коалиции для вмешательства и координации действий в Ливии. Председатель КНР Ху Цзиньтао во время встречи G-20 в Нанкине заявил президенту Франции Николя Саркози, что вооруженные силы не решают проблем, их нужно улаживать мирными методами на основе общих интересов [13, p. 2].

Сразу же после отстранения М. Каддафи от власти официальный представитель МИД КНР Ма Чжао-сю заявил, что Китай «уважает выбор народа Ливии», а также «готов работать с международным сообществом и играть активную роль в процессе восстановления страны»⁶. По оценкам китайской стороны, Китай потерял в Ливии по итогам беспорядков 18,8 млн. долл. США⁷; многие квалифицированные китайские рабочие, занятые в инфраструктуре, строительных и нефтяных проектах, были эвакуированы, производственные действия

casualties in Libya, 26.03.2011 // EuObserver. URL: <https://euobserver.com/china/32072>.

⁵ Там же

⁶ См. видео «МИД КНР по конференции в Ливии» на видео-хостинге: <https://www.youtube.com/watch?v=gHkZQQnbKk8>.

⁷ Ding Qingfen. China looks to Arab states for opportunities, 09.04.2011 // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2011-04/09/content_12297375.htm.

¹ Заявление официального представителя МИД КНР Цзян Юй о ситуации в Ливии, 20.03.2011 // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/world/20110320/355847329.html>

² Li Lianxing. Libyan Opposition «Important Dialogue Partner», 23.06.2011 // China Daily. URL: www.chinadaily.com.cn/cndy/2011-06/23/content_12756584.htm.

³ Совет Безопасности ООН ввел санкции в отношении нынешнего режима Ливии и постановил передать «ливийское досье» в Международный уголовный суд, 26.02.2011 // Новости ООН: [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2011/02/1179041#.VqjLCBWSLUk>

⁴ Pop V. China voices worry about Nato civilian

приостановлены, а бизнес прекращен [10, р. 73–83].

Некоторые исследователи писали, что Китай реагирует на события в Ливии как «двуликий Янус» [13, р. 2]. Такая двойственная политика КНР в отношении Ливии, возможно, объясняется некоторой натянутостью китайско-ливийских отношений, невзирая на крупные китайские инвестиции в эту страну. Еще в 2009 г. министр иностранных дел Ливии М. Кусса говорил в своем интервью: «Когда мы смотрим на происходящее в мире, мы считаем, что в этом есть что-то сродни китайскому нашествию на Африканский континент. Это то, что заставляет вспомнить о колониализме на Африканском континенте» [13, р. 3]. С этим высказыванием созвучна и риторика Х. Клинтон, которая заявляла о «неоколониализме» в Африке применительно к действиям Китая¹. Китай, в свою очередь, с негодованием отвергал эти обвинения, обвиняя Европу и США в экономическом контроле над Африкой (вместо прямого военного и политического контроля)².

В совокупности это вскрывает ряд проблем, вызванных нарастающим соперничеством США и КНР. Возможно, позиция Китая была обусловлена враждебным настроением ЛАГ по отношению к режиму М. Каддафи. Следует отметить, что после смены режима Китаю удалось скупить значительные

активы на территории Ливии и некоторые активы Ливии в других африканских странах по сниженным ценам. Согласно данным китайской таможенной службы, объем товарооборота между Китаем и Ливией уже после революции возрос на 215%³.

Однако насильственные действия в Ливии, как представляется, окончательно убедили руководство КНР в необходимости повышения уровня участия в решении проблем региона. Как 2009–2011 гг., так и в последующие годы КНР проводила «напористую» внешнюю политику. Это позволяет сделать вывод об изменении внешнеполитического курса Китая, окончании политики невмешательства [8, с. 125].

С началом протестов против действующей власти в Сирии, в октябре 2011 г. КНР наложила вето на резолюцию по ситуации в Сирии в Совете Безопасности ООН на основании непосредственной угрозы этого документа для «суверенитета, независимости и территориальной целостности» сирийского государства. 5 февраля 2012 г. Китай (вместе с Россией) вновь наложил вето на резолюцию СБ ООН с призывом к отставке Б. Асада, опасаясь, что это приведет к повторению вторжения войск НАТО по «ливийскому сценарию»⁴.

Невзирая на декларируемое неучастие Китая в военных союзах, Китай

¹ Clinton warns against “new colonialism” in Africa, 11.06.2011 // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-clinton-africa/clinton-warns-against-new-colonialism-in-africa-idUSTRE75A0RI20110611>.

² RPT: China Voice: Who's Africa's neo-colonialist? 27.11.2015 // Xinhua. URL: http://www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2015-11/27/content_37179109.htm.

³ Elumami Ahmed. Chinese Delegation Arrives to Discuss Resuming Work and War Compensation, 05.03.2013 // Libya Herald. URL: <http://www.libyaherald.com/2013/03/05/chinese-delegation-arrives-to-discuss-resuming-work-and-war-compensation/#axzz5hIMtaJL9>.

⁴ См.: Россия и Китай наложили вето на резолюцию Совбеза ООН по Сирии, 04.02.2012 // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20120204/556983069.html>

является, по сути, союзником Ирана, Сирии и России, действующих заодно против приверженцев свержения Асада. Руководство страны неоднократно выражало несогласие с вмешательством третьих сил в гражданскую войну в Сирии, включая гегемон региона США, поддерживающие полутеррористическую оппозицию, и основные нефтедобывающие страны ЛАГ, лояльные к США и сотрудничающие с Китаем, особенно Саудовская Аравия, являющаяся непримиримым врагом Ирана.

Реальность потребовала от Китая решительных и своевременных действий по защите своих экономических интересов от рисков конфликтов в странах региона, особенно в свете нарастающего соперничества КНР и США. По мнению некоторых китайских исследователей, «Китаю не хватает «опорного» государства на Ближнем Востоке, государства, обладающего довольно серьезным влиянием в определенной группе стран и способного поддержать стратегию Китая с позиции силы или геополитики», каковыми могут стать Египет или Иран¹. Можно сделать предположение, что с развитием бурных событий «Арабской весны» Китай начал осознавать, что для эффективной защиты своих интересов в современном мире невозможно отделять экономику от политики, необходимо использовать оба этих инструмента для реализации своих целей.

¹ См. перевод публикации, размещенной 12.01.2018 на сайте Guancha Шанхайского института стратегических исследований «Чуньцзю»: Лю Шенсян, Ху Сяофэн. Ближний Восток заставляет США нервничать; как Китай может использовать эту возможность и выиграть время (часть 3). URL: <https://inosmi.ru/politic/20180131/241309428.html>

Важнейшим, жизненно важным интересом Китая на Ближнем Востоке и в Северной Африке является импорт энергоносителей. Быстрый экономический рост сделал Китай крайне зависимым от сырья. Половину всей импортируемой нефти Китай поставляет из Саудовской Аравии и Ирана. Волнения в Арабском мире и нарастающее соперничество с США заставили КНР серьезно опасаться прекращения стабильного доступа к энергоресурсам. Несмотря на то, что энергетическая политика Китая опирается на меркантилистскую логику, Китай очень уязвим для блокады или перебоев в поставках нефти: им импортируется 60% нефти, 90% из которой – морем².

Как следствие, Китай предпринимает ряд мер для обеспечения бесперебойного импорта нефти: строит свои танкеры (перевозя уже 50% ближневосточной нефти на своих танкерах), диверсифицирует поставщиков нефти, вкладывает огромные инвестиции в покупку и развитие нефтяной инфраструктуры по всему миру [12, р. 192]. Так, например, Китай является самым крупным инвестором в нефтяной промышленности Ирака³, выделяет средства на модернизацию собственного ВМФ [12, р. 195]. По данным SIPRI (Стокгольмского международного института исследований проблем мира), Китай стал третьим по величине экс-

² Du Juan. Nation Weighs Shipping System for Oil Imports, 22.03.2012 // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2012-03/22/content_14885310.htm.

³ Reissa Su. ISIS War: China Offers Military Support To Iraq But Declines Joining U.S. – Led Coalition, 16.12.2014 // International Business Times. URL: <http://www.ibtimes.com.au/isis-war-china-offers-military-support-iraq-declines-joining-us-led-coalition-1398125>.

портером основных вооружений в мире в 2010–2014 гг. [14]. Военный бюджет Китая неуклонно растет с каждым годом, составив 100 млрд. долл. США в 2009 г. и 175 млрд. – в 2018 г.¹, что связано с внутривнутриполитическими и внешнеполитическими аспектами. Кроме того, регион Северной Африки и Ближнего Востока – это ключевой рынок для оффшорного строительства и инжиниринговых компаний. Как представляется, руководство КНР склонно рассматривать «Арабскую весну» с точки зрения геоэкономики. Экономические интересы были и остаются доминирующим (но не единственным) фактором, определяющим внешнюю политику КНР по отношению к странам региона для обеспечения непрерывного доступа к ресурсам.

Волнения в арабских странах, вызвавшие очередной всплеск радикального исламизма, вызвали серьезную озабоченность руководства Китая. В отсутствие сильной центральной власти в стране сложно ожидать стабильного выполнения экономических обязательств. Китай опасается разрастания радикального исламизма на свою территорию, особенно на Синьцзян-Уйгурский автономный округ, населенный преимущественно мусульманами. Призывы ИГИЛ к радикалам Восточного Туркестана участвовать в ее деятельности вызывают серьезные опасения у руководства КНР, бросая вызов безопасности и внутренней стабильности пограничных районов [2]. Вследствие этих опасений Китай пред-

ложил Ираку свою помощь в борьбе с ИГ².

Действия ИГИЛ на Ближнем Востоке угрожают интересам КНР за рубежом, безопасности перевозок энергоносителей, китайским специалистам, работающим там, активам китайских компаний. Например, после свержения Х. Мубарака египетский участок нефтепровода практически прекратил функционировать вследствие подрывной деятельности исламистов, а количество взрывов исчислялось десятками³. В стремлении укрепить свое положение в регионе Китай повысил не только дипломатическую, но и экономическую активность. Помимо увеличения внешнеполитической активности, в сентябре 2012 г. Вэнь Цзябао, бывший в то время премьером Госсовета КНР, выступил в г. Урумчи с докладом «Восстановление величия Великого Шёлкового пути» [1, с. 18], а в 2014 г. при Председателе КНР Си Цзиньпине была опубликована глобальная экономическая инициатива «Один пояс, один путь», состоящая из сухопутной и морской составляющих и направленная на всеобъемлющее взаимовыгодное экономическое сотрудничество со странами Восточной Азии и АТР, Центральной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки [4, с. 28–29].

Было объявлено о строительстве «сухопутного и морского “шелковых путей”» XXI в. Трансконтинентальные пути призваны объединить шестьдесят стран вокруг себя. Таким образом,

¹ China to increase 2018 defense budget by 8.1 percent, 05.03.2018 // Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/05/c_137016482.htm.

² China offers military help to Iraq to defeat ISIS, 14.12.2014 – report // Russia Today. URL: <https://www.rt.com/news/214243-china-iraq-military-isis>.

³ Al-Arish gas pipeline explodes for 28th time // Daily News Egypt. 2015. 3 Feb.

можно говорить о начале создания новой экономической системы. Кроме того, был предпринят ряд шагов по увеличению привлекательности КНР для иностранных инвесторов, в 2014–2015 гг. в стране был упрощен порядок регистрации и экспорта капитала, сняты 90% ограничений для инвесторов. Были создан Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций (АБИИ), предприняты меры для превращения юаня в свободно конвертируемую валюту и ряд иных шагов [1, с. 24].

Одним из примеров нарастающей дипломатической активности Китая для продвижения своих интересов в Ближневосточном регионе является активное участие КНР в дипломатических консультациях для обеспечения успешного заключения «ядерной сделки» стран Запада с Ираном в 2015 г. Тем не менее китайское руководство посчитало излишним вмешательство в конфликт Саудовской Аравии с Ираном в 2016 г.

Как представляется, Китай стремится усилить экономическое давление в Азии и на Ближнем Востоке, предлагая всеобъемлющие экономические проекты, в которых заинтересованы партнеры КНР. Одновременно КНР плавно наращивает дипломатический нажим в регионе для обеспечения и продвижения своих интересов, т. к. «неустойчивый, полный опасностей Ближний Восток не соответствует государственным интересам КНР»¹. Как полагают некоторые китайские исследователи, действующая ближневосточная стратегия Китая испытывает сложности в связи с гегемонией США

в регионе и угрозой ИГИЛ и, следовательно, неэффективна, и Китаю следует выдвинуть более проработанную программу китайской стратегии на Ближнем Востоке, которая ясно покажет миру позицию КНР. На основе этой стратегии, по мнению научных экспертов, можно более эффективно строить взаимоотношения с партнерами Китая в регионе Ближнего Востока и Северной Африки и взаимодействовать с иными государствами, имеющими интересы в этом регионе².

Анализируя изменения внешнеполитического курса КНР в связи с арабскими волнениями, необходимо еще раз подчеркнуть, что начиная с 1976 г., внешняя политика руководства КНР ориентировалась, прежде всего, на выстраивание взаимовыгодных экономических отношений со странами всего мира, придерживаясь политики невмешательства в региональные конфликты, неучастия в военных союзах.

Вследствие событий «Арабской весны» и их угрозы экономическим интересам Китая в регионе, руководству КНР пришлось активно отстаивать свои интересы как в Совете Безопасности ООН, так и на региональном уровне, налаживая связи с новыми правительствами и подтверждая экономические обязательства, развивая и укрепляя дальнейшее сотрудничество, оказывая помощь давним союзникам, например, Ирану в заключении «ядерной сделки» в 2015 г. «Арабская весна» побудила КНР рассматривать политическую ситуацию в одном из важней-

¹ См. указанную выше публикацию: «Лю Шенсян, Ху Сяофэн. Ближний Восток заставляет США нервничать ...».

² См. перевод продолжения публикации: «Лю Шенсян, Ху Сяофэн. Ближний Восток заставляет США нервничать ... (часть 4)». URL: <https://inosmi.ru/politic/20180201/241314379.html>

ших для Китая регионов не только как средство для обеспечения внутренних экономических реформ, но и как геoeкономическую проблему.

Таким образом, можно сделать выводы, что краткосрочной целью КНР в регионе является поддержка бесперебойного импорта энергоносителей, среднесрочной – стабилизация и умиротворение Ближнего Востока, а долгосрочной – создание между КНР и странами Ближнего Востока и Се-

верной Африки «сообщества с единой судьбой». Для обеспечения своей внешнеполитической стратегии руководство Китая выдвинуло ряд инициатив для большей интеграции экономики Китая в Центральную Азию, Ближний Восток и Северную Африку, совмещая, таким образом, и дипломатический нажим, и привлекательные экономические проекты.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельбрас В. Г. Геоэкономическая стратегия Китая // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1. С.15–24.
2. Кокарев К. А. К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке, 11.03.2015 // РИСИ: [сайт]. URL: <https://riss.ru/analytics/11007/> (дата обращения: 10.01.2019).
3. Кузнецовский В. Д. Казус Ливии и проблема государственного суверенитета, 09.06.2011 // Международная жизнь: [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7704> (дата обращения: 10.01.2019).
4. Лузянин С. Г. «Один пояс, один путь»: Российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 27–36.
5. Лю Яньдун. Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция // Институт Конфуция. 2011. № 1 (4). С. 5–16.
6. Пахомова М. А. Форуму китайско-арабского сотрудничества 10 лет: краткий очерк истории и структуры // Общество и государство в Китае. 2014. № 14-1. С. 294–299.
7. Портяков В. Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 5–28.
8. Портяков В. Я. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. // Доклады ИДВ РАН – 2011. С. 124–153.
9. Calabrese J. China and the Arab Awakening: The Cost of Doing Business // China Report. 2013. Vol. 49 (iss.1), pp. 5–23.
10. Chaziza M. The Arab Spring: Implications For China Policy // Middle East Review of International Affairs. 2013. Vol. 17, no. 2. P. 73–83.
11. Fallows J. Arab Spring, Chinese Winter // The Atlantic. 2011. September iss. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/09/arab-spring-chinese-winter/308601/> (дата обращения: 10.01.2019)
12. Lind J., Daryl G. Press. Markets or Mercantilism? How China Secures Its Energy Supplies // International Security. 2018. Vol. 42, no. 4. P. 170–204.
13. Parelo-Plesner J., Pantucci R. China's Janus-Faced Response To The Arab Revolutions (ECFR34 Policy Memo). London: European Council on Foreign Relations, 2011. 10 p.
14. Wezeman S. T., Wezeman P. D. Trends in international arms transfers, 2014. SIPRI Fact Sheet. 2015. 8 p.

REFERENCES

1. Gel'bras V. G. [Geo-economic strategy of China]. In: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2016, no. 1, pp. 15–24.
2. Kokarev K. A. [On Chinese interests in the Middle East, 11.03.2015]. In: *Rossiiskii Institut Strategicheskikh Issledovaniy* [Russian Institute for Strategic Studies]. Available at: <https://riss.ru/analitics/11007/> (accessed: 10.01.2019).
3. Kuznechevskii V. D. [The case of Libya and the issue of state sovereignty, 09.06.2011]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/7704> (accessed: 10.01.2019).
4. Luzyanin S. G. ["One Belt, One Road": Russian projection and connectivity issues]. In: *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2017, no. 22, pp. 27–36.
5. [Liú Yándōng. Collaboration for the sustainable development of Confucius institutes: the keynote speech at the 5th Congress of Confucius Institutes]. In: *Institut Konfutsiya* [Confucius Institute], 2011, no. 1 (4), pp. 5–16.
6. Pakhomova M. A. [10 years since the establishment of the forum on China-Arab cooperation: a short outline of history and structure]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2014, no. 14-1, pp. 294–299.
7. Portyakov V. Ya. [The foreign policy precepts of Deng Xiaoping and their modern interpretation]. In: *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2012, no. 5, pp. 5–28.
8. Portyakov V. Ya. [On some features of China's foreign policy in 2009–2011]. In: *Doklady Instituta Dal'nego Vostoka RAN – 2011* [Reports of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences – 2011], pp. 124–153.
9. Calabrese J. China and the Arab Awakening: The Cost of Doing Business. In: *China Report*, 2013, vol. 49 (iss.1), pp. 5–23.
10. Chaziza M. The Arab Spring: Implications For China Policy. In: *Middle East Review of International Affairs*, 2013, vol. 17, no. 2, pp. 73–83.
11. Fallows J. Arab Spring, Chinese Winter. In: *The Atlantic*, 2011, September iss. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/09/arab-spring-chinese-winter/308601/> (accessed: 10.01.2019)
12. Lind J., Daryl G. Press. Markets or Mercantilism? How China Secures Its Energy Supplies. In: *International Security*, 2018, vol. 42, no. 4, pp. 170–204.
13. Parelo-Plesner J., Pantucci R. China's Janus-Faced Response To The Arab Revolutions (ECFR34 Policy Memo). London, European Council on Foreign Relations, 2011. 10 p.
14. Wezeman S. T., Wezeman P. D. Trends in international arms transfers, 2014. SIPRI Fact Sheet, 2015. 8 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронкова Дарья Олеговна – аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: aairon@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Darya O. Voronkova – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: aairon@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронкова Д. О. Корректировка внешнеполитического курса КНР в ходе событий «Арабской весны» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 103–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-103-113

FOR CITATION

Voronkova D. The Adjustment of China's Foreign Policy in the Context of Arab Spring. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 103–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-103-113

УДК 94(47).063

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-114-126

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ АЗОВА В 1736 г.: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Белоусов А. С.

Санкт-Петербургский государственный университет

*199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена Донской флотилии, соорудившейся в 1723–1724 и 1733–1735 гг., сыгравшей ключевую роль во время осады крепости Азов в 1736 г. Несмотря на достаточно обширную историографию русско-турецкой (русско-австро-османской) войны, данная проблематика изучена достаточно лапидарно и в отрыве от российского военно-исторического контекста. На базе российских и турецких источников автор реконструирует и анализирует ключевые этапы применения отечественного военно-морского флота против осажденного гарнизона и турецких кораблей, посланных на помощь крепости из Стамбула. Благодаря ранее не используемым в историографии источникам производится уточнение ряда фактов и выдвигается их новая трактовка. Проводится сравнительный анализ действий флота в ходе осады Азова в 1696 г. и 1736 г., позволяющий определить новые тенденции развития отечественного военного искусства в области применения военно-морского флота.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1735–1739 гг., Азов (крепость), военно-морской флот, военная история, военное искусство, Донская флотилия, прам.

THE NAVY DURING THE SIEGE OF AZOV IN 1736: A NEW STAGE OF DEVELOPMENT FOR RUSSIAN MILITARY ART

A. Belousov

St. Petersburg University

7–9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the actions of the Don Flotilla built in 1723–1724 and 1733–1735, which played a crucial role during the siege of Azov in 1736. Despite a rather extensive historiography of the Russian-Turkish (Austro-Russian-Turkish) war, this issue has been studied poorly and in isolation from the Russian military-historical context. Based on a large number of Russian and Turkish sources, the author reconstructs and analyzes key stages in the use of

the Russian navy against the Turkish garrison and ships, which were sent from Istanbul to help the fortress. Using sources that have not been previously considered in historiography, the author clarifies a number of facts and proposes their new interpretation. A comparative analysis of the actions of the navy during the siege of Azov in 1696 and 1736 is conducted, which allows new trends in the development of Russian military art of naval warfare to be determined.

Keywords: Russian-Turkish war, navy, military history, military art, Don Flotilla, Azov Fortress, Don Flotilla, pram.

Победный исход осады крепости Азов в 1736 г. является одним из главных достижений российской армии в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Будучи «воротами» в Азовское море, город обладал важным стратегическим потенциалом и играл ключевую роль в русско-турецких конфликтах. Отечественная и зарубежная историографии войны 1735–1739 гг. достаточно обширны, но в то же время уступают по богатству и разнообразию работам, посвящённым прочим военным конфликтам России с Османской империей во второй половине XVIII–XIX вв. В большинстве исследований осада Азова 1736 г. фигурирует исключительно как один из локальных этапов войны 1735–1739 гг. и не подвергается пристальному вниманию. Первое же обстоятельное описание осады выполнил Ф. Ф. Ласковский [8, с. 469–486], характеризовавший её достаточно непримечательной. Его дело продолжил А. К. Баиов [1, с. 207–230], проследивший основные этапы осады и в итоге согласившийся с мнением Ласковского. Отличительной чертой работы Баиова является включение в круг рассматриваемых вопросов военно-морского флота [1, с. 220, 222–223]. Также данная тема частично рассматривалась в отрыве от действий сухопутной армии в работе К. Головизнина [4].

Осада 1736 г. вновь стала рассматриваться только в новейших пу-

бликациях. Среди них следует отметить статьи Ю. Е. Манойленко [9], А. Юссона [20], С. А. Степаненко [15]. Основываясь на материалах Ф. Ф. Ласковского, А. К. Баиова, воспоминаниях Х. Г. Манштейна [10] и журнале П. П. Ласси, опубликованном в «Сборнике русского исторического общества» [7], современный исследователь описывает основные этапы применения прамов в ходе боевых действий войны 1735–1739 гг. Также данную тему затрагивал украинский историк Г. Г. Шпитальов в своей работе о Донской флотилии, в которой он отметил спасительную роль военно-морского флота во время осады из-за непродуманных действий Б. Х. Миниха в марте 1736 г. [18, с. 15–16]. Последней публикацией об осаде стала работа Г. А. Мещерякова [13]. Она демонстрирует неугасающий интерес историографии к этому сюжету русско-турецкой войны 1735–1739 гг. и подтверждает актуальность его изучения. Однако данная статья носит исключительно описательный характер и игнорирует всю предшествующую историографию. Данные исследования также демонстрируют, что осада рассматривается вне широкого контекста российской военной истории. В результате они приобретают локальный историографический характер.

Зарубежные авторы, вслед за отечественными, тоже обращали внимание

на осаду 1736 г. Следует, прежде всего, отметить турецкого историка Ф. Куртоглу [26]. В своей статье, опубликованной в 1935 г., он рассматривает участие османского военно-морского флота в войне против России и впервые вводит в научный оборот воспоминания турецкого моряка «Keyfiyet-i Rusya der Sal-i 1122», хранящиеся в собрании дворца Топкапы¹. Интерес к источнику возобновился относительно недавно. Современные турецкие исследователи И. Даниш [23] и О. Тюбенчокрак [27] провели более глубокий анализ рукописи и опубликовали её текст на латинице и в виде репринта. Тем не менее этот ценнейший источник по русско-турецкой войне 1735–1739 гг. не попадал в поле зрения отечественной историографии.

Отличительной особенностью российских и иностранных работ по русско-турецкой войне и осаде Азова в 1736 г. является игнорирование большинством исследователей источников и литературы друг друга. Авторы остаются только в своем источниковедческом и историографическом поле. Настоящее исследование предпринимает попытку заполнить данный вакуум, дать новую трактовку и уточнить уже ранее затронутые историографией проблемы. Также необходимо провести параллель между действиями флота в ходе осады Азова в 1696 г. и 1736 г. Это позволит определить основные тенденции развития отечественного военного искусства.

В разработке тактики применения военно-морского флота в ходе обших осад участвовал лично Петр I, поскольку именно он сформулировал судостроительные программы как для

Азовского флота, так и для Донской флотилии. Действия второй в сравнительном анализе особенно интересны в связи с тем, что демонстрируют отношение верховной власти и высшего военного командования к использованию судов во время боевых действий, и жизнеспособность петровской гибридной военной системы. Созданная во время тяжелой Великой Северной войны, данная система из ряда учреждений для снабжения, финансирования и управления армией положила начало росту военной силы России в начале XVIII столетия. Обладающая как «западными», так и «российскими» особенностями, она блестяще адаптировалась к реалиям войны в Восточной, Центральной и Южной Европе [25, р. 531]. Именно послепетровская эпоха демонстрирует её институциональную зрелость и эволюцию в связи с отсутствием главного демиурга.

Рассмотрение поставленной проблемы следует начать с реконструкции действий флота в 1736 г., как гораздо менее изученного явления, чем Азовские походы Петра I. Сохранилось интересное описание крепости, составленное османским чиновником из Хотина. Оно позволяет понять, что собой представлял Азов во второй четверти XVIII в. Согласно ему, город состоял из трех цитаделей (Таш-Кале, Орта-Кале, Топрак-Кале), каждая из которых были похожи на «старый дворец в Стамбуле», т.е., с высокой долей вероятности, на дворцовый комплекс Топкапы. В первой из них проживал янычарский ага и находилась мечеть, а во второй – азовский бей. Цитадели были связаны небольшими воротами и имели в общей сумме девять башен. Стены крепости представляли собой

¹ Топкапи Сарай Kütüphanesi. Н. 1627.

простые земляные валы с защитным рвом [16, с. 151]. Различные европейские печатные карты, выпущенные уже после осады 1736 г., схематично демонстрируют структуру крепости¹. Город не мог существовать без поддержки извне как в мирное, так и военное время. Гарнизон имел ограниченное количество ресурсов, что ставило его в полную зависимость от внешних поставок [22, р. 511, 514].

Стены крепости на начало осады защищало 211 пушек и 15 мортир, из которых к концу июня 67 пришли в негодность. Согласно российским источникам гарнизон крепости к началу осады состоял из 5 890 чел., из которых к концу осталось 3 463 чел. Мирное население к этому моменту насчитывало 2 296 жителей [6, с. 39]. Турецкая историография указывает, что гарнизон крепости не был полностью укомплектован в связи с тем, что основная часть османских сил находилась в Очакове во главе с губернатором Хатибзаде Яхья-паши, зятем бывшего великого визиря Хекимоглу Али-паши. В то же время существовали трудности в оперативной отправке вспомогательных сил на помощь крепости [23, s. 20–21].

Главнокомандующий русскими войсками граф Миних 9 марта 1736 г. созывает совещание в крепости Св. Анны, где совместно с генералом В. Я. Левашовым, контр-адмиралом П. П. Бредалем и другими военачальниками принимает решение о немедленном начале осады, несмотря на отсутствие артиллерии и флота на месте.

¹ Département Cartes et plans. Bibliothèque nationale de France. GE D-17891; Отдел картографии. Российская национальная библиотека. К1-План 1/38.

13 марта русская армия направилась в сторону Азова в составе 5050 регулярных и 3200 нерегулярных войск [1, с. 210–211]. Иностранные наблюдатели осудили главнокомандующего за столь поспешные действия и обвиняли его в пустых надеждах на взятие твердыни с первого приступа, что без использования флота было невозможно [17, с. 44]. Историография также негативно оценивает поспешные действия генерал-фельдмаршала, строя свои гипотезы на том же тезисе об отсутствии флота и воспоминаниях современников, не знающих в подробностях планы российского командования. Следует дать иную трактовку первым шагам Миниха в русско-турецкой войне 1735–1739 гг.

Генерал-фельдмаршал лично объяснял свои действия желанием выполнить ряд задач до своего отъезда к основной армии. К ним относилось сосредоточение войск под Азовом, захват каланчей в устье реки, прикрытие ретраншементами пристаней, проектирование контрвалационной и циркумвалационной линий. В то же время он преследовал цель разделить османскую армию на две части с помощью одновременного нападения на Азов и Крым [3, с. 49–52, 66–67, 71–72]. Параллельно с этим, как представляется, главнокомандующий, помимо тактических, преследовал и свои личные цели. По мнению Д. Ф. Масловского, графу в ходе военных кампаний были важны новости и слухи о его победах, которых он достигал путем небольших стычек, пренебрегая инженерным и военным искусствами [11, с. 202].

Авторитет немца в глазах общественности и самой императрицы сильно упал после осады Данцига в

1734 г. Город капитулировал, но долгая осада сопровождалась большими потерями среди русской армии, а французскому ставленнику Станиславу Лещинскому удалось скрыться. Всю вину возложили именно на Миниха. По свидетельствам Х. Г. Манштейна, враги графа при дворе не упускали возможности очернить его в глазах императрицы [10, с. 60]. Будучи одним из первых сановников империи, он не желал уступать другим в придворной борьбе и постоянно стремился повысить свой авторитет всеми возможными способами. Личное участие в начале осады Азова, составление инструкций последующих действий в ходе неё [3, с. 92; 8, с. 804–811], Крымский поход и постоянная переписка с императрицей о ходе боевых действий должны были сыграть в этом свою роль.

Нападение на Азов, входивший в состав эялета Кафа, стало неожиданностью для Османской империи. Действия российских войск вынудили турецкое руководство начать экстренную подготовку военно-морских сил для отправки десанта на помощь осажденной крепости. В то же время оно приняло решение о постепенных перебросках к очагам военных действий частей, участвовавших ранее в турецко-персидской войне 1730–1736 гг.

Первая османская военно-морская экспедиция состояла из 141 корабля: фрегата капудан-паши, девяти 18-баночных, двадцати пяти 16-баночных галер, трех 15-баночных, тридцати 14-баночных галер, семидесяти трех 12-баночных кончебасов [23, с. 57]. Определить внешний вид данных кораблей представляется возможным благодаря сохранившимся гравюрам из воспоминаний турецкого моряка,

относящимся к более поздним событиям войны 1736–1739 гг., но демонстрирующим османский флот этого периода¹. Во главе экспедиции встал капудан-паша Каним Хока Мехмед Паша [21, с. 27–53]. Совокупная команда всех судов насчитывала 7 057 чел.

Основной базой для турецкого флота стала столица эялета и порт на Черном море Кафа [23, с. 57]. Город был резиденцией местного турецкого бейлербея и являлся, по мнению современников, украшением всего полуострова [16, с. 148.]. В то же время Кафа обладала удобным расположением относительно Крыма, Азовского и Черного морей, что позволяло в короткий срок отправить корабли в нужную дислокацию.

Первые суда Донской флотилии начали прибывать к Азову в начале мая 1736 г. Согласно инструкции Миниха генерал-лейтенанту Левашеву, флоту уделялась вспомогательная роль в виде доставки артиллерии, защиты устья р. Дон от неприятельского флота и содействию в обороне редутов [8, с. 805, 807, 809]. Корабельный состав Донской флотилии на момент осады насчитывал 9 больших и 6 малых прамов, 15 старых и 20 новых полугалер со скампавеями. Также в её состав входили кайки и ластовые суда. Основную боевую мощь представляли прамы, являвшиеся авторским проектом корабельного мастера Ф. М. Склеяева, и галеры, сооруженные по «венецианскому маниру» Ф. Дипонтием и А. И. Алатчениновым [2, с. 136–138]. Старый галерный состав насчитывал восемь 18-баночных полугалер и семь 16-баночных скампавей [12, с. 6–7], а новый три 22-баночные, тринад-

¹ Topkapı Sarayı Kütüphanesi. H. 1627. V. 71–73.

цать 20-баночных полугалер и четыре 16-баночные скампавей¹. На кораблях Донской флотилии числилось 2 215 морских служителей, однако часть людей находились в крепости Святой Анны вследствие болезни, и по факту число здоровых составляло 1 927 чел.² Основной офицерский состав был командирован из Балтийского флота и в дальнейшем пополнялся оттуда же при необходимости [20, с. 22]. Это свидетельствует о том, что руководство флотилии обладало необходимым опытом серьезных морских операций.

По прибытии к осажденному городу в начале мая 1736 г. П. П. Бредаль начал с осмотра устья р. Дон с целью нахождения удобных артиллерийских позиций. Осознавая уязвимость азовской крепости со стороны реки, турки соорудили батареи, затруднявшие его поиски³. В это время к Азову постепенно начали прибывать остальные суда флотилии. Еще в начале марта прам «Дикий бык» перевез артиллерийские припасы в крепость Святой Анны⁴, а в начале мая остальные корабли начали транспортировку самой артиллерии и необходимых для осады материалов из Таврова и Павловска к лагерю под Азовом⁵. Основная часть орудий была доставлена прамами «Разгневанный», «Северный медведь», «Страшный», прибывшими в конце мая [6, с. 17].

Выполнив первую поставленную задачу, флотилия приступила ко второй, заключавшейся в пресечении любой связи осажденной крепости с морем. Основу прибрежной блокады

составили два редута. 21 мая 1736 г. П. П. Ласси приказал 6 малым прамам во главе с лейтенантом Г. И. Костомазовым встать на фарватере р. Дон [12, с. 73]. За выполнение поставленной задачи, как вероятно и другие офицеры, он был позднее отмечен высочайшим благоволением в виде серебряного кубка с золочением⁶. В РГА ВМФ в фонде походной канцелярии П. П. Бредалья удалось обнаружить ранее неизвестный план, показывающий схему расположения указанных прамов. Исходя из приказа генерал-фельдмаршала, его можно датировать концом мая. Согласно плану, корабли заняли позицию до редутов, чьи орудия были направлены в сторону р. Дон. Четыре малых прам расположились параллельно берегу по обеим сторонам реки на расстоянии 20–30 саженой (~36–55 м) друг от друга, два судна встали в центре фарватера перпендикулярно суше⁷.

Позднее в начале июня на защиту устья р. Дон были направлены большие прамы: «Разгневанный» закрыл устье р. Котюрма; «Северный медведь» встал напротив удобных проходов р. Каланчи и р. Котюрмы; «Страшный» расположился у Петровского острова; «Сердитый» заблокировал мелководье⁸. 8 июня к ним присоединился еще один прам [7, с. 248]. Следует отметить, что количество служителей на прамах не позволяло полностью отразить предполагаемую вражескую атаку. На это указывает рапорт с прамы «Разгневанный», в котором упоминается данная проблема⁹. Вероятнее всего, ко-

¹ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 17. Л. 95-96.

² РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1736. Д. 2. Л. 22.

³ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1736. Д. 2. Л. 33.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 18. Л. 111.

⁶ Фонд драгоценных металлов. ГМЗ «Петергоф». ПДМП-727.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 18. Л. 218.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1736. Д. 2. Л. 36.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 18. Л. 126.

рабли должны были именно внушать иллюзию защищённости устья реки и дать отпор только в случае крайней необходимости. Этот факт подтверждает и то, что часть орудий прамов пришла в негодность в связи со слишком высокой интенсивностью обстрела Азова в первых числах июня.

Сооружение редутов и установление морской блокады были своевременными решениями, поскольку в мае 1736 г. турецкий флот во главе с капудан-пашой прибыл в Кафу с целью немедленно отправиться на помощь осажденным¹. Согласно распространённому мнению в историографии, турецкий флот не смог оказать поддержку осажденной крепости по причине мелководья устья р. Дон и наличия в нем судов Донской флотилии [15, с. 104]. Данная гипотеза базируется на воспоминаниях Х. Г. Манштейна, в которых он указывает на эти обстоятельства [10, с. 83].

Однако истинная причина отступления османских судов заключалась в том, что капудан-паша получил новость о капитуляции Перекопа, сдавшегося Миниху 21 мая. Вторжение русской армии в Крым вынудило османское руководство переключить своё внимание с Азова на полуостров. В этой связи султан Махмуд I приказывает военно-морскому флоту, в составе которого находился десантный корпус, оказать помощь татарам². Помощь у турок запросил лично крымский хан, которому требовалось около 6–7 тыс. солдат [24, р. 50].

План Миниха по разделению сил противника удался и позволил усилить давление на осажденную кре-

пость. С прибытием оставшихся судов Донской флотилии Ласси решает 31 мая начать массированные обстрелы Азова со стороны реки. С 1 по 18 июня 1736 г. большие 46-пушечные прама Донской флотилии совершили 5 выходов в сторону Азова (см. табл.). Первый обстрел стал самым сильным. Важно отметить, что в его ходе русские суда получили большой ущерб от собственной и вражеской стрельбы. В этой связи П. П. Бредаль приказал прамам возвращаться на свою стоянку и позже больше не использовал их на данной позиции³. Установить точно степень интенсивности первого обстрела представляется невозможным в связи с отсутствием данных о продолжительности обстрела Азова прамами «Разгневанный» и «Северный медведь» по прибытии на место. Прам «Страшный» отстал от них при переходе на позицию и по причине наступившей темноты огонь не вел [7, с. 234]. Возможно, интенсивность составляла около 272 ядер в час, в случае если оба прама обстреливали крепость вечером 1 июня максимум около трех часов в связи с наступлением ночи.

Обстрел крепости судами Донской флотилии, координация их действий с армией на суше привели к капитуляции турецкого гарнизона. Крепость была взята в значительной мере именно благодаря прамам. Об этом свидетельствуют турецкие дезертиры, сообщавшие русскому командованию, что пальбой с кораблей флотилии городу наносится огромный вред [12, с. 74–75]. Глава города Мустафа Ага был вынужден подчиниться всем выставленным условиям Ласси и 20 июня капитулировал. В ходе осады турецкий

¹ Topkapı Sarayı Kütüphanesi. H. 1627. V. 35.

² Topkapı Sarayı Kütüphanesi. H. 1627. V. 35.

³ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1736. Д. 2. Л. 31–36.

Таблица

**Артиллерийский обстрел крепости Азов 46-пушечными прамами
с 1 по 18 июня 1736 г.¹**

№	Прамы	Дата	Время	Действие	Выстрелов	Интенсивность (выст./час)
1	1. «Разгневанный» 2. «Северный медведь» 3. «Страшный»	1.06.1736	15:00	Отправление	2 180	~272 (?)
			20:00	Прибытие на позицию		
			20:00 – 23:00(?)	Обстрел (прамы № 1, 2)		
		2.06.1736	3:00-9:00	Обстрел		
			18:00	Возвращение на стоянку		
2	1. «Близко не подходи» 2. «Дикий бык»	9.06.1736	3:00	Отправление	1 188	~70
			8:00–20:00	Обстрел		
			20:00–5:00	Ночевка на месте		
		10.06.1736	5:00–10:00	Обстрел		
			15:00	Возвращение на стоянку		
3	1. «Небоязливый» 2. «Дикий бык»	12.06.1736	12:00	Отправление	1 522	~63
			13:00	Прибытие на позицию		
			15:00–22:00	Обстрел		
			22:00–5:00	Ночевка на месте		
		13.06.1736	5:00–22:00	Обстрел		
			23:00	Отправление на стоянку		
4	1. «Спесивый лев» 2. «Гром и молния»	14.06.1736	4:00–21:00	Обстрел	1 605	~94
			21:00	Отправление на стоянку		
5	1. «Близко не подходи» 2. «Дикий бык»	17.06.1736	5:00	Отправление	2 110	~132
			9:00–22:00	Обстрел		
			23:00	Отправление на стоянку		
		18.06.1736	00:00	Возвращение на позицию		
			00:00–3:00	Обстрел		
			3:00	Отправление на стоянку		

гарнизон потерял примерно 1 528 чел. Потери мирного населения составили около 1 200 чел. Таким образом, из Азова вышло 5 696 чел. [6, с. 37–40].

Исследователи приводят разные данные по количеству убитых и ране-

¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1736. Д. 2. Л. 31–36

ных в экипажах Донской флотилии. Большинство авторов базируются на выписках, опубликованных в «Материалах для истории русского флота» [12, с. 75]. Однако в качестве наиболее достоверного источника следует принять «Реестр умершим и убитым при

баталии под Азовом», приложенный к рапорту П. П. Бредаля в Адмиралтейств-коллегию от 7 июля 1736 г., составленный на основе поданных ему рапортов командиров кораблей. Согласно данному реестру, потери флотилии составили 155 чел. Из них от турецкого оружия погибло 22 чел., остальные умерли позже от ранений или болезней¹. Сохранились сведения, что перед началом боевых действий не удалось должным образом подготовить медикаменты и на судах началась эпидемия. Также было обнаружено, что большая часть провианта на судах флотилии непригодна к употреблению².

Победа российских войск под Азовом вызвала беспокойство у турецкого командования. После получения информации о сдаче крепости капудан-паша направил из Кафы в Ени-Кале эскадру [23, с. 59]. Причина немедленной отправки турецких кораблей в Керченский пролив была связана с памятью о Керченском походе 1699 г., когда молодой Азовский флот неожиданно для турок совершил переход из Таганрога к Керчи и бросил якорь возле турецких кораблей [5, с. 132–133]. Вероятнее всего, капудан-паша опасался повторения подобной ситуации в силу незнания корабельного состава Донской флотилии и дальнейших планов российского командования.

Характеризовать действия Донской флотилии под руководством П. П. Бредаля во время осады следует как успешные. Она, несмотря на различные трудности, выполнила поставленные перед ней Минихом и Ласси задачи. Необходимо отметить и роль Ласси. Он как руководитель осады

смог правильно распределить силы армии и флота на нужных направлениях, ликвидировав возможную неразбериху. В ходе осады 1736 г. прамы сыграли ключевую роль и являлись основной боевой силой Донской флотилии. Именно это является отличительной чертой данной осады от Азовского похода 1696 г. и позволяет увидеть эволюцию российской военной мысли.

В 1696 г. план использования военно-морского флота во время осады заключался в том, что 23 галеры во главе с Петром I прорвались в Азовское море через судоходные реки устья р. Дон для противодействия турецкому флоту и установили морскую блокаду Азова. Сухопутная армия в это же время осуществляла постоянный натиск на крепость. Умелая координация действий армии и флота в итоге привела к капитуляции турецкого гарнизона [5, с. 41–46]. В этой связи следует отметить, что состав первой судостроительной программы Азовского флота был продиктован именно данной тактикой боевых действий. Его ядром должны были стать галеры. Это подтверждает письмо Петра I губернатору Архангельска Ф. М. Апраксину: *«По возвращению от невзятия Азова с консилии господ генералов указано мне к будущей войне делать галеи <...>»* [14, с. 53]. Подобный корабельный состав позволял молодому русскому флоту как вести бой с противником в открытом море, так и пресечь любые связи осажденных с внешним миром.

Спустя 28 лет Петр I принимает новую судостроительную программу уже Донской флотилии. Отказавшись от строительства линейных кораблей в пользу прамов и дополнив их «венецианскими» галерами, обладаю-

¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1736. Д. 2. Л. 58–69.

² РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 18. Л. 69, 71–72, 74.

щими превосходными мореходными качествами в сравнении с другими, Петр I решал несколько задач. «Плавучие батареи» позволяли вести массированный артиллерийский обстрел крепости и защитить устье р. Дон от неприятельского флота как во время осады, так и после. Это подтверждается мнением П. П. Бределя о важности прамов для обороны города от турецкого флота, высказанным в 1738 г. в ходе обсуждения с Адмиралтейств-коллегией состава новой судостроительной программы [12, с. 199, 238].

Галеры, в свою очередь, давали возможность продолжить натиск на неприятеля уже в море и в дальнейшем содействовать армии в сухопутных операциях, как это происходило во время Великой Северной войны. Флот использовали не только для грузоперевозок или средство войны на море, но и как важный элемент противостояния на суше. Петровская стратегия и тактика «гибкого» применения военно-морского флота фактически

были восприняты и реализованы, хоть и частично, преемниками Петра I в лице Миниха, Ласси и Бределя. Однако множество проблем, преследовавших Донскую флотилию, не позволили полностью воплотить петровский замысел. В то же время осада 1736 г. продемонстрировала зрелость российских вооруженных сил в отсутствие своего создателя и показала серьезные институциональные проблемы в этот период. Таким образом, осада Азова в 1736 г. демонстрирует не только эволюцию петровской тактики применения военно-морского флота в ходе осад прибрежных крепостей, но и развитие отечественного военного искусства. В этой связи следует отвергнуть тезисы Ф. Ф. Ласковского, А. К. Баиова и других авторов о незначительной ценности данного события для российской военной истории, поскольку ими не учитывалась эволюция тактического применения военно-морского флота.

Статья поступила в редакцию 01.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Баиов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война с Турцией в 1736–1739 гг. СПб.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1906. Т. 1. 828 с.; Т. 2. 398 с.
2. Белоусов А. С. Первая судостроительная программа Донской флотилии // Клио. 2018. № 11. С. 134–141.
3. Всеподданнейшие донесения графа Миниха // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 10. СПб.: Военная типография, 1897. 330 с.
4. Головизнин К. Русский флот на Черном море // Морской сборник. 1885. № 10. С. 63–94.
5. Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб.: Тип. Комиссионера Императорской Академии художеств Гогенфельдена и Ко, 1864. 412 с.
6. Журнал о воинских действиях против турок и татар // Санкт-Петербургские ведомости. 1736. № 53. С. 17–40.
7. Журнал фельдмаршала Ласси о воинских операциях с 1733 по 1737 год // Сборник военно-исторических материалов. Вып. III. СПб.: Военная типография, 1893. С. 58–301.
8. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. СПб.: Императорская Академия Наук, 1865. 1022 с.
9. Манойленко Ю. Е. Русская артиллерия в Азовских походах Петра I и осаде Азова в 1736 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 56–61.

10. Манштейн Х. Г. Записки о России // Перевороты и войны. Христофор Манштейн, Бурхард Миних, Эрнст Миних, Известный автор. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 9–272.
11. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1891. 476 с.
12. Материалы для истории русского флота. Ч. VI. СПб.: Тип. Морского министерства, 1877. 771 с.
13. Мещеряков Г. А. Определяющая роль Донской военной флотилии при взятии Азова в 1736 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 102–107.
14. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1887. 998 с.
15. Степаненко С. А. Прамы российских южных военных флотилий XVIII в. (история создания и боевого применения «плавающих ящиков») // International Naval Journal. 2017. № 1. С. 4–48.
16. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. Т. 1. М. Институт Востоковедения. 1964. С. 131–161.
17. Хавен П. Путешествие в Россию. СПб.: Всемирное слово, 2007. 528 с.
18. Шпитальов Г. Г. Донська військова флотилія в російсько-турецькій війні 1735–1739 рр. // Чорноморська Минувшина. 2012. Вип. 7. С. 12–37.
19. Юссон А. Участие войска Донского в блокаде Азова в 1736 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2015. Вып. 4. С. 646–653.
20. «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша. Часть вторая. 1726–1740 // Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 3. Л.: Министерство культуры РСФСР, 1955. С. 7–37.
21. Aydin M. Kaptan-I Derya Canim Hoca Mehmed Paşa // Bahar. 2016. № 77. S. 27–53.
22. Boeck B.J. When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695 – 1711) // The Journal of Modern History. 2008. Vol. 80. № 3. P. 485–514.
23. Daniş I. 1736–1739 Savaşlarında Karadeniz’de Osmanlı Donanması. Yüksek Lisans Tezi. İstanbul, 2007. 155 s.
24. De Keralio L.-F. G. Histoire de la guerre des Russes et des impériaux, contre les turcs en 1736, 1737, 1738 et 1739 et de la paix de Belgrade qui la termina. T. 1. Paris: Debure, 1780. 305 p.
25. Fuller W. C. The imperial army // The Cambridge history of Russia. Imperial Russia, 1689–1917. Vol. II. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2006. P. 530–553.
26. Kurtoplu F. 1736–1737 Seferine Эютрак Eden Bir Търк Denizcisinin Hatıraları // Deniz mecmuası. 1935. № 335. S. 5–42.
27. Tübençokrak Ö. Keyfiyet-I rusiyye’nin Transkripsiyon Ve Tahlili (H. 1206 / M. 1791–1792). Yüksek Lisans Tezi. Eskişehir, 2007. 164 s.

REFERENCES

1. Baiov A. K. *Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Voina s Turtsiei v 1736–1739 gg.* [The Russian army in the reign of Empress Anna Ioannovna. The war with Turkey (1736–1739)]. St. Peterburg, Electro typography N. Stanovoy Publ., 1906, vol. 1, 828 p.; vol. 2, 398 p.
2. Belousov A. S. [The first shipbuilding program of the Don Flotilla]. In: *Klio*, 2018, no. 11, pp. 134–141.

3. [The reports of count Munnich]. In: *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov*, iss. 10. Saint Peterburg, Voennaia tip. Publ., 1897. 330 p.
4. Goloviznin K. [Russian fleet on the Black sea]. In: *Morskoi sbornik*, 1885, no. 10, pp. 63–94.
5. Elagin S. I. *Istoriya russkogo flota. Period Azovskii*. [The history of the Russian Navy. Azov period]. Saint Petersburg, Tip. Commission of the Imperial Academy of arts Publ., 1864. 412 p.
6. [The journal of military operations against the Turks and Tatars]. In: *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1736, no. 53, pp. 17–40.
7. [The journal of Field Marshal Lassi on military operations from 1733 to 1737]. In: *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov*, no. III. Saint Petersburg, Voennaia tip. Publ., 1893, pp. 58–301.
8. Laskovskii F. F. *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. 3* [Materials for the history of Russian engineering. Part 3]. St. Peterburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk Publ., 1865. 1022 p.
9. Manoilenko Yu. E. [Russian artillery in the Azov campaigns of Peter the Great and the siege of Azov in 1736]. In: *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2011, no. 11, pp. 56–61.
10. Manshtein KH. G. [Notes on Russia]. In: *Perevoroty i voiny. Khristofor Manshtein, Burkhard Minikh, Ernst Minikh, Neizvestnyi avtor* [Coups and wars. Christoph Manstein, Burkhard Münnich, Ernst Münnich, author unknown]. Moscow, Fond Sergeya Dubova Publ., 1997. pp. 9–272.
11. Maslovskii D. F. *Zapiski po istorii voennogo iskusstva v Rossii* [Notes on the history of military art in Russia. Iss. 1]. St. Peterburg, tip. V. Bezobrazova i K^o, 1891. 476 c.
12. *Materialy dlya istorii russkogo flota. Ch. VI*. [Materials for the history of the Russian fleet. Part VI]. Saint Peterburg, typ. The naval Ministry Publ., 1877. 771 p.
13. Meshcheryakov G. A. [The defining role of the Don Flotilla in the seizure of Azov in 1736]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2018, no. 7 (176), pp. 102–107.
14. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 1* [Letters and papers of the Emperor Peter the Great. Vol. 1]. Saint Peterburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1887. 998 p.
15. Stepanenko S. A. [The prams of the Russian southern fleet of the 18th century (history of creation and combat use of “floating boxes”)]. In: *International Naval Journal*, 2017, no. 1, pp. 4–48.
16. [A Turkish source of 1740 on Wallachia, Moldova and Ukraine]. In: *Vostochnye istochniki po istorii narodov yugo-vostochnoi i tsentral'noi Evropy. T. 1* [Oriental sources on the history of the peoples of South-Eastern and Central Europe. Vol. 1]. Moscow, Institute Of Oriental Studies Publ., 1964, pp. 131–161.
17. Haven P. *Puteshestvie v Rossiyu* [A journey to Russia]. St. Peterburg, Vsemirnoe slovo Publ., 2007. 528 p.
18. Shpital'ov G. G. [Don Military Flotilla in the Russian-Turkish war of 1735-1739]. In: *Chernomor'ska Minuvshina* [Past of the Black Sea], 2012, iss. 7, pp. 12–37.
19. Yusson A. [Part of the Don army in the siege of Azov in 1736]. In: *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya* [Russia: middle Ages and Modern times], 2015, no. 4, pp. 646–653.
20. [The journal of Vice-Admiral J. S. Barsh. Part two. 1726–1740]. In: *Sbornik Gosudarstvennoi Publichnoi biblioteki im. M. E. Saltykova-Shchedrina*, no. 3. Leningrad, Ministerstvo kultury RSFSR Publ., 1955, pp. 7–37.
21. Aydin M. [Captain-I Derya Canim Hoca Mehmed Pasha]. In: *Bahar* [Spring], 2016, no. 77, pp. 27–53.
22. Boeck B.J. When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695–1711). In: *The Journal of Modern History*, 2008, vol. 80, no. 3, pp. 485–514.

23. Daniş I. 1736–1739 *Savaşlarında Karadeniz’de Osmanlı Donanması. Yüksek Lisans Tezi* [Ottoman Navy In The Black Sea in 1736–1739 Wars. Master’s Thesis]. İstanbul, 2007. 155 p.
24. De Keralio L.-F. G. *Histoire de la guerre des Russes et des imperiaux, contre les turcs en 1736, 1737, 1738 et 1739 et de la paix de Belgrade qui la termina* [History of the war of the Russians and imperials, against the Turks in 1736, 1737, 1738 and 1739 and the peace of Belgrade which ended it]. Vol. 1, Paris, Debure, 1780. 305 p.
25. Fuller W. C. The imperial army. In: *The Cambridge history of Russia. Imperial Russia, 1689–1917. Vol. II.* Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 530–553.
26. Kurtoğlu F. [1736–1737 Commemorations of a Turkish Sailor participating in the expedition]. In: *Deniz mecmuası* [Marine Corps], 1935, no. 335, pp. 5–42.
27. Tübençokrak Ö. *Keyfiyet-I rusiyye’nin Transkripsiyon Ve Tahlili (H. 1206 / M. 1791–1792). Yüksek Lisans Tezi* [Transcription and Analysis of the Key Words (H. 1206 / M. 1791 rus1792). Master Thesis], Eskişehir, 2007. 164 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белусов Александр Сергеевич – аспирант кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: belousov1504@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr S. Belousov – post-graduated student at the Department of Russian history from ancient times to the twentieth century of the Institute of History, St. Petersburg State University; e-mail: belousov1504@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Белусов А. С. Военно-морской флот во время осады Азова в 1736 г.: новый этап развития отечественного военного искусства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 114–126. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-114-126

FOR CITATION

Belousov A. The Navy During the Siege of Azov in 1736: a New Stage of Development for Russian Military Art. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 114–126.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-114-126

УДК 336.1.07

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-127-133

РЕВИЗИИ БАКИНСКОЙ ТАМОЖНИ И «ПЛАН ФИНАНСОВ» М. М. СПЕРАНСКОГО

Павлина Т. В.*Российский новый университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 22, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является выявление информационного потенциала материалов ревизий таможенных учреждений, игравших в XIX в. значимую роль в пополнении бюджета России. Автором на основе применения общенаучных и специфических методов познания экономической истории проанализированы не исследованные ранее материалы ревизий Бакинской таможни 1810–1812 гг. в контексте осуществляемых в эти годы мероприятий «плана финансов» М. М. Сперанского. С учетом итогов ревизии и доходности таможни для государства оценена эффективность первых мероприятий правительства по созданию российской таможенной системы в Прикаспийском регионе Закавказья в начале XIX в. Статья адресована исследователям проблем истории экономики и управления России.

Ключевые слова: таможенные учреждения, Российская империя, г. Баку, финансовый контроль, «план финансов» М. М. Сперанского.

AUDITS OF BAKU CUSTOMS OFFICES AND THE “FINANCIAL PLAN” OF M. M. SPERANSKY

T. Pavlina*Russian New University**22 ul. Radio, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is aimed at analyzing materials on auditing customs offices, which played a significant role in replenishing the budget of Russia in the 19th century. Using general scientific and specific methods for studying the economic history of that period, the author analyzes materials on auditing the Baku customs (1810–1812) that have not been previously investigated. These materials are studied in the context M. M. Speransky "Financial Plan" that was being implemented at that time. Taking into account the results of audits and the profitability of customs for the state, the author estimates the efficiency of measures having been undertaken by the government to establish the Russian customs system in the Caspian region of Transcaucasia at the beginning of the 19th century. The article can present interest to researchers studying the history of economy and Russian administration.

Keywords: customs office, Russian Empire, Baku, financial control, "Financial Plan" of M. M. Speransky.

Ревизия являлась обязательной частью порядка производства дел в российских министерствах, необходимой «для удостоверения в исправном течении» их, в том числе в соблюдении баланса доходов и расходов. Последнее было особенно важным для ведомств, «кои имеют в ... управлении своем знатныя суммы» [6, № 24.686]. В этой связи материалы ревизий таможенных учреждений, доходы от которых обеспечивали в XIX в. третью по значению статью российского бюджета [7, с. 67], заслуживают особого внимания, тем более, что специальные труды, посвященные данному источнику, в российской историографии на сегодня отсутствуют.

В нашей работе мы попытаемся отчасти восполнить этот пробел на материалах ревизий Бакинской таможни, относящихся к 1810–1812 гг. и ранее не исследованных¹. Анализ их позволит определить доходность названной таможни для государства в указанные годы и оценить на ее примере эффективность первых мероприятий правительства по созданию российской таможенной системы в Прикаспийском регионе Закавказья в начале XIX в. Рассмотрение материалов ревизий в контексте мероприятий «плана финансов» М. М. Сперанского, осуществляемых в эти годы, поможет выявить особенности его практической реализации в таможенных учреждениях и дополнить имеющиеся представления о становлении системы государственного финансового контроля в России на одном из ключевых этапов ее развития [2, с. 11–13].

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 28; Ф. 19. Оп. 3. Д. 149.

Разработка плана происходила в обстановке глубокого финансового кризиса. «125 мил. дохода, 230 мил. расхода, 577 мил. долга, ни малейшаго запаснаго фонда и ни одного готоваго источника дохода!», – писал о бюджете России на 1810 г. «Русский Архив» [1, с. 93]. Бремя военных расходов, бесконтрольные выпуски ассигнаций для их покрытия, стремительное их обесценивание усугубляли дефицит бюджета, влекли рост цен и недоимок. Министерство финансов, учрежденное в 1802 г., не способно было управлять данной ситуацией. Разработанный М. М. Сперанским по поручению Александра I «план финансов» предусматривал два этапа выхода из кризиса.

Первый содержал экстренные меры по стабилизации государственного бюджета в 1810 г.: увеличение доходов за счет повышения налогов и сокращение расходов путем усиления контроля над ними и упорядочения денежной системы. Так, расходы планировалось уменьшить до 20 млн. руб. за счет отмены «разных построений и... работ», а также «пересмотра» их в течение года. Выдача казенных средств и их «сверштатное назначение» допускались только по согласию министра финансов [6, № 24.116]. Главной денежной единицей для банковских и торговых операций был определен серебряный рубль. В качестве разменных денег допускались монеты меньшего достоинства и медные. Обращение ассигнаций в государстве было ограничено суммой 577 млн. руб. [6, № 24.197; № 24.264].

Реализация данных мер в таможенных учреждениях была возложена на Коммерц-коллегию, состоявшую с 1802 г. в ведении Министерства коммерции. Известно, что только в марте

1810 г. ею были изданы и направлены в Бакинскую таможню три указа по вопросу «пересмотра» расходов¹. В частности, указом от 28 марта 1810 г. № 2638 у таможни были запрошены объяснения, «на каких узаконениях или предписаниях» были произведены ею в 1809 г. выдачи средств «на перестройку... нанетаго под таможню караван-сарая... и на построение моста».²

Как показывают объяснения, направленные рапортом от 23 мая 1810 г., расходы были произведены в рамках подготовки таможни к официальному открытию в августе 1809 г. Перестройка арендованного караван-сарая потребовалась для размещения «присудствия и канцелярии», комнат для «квартирования» служащих Бакинской таможни. Мост (точнее, пристань) вблизи таможни был построен для причаливания торговых судов во время волнений на море. При этом первый расход был оплачен откупщиком Б. Тарумовым, добровольно пожертвовавшим на эти цели 600 руб. медью. Второй, на сумму 89 руб. 65 к., – серебром из таможенных сборов. Оба были зафиксированы в особой книге и журнале³. По результатам слушания рапорта в Коммерц-коллегии книга о «записке вышеизъясненных денег» была передана для проверки в Счетную экспедицию Коммерц-коллегии, а «засвидетельствованная копия» с журнала затребована у таможни «для надлежащего сличения при ревизии таможенных счетов»⁴. К результатам ее мы вернемся позже.

¹ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 149. Л. 17–26 об.

² РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 149. Л. 17.

³ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 149. Л. 17 об. – 19 об.

⁴ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 149. Л. 23 об, 26 об.

Примечательно, что о названных выше расходах Бакинская таможня оперативно, с приложением подтверждающих документов, докладывала Коммерц-коллегии еще 25 августа и 18 ноября 1809 г., причем в первом случае, помимо коллегии, – курировавшему её министру коммерции Н. П. Румянцеву.⁵ Рапорты эти, судя по всему, не получили должного хода в ведомстве. Отсутствие четкой внутренней организации в министерствах и «в частях, от них зависящих», часто вело к тому, что дела, «не быв разделены на свои степени», производили «пустое многоделение и беспорядок» [4, с. 123].

Для продолжения финансовых преобразований требовалось переустройство министерской системы. Разработанные в этих целях при участии М. М. Сперанского «учреждения министерств» [6, № 24.307; № 24.686], регламентировали общий порядок их деятельности и компетенцию каждого министерства. Таможенную часть затронула существенная реорганизация. Министерство коммерции в августе 1810 г. было упразднено [6, № 24.326], а вопросы внешней торговли и таможенного управления были переданы из него в Департамент внешней торговли, созданный в структуре Министерства финансов. Эти изменения были закреплены в Учреждении данного министерства, изданном 25 июля 1811 г. [6, № 24.688].

Упорядочение работы министерств позволило перейти ко второму этапу «плана финансов», предусматривающему составление постоянных сметных правил для руководства ведомств, главным из которых должна была стать образцовая смета. Такую смету следо-

⁵ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 149. Л. 18–18 об.

вало подготовить каждому министерству на основании классификации своих расходов и обобщения сведений о них за два-три года. После Высочайшего утверждения она должна была стать примером для составления последующих годовых смет. Подготовку образцовой сметы планировалось начать в 1811 г., с тем, чтобы с 1812 г. положить «твердое основание все штатным издержкам» [6, № 24.335]. Сбор сведений о расходах, необходимых для составления образцовой сметы, обеспечивался, в том числе, в ходе ревизий.

В Министерстве финансов «обревизование таможенных счетов и документов по 1812 год» было возложено на Временный департамент Коммерц-коллегии, созданный в связи с ее упразднением в ноябре 1811 г. [6, № 24.801; № 24.938]. 4 января 1812 г. Бакинская таможня направила сюда для ревизии дел и счетов за 1811 г. 19 книг учета разных доходов и расходов, годовые ведомости пошлин и сборов, 144 объявления на товары, поданные купцами¹. Все указанные в документах суммы были сверены и пересчитаны в ходе ревизии. Её итоги представлены в таблице².

Комментируя ее данные, отметим, что доходы в казну, как это и требовалось вышестоящими инстанциями, взымались Бакинской таможней преимущественно серебром (84,6%), а оплата различных расходов производилась медью и ассигнациями (77,3%). Обеспечить более выгодное для казны соотношение не всегда было возможно ввиду перебоев с присылкой из центра наличных сумм, ассигнованных на расходы. Вследствие этого прихо-

дилось оплачивать часть издержек из пошлинных сборов, то есть серебром. В том числе сюда в 1811 г. вошла, например, часть суммы (742 руб. 15 к.) на выплату жалованья таможенным служащим. Это объяснялось тем, что в Закавказье «ассигнации между народом никакого оборота не имеют»³.

Расходование пошлинного серебра на любые цели центром не приветствовалось и всегда требовало объяснений. В обоснованных случаях трату следовало немедленно возместить «в пошлинную сумму» из средств, ассигнованных на расходы, по их получении. Такое требование, например, выдвинула Коммерц-коллегия в связи с расходом Бакинской таможней серебра из таможенных сборов на постройку пристани в 1809 г⁴. Впрочем, данной ревизией необоснованных издержек и недоимок выявлено не было. Итоговая запись в журнале Временного департамента Коммерц-коллегии от 17 июля 1812 г. свидетельствует, что «книги и документы за 1811 год Бакинской таможни обревизованы, и недоимки в пошлинах и прочих сборах не найдено»⁵. Доход государства от деятельности Бакинской таможни в 1811 г. составил 17 728 руб. 56 к., а за вычетом всех расходов – 14 011 руб. 33 к.

Итоги ревизии оказали влияние на решение ещё одного важного вопроса. Он рассматривался Департаментом внешней торговли в связи с выявлением в делах упраздненной Коммерц-коллегии неоднократных (начиная с ноября 1809 г.) безответных обращений Бакинской таможни по поводу возмещения расходов, возникших у

¹ РГИА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-1 об.

² Составлено по данным: РГИА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 17.

³ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 149. Л. 31.

⁴ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 149. Л. 19об-20

⁵ РГИА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 5

Таблица

**Доходы и расходы Бакинской таможни и ее таможенных застав
в 1811 году (руб.)**

Статья дохода/ расхода	Бакинская таможня	Дербентская застава	Кубинская застава	Всего
Доходы				
Таможенные пошлины, всего	12 795-62	3 687-87	616-02 ½	17 099-51 ½
- ввозные пошлины	11 558-56 ¾	3 442-86 ¾	616-02 ½	15 617-46
- отпускные пошлины	1 217-16	245-00 ¼	-	1 462-16 ¼
- консульские сборы	19-89 ¼	-	-	19-89 ¼
Иные сборы, всего	387-12 ¼	226-38	15-54 ¼	629-04 ½
- ластовые, печатные, гербовые	225-21 ¾	226-38	15-54 ¼	467-14
- сборы с конфискации	161-90 ½	-	-	161-90 ½
Итого	13 182-74 ¼	3 914-25	631-56 ¾	17 728-56
- серебром	10 980-68 ¼	3 492-45	528-50	15 001-63 ¼
- медью и ассигнациями	2 202-06	421-79 ¾	103-06 ¾	2 726-92 ½
Расходы				
На выплату жалованья таможенным служащим (включая таможенные заставы)	2 369-07	-	-	2 369-07
На аренду и содержание судов и «за книги в Коммерц-коллегию»	915-41 ½	-	-	915-41 S
На содержание таможенных застав в Дербенте и Кубе (без учета жалованья)	344-64 ½	-	-	344-64 S
На канцелярские расходы	68-90	-	-	68-90
На прогоны чиновнику	19-20	-	-	19-20
Итого	3 717 -23	-	-	3 717 -23
- серебром	842-15			842-15
- медью и ассигнациями	2 875-08			2 875-08
Остаток				
Итого	14 011-33	-	-	14 011-33

нее в связи с содержанием таможенных застав в Дербенте и Кубе. При этом в делах коллегии «об учреждении сих застав... никакого... постановления» не имелось¹. В ходе разбирательства было установлено, что создание таможенных застав для пресечения тайного провоза товаров из Персии было

¹ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 149. Л. 1-2 об, 8-10 об, 13-16 об, 30-31, 34-37 об, 44-45 об, 49-52 об, 72, 746-746 об.

инициировано начальником Астраханской таможни С. С. Ивановым, руководившим в 1809 г. подготовкой к открытию таможни в Баку. Направив соответствующее представление в Министерство коммерции, главнокомандующий на Кавказе генерал А. П. Тормасов поручил Бакинской таможне, не дожидаясь решения, организовать деятельность застав своими силами².

² РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 149. Л. 82-84 об.

Итоги ревизии таможи за 1811 г. позволяли Департаменту внешней торговли сравнить сумму годовых ее издержек на содержание таможенных застав с доходом государства от их деятельности. Доход этот (4 545 руб. 81 к.) окупал не только издержки, но и все годовые расходы Бакинской таможни (3 717 руб. 23 к.). Это было веским основанием для решения вопроса в пользу сохранения и легализации таможенных застав, особенно с учетом растущих затрат казны в преддверии войны с Наполеоном. Дальновидность такого решения подтвердили итоги 1812 г., когда доход от деятельности Бакинской таможни и ее таможенных застав увеличился по сравнению с 1811 г. почти в 4 раза¹.

Таможенные доходы в масштабах всей России росли в это время не так ощутимо. С 1803 по 1812 гг. они увеличились в 1,6 раза: с 11,5 до 19,3 млн. руб. [5, с. 167; 3, с. 223], что обусловлено негативным влиянием военно-политических событий на внешнеторговую сферу. Тем не менее в сложнейшее для финансов России время эта динамика была положительной. Думается, что не последнюю роль в этом сыграл «план финансов» М. М. Сперанского, обеспечивший за два года реализации прирост всех доходов государства в 2,5 раза [1, с. 131]. Уточнение данного вывода в части, касающейся таможенного ведомства, требует дальнейшего всемерного изучения материалов ревизий таможенных учреждений.

Статья поступила в редакцию 07.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюх И. С. Финансы России XIX столетия: история – статистика. Т. I. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 344 с.
2. Грачева Е. Ю. Основные тенденции развития бюджетного контроля в РФ // Финансовый контроль и аудит. 2013. № 2 (2). С. 4–38.
3. Кисловский Ю. Г. История таможенного дела и таможенной политики России. М.: Русина-Пресс, 2004. 577 с.
4. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб.: Императорская публичная библиотека, 1861. 316 с.
5. Министерство финансов 1802–1902 гг. (Исторический обзор главнейших мероприятий финансового ведомства). Ч. 1. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. 640 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г.): в 48-ми т. Т. XXXI: 1810–1811 гг. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 960 с.
7. Таможенное дело в России X – начало XX вв. (Исторический очерк. Документы. Материалы). СПб.: ПИК, 1995. 211 с.

REFERENCES

1. Blioh I. S. *Finansy Rossii XIX stoletiya: istoriya – statistika* [The Finances of Russia of the 19th century: history and statistics]. Vol. I. Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1882. 344 p.

¹ В 1812 г. доходы от деятельности Бакинской таможни и ее таможенных застав составили 69 304 р. 3 $\frac{3}{4}$ к. РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 1125. Л. 4.

2. Gracheva E. Yu. [Main trends in the development of budgetary control in the Russian Federation]. In: *Finansovyi kontrol' i audit*, 2013, no. 2 (2), pp. 4–38.
3. Kislovskii Yu. G. *Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoi politiki Rossii* [History of customs affairs and customs policy of Russia]. Moscow, Rusina-Press Publ., 2004. 577 p.
4. Korf M. A. *Zhizn' grafa Speranskogo. T. 1* [Life of Count Speransky. Vol. 1]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Publichnaya Biblioteka Publ., 1861. 316 p.
5. *Ministerstvo finansov 1802–1902 gg. (Istoricheskii obzor glavneishikh meropriyatiy finansovogo vedomstva). Ch. 1* [The Ministry of Finance 1802–1902 (historical overview of the main activities of the financial sector). Part 1]. Saint Petersburg, Ekspedicia zagotovleniya gos. bumag Publ., 1902. 640 p.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 g.): v 48-mi t. T. XXXI: 1810–1811 gg.* [Complete collection of the laws of the Russian Empire (first iss.: from 1649 to 12 December 1825) in 48 volumes. Vol. 31: 1810–1811] St. Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1830. 960 p.
7. *Tamozhennoe delo v Rosii X – nachala XX vv. (Istoricheskii ocherk. Dokumenty. Materialy)* [Customs affairs of Russia in the 10th – the beginning of the 20th centuries (A historical sketch. Documents. Content)]. Saint Petersburg, PiK Publ., 1995. 211 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правового регулирования внешнеэкономической деятельности и таможенного дела Российского нового университета;
e-mail: tatyana_pavlina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Pavlina – PhD in Historical sciences, Associate Professor at the Department of Legal Regulation of Foreign Economic Activity and Customs Affairs, Russian New University;
e-mail: tatyana_pavlina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Павлина Т. В. Ревизии бакинской таможни и «план финансов» М. М. Сперанского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 127–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-127-133

FOR CITATION

Pavlina T. Audits of Baku Customs Offices and the “Financial Plan” of M. M. Speransky. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 127–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-127-133

УДК 947.084.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-134-141

ОТ ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА К ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

Соколов А. С.

*Санкт-Петербургский Институт внешнеэкономических связей,
экономики и права, филиал в г. Калининграде
236039, г. Калининград, Ленинский пр., д. 42б, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринят анализ процесса создания ВЧК. Этот вопрос в современной историографии имеет различные подходы и оценки. Автором на основе исследования документов Петроградского ВРК показана вся сложность решений по удержанию власти в руках большевиков, в контексте создания соответствующих государственных органов. В результате опыт работы Военно-следственной комиссии ВРК показал В.И. Ленину, что в обострившейся политической ситуации необходимо было создать орган государственной безопасности с широкими полномочиями, подчиненный СНК.

Ключевые слова: Петроградский Военно-революционный комитет, Военно-следственная комиссия, Совет народных комиссаров, Всероссийская чрезвычайная комиссия, левые эсеры, Учредительное собрание, контрреволюция.

FROM THE PETROGRAD MILITARY REVOLUTIONARY COMMITTEE TO THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION

A. Sokolov

*Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics,
and Law, Kaliningrad Branch
42B Leninskiy prosp., Kaliningrad 236039, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the process of creating the All-Russian Extraordinary Commission commonly known as Cheka. This subject has been assessed and treated differently in contemporary historiography. Following the analysis of documents of the Petrograd Military Revolutionary Committee, the author shows the complexity of decisions aimed at retaining power in the hands of the Bolsheviks while creating government institutions. As a result, the experience of the Military Investigation Commission of the Petrograd Military Revolutionary Committee showed V.I. Lenin that the aggravated political situation required establishment of a state security body with extensive powers, subordinate to the Council of People's Commissars.

Keywords: Petrograd Military Revolutionary Committee, Military Investigation Commission, Council of People's Commissars, Cheka, left socialist-revolutionaries, Constituent Assembly, counter-revolution.

В вопросе образования Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее ВЧК) среди исследователей нет единого мнения. Ряд авторов придерживаются факто-

ра борьбы большевиков и левых эсеров [3, с. 156–161; 9, с. 138–140], другие – фактора сосредоточения власти в руках Совета народных комиссаров (далее СНК), а не Петроградского Совета [6, с. 43–44], а некоторые указывают вообще на революционный экспромт [4, с. 16–26]. В результате однозначного ответа на вопрос о причинах образования органа борьбы с контрреволюцией и саботажем, оказавшего значительное влияние на жизнь Советской России, в современной историографии нет, что и определяет актуальность изучения данной темы.

В ходе Октябрьской революции 1917 г. непосредственное руководство вооруженным восстанием осуществлял Петроградский военно-революционный комитет (далее ВРК), который контролировался ЦК РСДРП(б). Он исполнял функции чрезвычайного органа центральной государственной власти, содействовал установлению советской власти в Москве и других регионах России. Одной из важнейших задач ВРК была охрана революционного порядка и борьба с контрреволюцией [5, с. 10–11; 7, с. 52; 14, с. 351].

Первоначально В. И. Ленин и его сторонники, исходя из позиции всеобщего вооружения народа, который может подавить эксплуататоров без особого аппарата, не планировали создавать специальных служб нового государства [8, с. 42, 90–91]. Однако реалии политической борьбы заставили большевиков пересмотреть свои взгляды. Уже в первые дни после прихода к власти большевики столкнулись с оппозиционной печатью, выступлением юнкеров и саботажем служащих государственных учреждений. Поэтому требовались решительные

меры по укреплению их положения, что вполне вписывалось в систему представлений лидеров большевиков о классовой борьбе, которая в эпоху диктатуры пролетариата не прекращается, а лишь меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее [9, с. 386–387]. В результате 26 октября 1917 г. ВРК принял резолюцию о печати и закрыл ряд газет, 29-го было подавлено выступление юнкеров, а 1 ноября Комитет постановил прекратить выдачу зарплаты служащим государственных учреждений, не приступившим к работе [5, с. 26–27]. Следовательно, уже в первые дни после Октябрьской революции перед большевиками, несмотря на их теоретические представления, встала жизненно важная проблема борьбы с контрреволюцией.

В ВРК основная нагрузка по защите завоеваний революции лежала на Военно-следственной комиссии (далее ВСК), которая приступила к работе 27 октября [11, с. 109]. Общее руководство ее работами осуществлял Я. М. Свердлов. В начале ноября состав ВСК официально ещё не был утвержден. Председателем был назначен П. И. Стучка, хотя непосредственное руководство с формулировкой «за председателя» выполнял Л. Н. Алексеевский. Кроме того, к работе были привлечены М. Ю. Козловский, Б. Д. Мандельбаум, а А. И. Тарасову-Родионову выдали удостоверение члена ВСК, хотя он и был временно откомандированным [15, с. 60, 86]. В официально утвержденном постановлении ВРК от 12 ноября 1917 г. в состав ВСК входили члены РСДРП(б): П. А. Красиков, П. И. Стучка, М. Ю. Козловский, Л. М. Карахан и Л. Н. Алексеевский [15, с. 433]. При

этом необходимо подчеркнуть, что 28 октября ВРК официально превратился во всероссийский орган и перешел в подчинение Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее ВЦИК). Кроме того, параллельно с ВСК в столице функционировала Следственная комиссия – при Петроградском Совете, аналогичная комиссия при Революционном трибунале и Комитет по борьбе с погромами – при ВЦИК [4, с. 18]. Следовательно, можно говорить о том, что механизм подавления контрреволюции имелся в наличии у большевиков. Причем только у них, так как в официально объявленном составе ВСК не было левых эсеров, на что указывает А. А. Зданович [4, с. 18–19]. Между тем возникает логичный вопрос о том, зачем тогда большевики пошли на создание абсолютно нового органа борьбы с контрреволюцией – ВЧК?

Как представляется, поворотным моментом в определении механизма и методов борьбы с контрреволюцией стали события ноября 1917 г. Дело в том, что в политической борьбе за власть осенью этого года главенствующим стал фактор созыва Учредительного собрания. Эта идея захватила все политические силы страны, кроме большевиков, которые уже по факту получили власть в свои руки. Поэтому большевики, с одной стороны, подтвердили курс на созыв Учредительного собрания, а с другой, недвусмысленно заявили, что только их правительство может быть признано Советским правительством [3, с. 158]. Результаты выборов в Учредительное собрание, прошедших 12 ноября, были не в пользу большевиков, которые оказались на втором месте.

Главной же проблемой для них стал тот факт, что даже в блоке с левыми эсерами они не смогли бы иметь большинство, а значит, сформировать свое правительство. Очевидно, что перед большевиками встала прямая угроза потери власти и поэтому они взяли курс на роспуск Учредительного собрания, приняв ряд предварительных правовых и организационных решений. Во-первых, были приняты Декрет «О праве отзыва делегатов» и Декрет «О суде» [13, с. 115–119, 124–126], которые по сути предоставляли особые права большевикам по отношению к своим политическим оппонентам. Во-вторых, на вечернем заседании ВРК 21 ноября 1917 г. по предложению Ф. Э. Дзержинского было принято решение о создании Комиссии по борьбе с контрреволюцией, в которую должны были войти Н. А. Скрыпник, И. П. Флеровский, Г. И. Благоданов, А. В. Галкин и В. А. Трифонов [16, с. 232]. Как представляется, эти решения связаны между собой и позволяют понять причину крутого поворота в деле борьбы с контрреволюцией.

Особенно это бросается в глаза на фоне событий, происходящих в строящемся государственном аппарате и обостряющейся политической обстановке. Дело в том, что ВСК не имела права проведения самостоятельных арестов и обысков. Анализ документов показывает, что практически каждый день перед ней и ВРК вставала необходимость проведения обысков и арестов [15, с. 32, 126, 142, 151, 254–255]. Бросается в глаза тот факт, что вопрос об этом праве подымался в ВРК и СНК в разных вариациях за ноябрь 1917 г. неоднократно! Первый обращал особое внимание, что все обыски и аре-

сты должны производиться только по его ордеру [15, с. 10, 11, 274]. Между тем, на заседании второго от 15 ноября В. И. Ленин предлагал ВСК дать право «самостоятельного ареста помимо ВРК» [16, с. 5]. На вечернем заседании ВРК 19 ноября рассматривая этот вопрос, было предложено три варианта: 1) обыски проводить только с санкции ВРК, а аресты – непосредственно самой ВСК; 2) ночные аресты и обыски – только с санкции ВРК; 3) все аресты только с санкции ВРК. Однако вопрос с повестки дня был снят [16, с. 169]. В результате ВСК так и не получила права на проведение самостоятельных арестов и обысков. С другой стороны, по мере создания советского государственного аппарата существование самого ВРК становилось нецелесообразным. ВРК начинал дублировать работу ВЦИК, СНК и различных комиссариатов. Так что его упразднение было делом времени. Тем более, что к самой ВСК накопились весьма значительные претензии [16, с. 431]. К тому же нельзя исключать и субъективного фактора, поскольку председатель СНК В. И. Ленин стремился сконцентрировать управление механизмом защиты государства в своих руках, на что и получил 17 ноября 1917 г. разрешение ВЦИК. Пункт 3 Наказа «О взаимоотношениях ВЦИК и СНК» гласил: «Мероприятия по борьбе с контрреволюцией могут быть проводимы СНК непосредственно, под условием ответственности перед ВЦИК» [13, с. 102]. Очевидно, что механизм в борьбе с контрреволюцией в лице ограниченной ВСК оказался неудобным для руководства большевиков, а всякие попытки его реформирования в нужном русле заканчивались неудачей.

Ситуация накалилась до предела. В начале декабря 1917 г. большевики получили сведения о подготовке низложенным Временным правительством забастовки служащих государственных учреждений во всероссийском масштабе [3, с. 160]. Остро встал вопрос и о возможном разгоне Учредительного собрания, что могло вызвать негативную реакцию у разных политических сил страны.

Необходимо отметить, что лидер большевиков В. И. Ленин был незаурядным прагматиком, чувствовавшим остроту момента. Это во многом предопределило своевременность их действий по удержанию власти в своих руках. Поэтому, во-первых, говорить об экспромте несколько неверно, а во-вторых, большевиками был взят курс на создание органа борьбы с контрреволюцией, подчиненного СНК и имевшего более широкие права, чем у ВСК, именно в ходе срыва готовящийся всероссийской забастовки государственных служащих. В результате ВРК 5(18) декабря 1917 г. прекратил свое существование, а СНК по предложению Ф. Э. Дзержинского обсудил вопрос о создании специального органа, обеспечивающего порядок в столице.

6 декабря 1917 г. СНК по рекомендации В. И. Ленина предложил Ф. Э. Дзержинскому представить список членов комиссии и разработать меры по борьбе с саботажем. 7(20) декабря 1917 г. на заседании СНК было решено учредить Всероссийскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем [4, с. 78–79; 12, с. 302].

Фактор противостояния с левыми эсерами в образовании ВЧК не играл определяющей роли. Действительно,

как указывалось выше, в состав ВСК входили большевики. Но уже на известном заседании СНК от 15 ноября 1917 г. рассматривалось предложение пополнить ВРК на паритетных началах левыми эсерами [16, с. 5]. На вечернем заседании ВРК 22 ноября было принято решение увеличить состав ВСК до 7 человек, предоставив 3 места социалистам-революционерам [16, с. 257].

Положение партии левых эсеров имело двойственное значение для большевиков. С одной стороны, союз с ними, имевшими большую поддержку среди основной массы населения России в лице крестьянства, был жизненно необходим для большевиков, а с другой, именно эта политическая сила, входившая во ВЦИК, ВРК, а с 7 декабря 1917 г. – и СНК, регулярно выступала с критикой кардинальных действий существующей власти. Поэтому можно согласиться с А. М. Демидовым, что голос протеста для большевиков в условиях становления Советской власти был очень болезненным [3, с. 160].

Другим главным аргументом против фактора противостояния с левыми эсерами в деле образования ВЧК является их участие в СНК, а немногим позже – и в самой Комиссии [6, с. 44]. При рассмотрении этого вопроса важно учитывать расстановку акцентов и точную хронологию событий. Решение о вхождении левых эсеров в СНК было принято 7 декабря, как раз тогда, когда уже было принято постановление о создании ВЧК [5, с. 78]. Следовательно, это решение изначально задавало вектор на монополию большевиков в борьбе с контрреволюцией. Ведь чекисты 18 декабря арестовали членов общества защиты Учредительного собрания, а в конце месяца – активных работников

«Союза союзов служащих государственных учреждений, организаторов чиновничьего саботажа» [2, с. 25–26]. И несмотря на определенное противодействие со стороны левых эсеров в СНК, которые освободили арестованных членов общества защиты Учредительного собрания, чекистам удалось достичь первоочередных целей. Ведь представители левых эсеров были введены в ВЧК только в начале января 1918 г., когда первый шаг уже был сделан [1, с. 155; 2, с. 36]. К тому же как в СНК, так и в ВЧК большинство было за большевиками, что и обеспечивало им проведение репрессивных мер.

Таким образом, уже в первые дни после Октябрьской революции перед большевиками встала жизненно важная проблема борьбы с контрреволюцией. Очевидно, что конкретных предложений об органе такой борьбы у ВРК не было, – как в принципе, так и по структуре создаваемого государственного аппарата. Между тем уже с конца октября 1917 г. в ВРК борьбу с контрреволюцией осуществляет Военно-следственная комиссия. Однако такой механизм защиты советской власти оказался неудобным для руководства большевиков, а всякие попытки его реформирования в прежней структуре с целью расширения прав в ноябре месяце заканчивались неудачей. Поэтому В. И. Ленин берет курс на создание ВЧК с широкими полномочиями и именно в подчинении СНК, главой которого он и являлся. Эта реформа, в совокупности с принятием Декрета «О суде», заметно повысила эффективность борьбы большевиков с контрреволюцией, что, как показала практика, в том числе позволило большевикам удержать власть в своих руках.

Заметное влияние на создание ВЧК оказала политическая ситуация, которая ухудшилась с разгоном Учредительного собрания. Возросшее недовольство этим шагом в российском обществе, в том числе и в среде левых эсеров, подвигло большевиков на принятие решительных мер. Тем более,

что перед ними обозначилась прямая угроза потери власти в результате все-российской забастовки государственных служащих. Ведь у всех в памяти были недавние события регулярной смены власти.

Статья поступила в редакцию 14.12.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив ВЧК: сборник документов / сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М.: Кучково поле, 2007. 720 с.
2. В. И. Ленин и ВЧК: сборник документов, 1917–1922 гг. М.: Политиздат, 1987. 679 с.
3. Демидов А. М. Петроградский военно-революционный комитет – первый орган советской власти по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Октябрь – декабрь 1917 г. // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы: в 2-х т. Том 1. Оренбург: ОГПУ, 2017. С. 156–161.
4. Зданович А. А. Продукт революционного экспромта (к вопросу о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии) // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 4 (16). С. 16–26.
5. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг.: сборник документов. М.: Политиздат, 1958. 510 с.
6. Капчинский О. И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М.: Крафт+, 2014. 416 с.
7. Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л.: Лениздат, 1987. 460 с.
8. Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений / 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.
9. Ленин В. И. Привет венгерским рабочим // Полное собрание сочинений / 5-е изд. Т. 38. М.: Политиздат, 1969. С. 384–388.
10. Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997. 356 с.
11. Ломов В. С. Военно-следственная комиссия Петроградского ВРК // Правоведение. 1978. № 6. С. 108–111.
12. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991 гг.: справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2003. 768 с.
13. Первые Декреты Советской власти. Том 1. М.: Политиздат, 1957. 625 с.
14. Петроградский военно-революционный комитет: документы и материалы в 3-х т. Том 1. М.: Наука, 1966. 584 с.
15. Петроградский военно-революционный комитет: документы и материалы в 3-х т. Том 2. М.: Наука, 1966. 558 с.
16. Петроградский военно-революционный комитет: документы и материалы в 3-х т. Том 3. М.: Наука, 1967. 742 с.

REFERENCES

1. *Arkhiv VChK: sbornik dokumentov, sost. V. Vinogradov, N. Peremyshlennikova* [The archives of the Cheka: a collection of documents. Comp. V. Vinogradov, N. Peremyshlanska]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2007. 720 p.
2. *V. I. Lenin i VChK: sbornik dokumentov, 1917–1922 gg.* [Lenin and the Cheka: a collection of documents, 1917–1922]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 679 p.
3. Demidov A. M. [The Petrograd military revolutionary Committee, the first body of Soviet power against counter-revolution and sabotage, October –December 1917]. In: *Rossiia v usloviyakh krizisov XIX-XX vekov. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchenoi 100-letiyu Russkoi revolyutsii 1917 g. i 75-letiyu nachala Stal-ingradskoi bitvy: v 2-kh t. Tom 1* [Russia in crises of the XIX-XX centuries. Collection of articles of International scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917 and the 75th anniversary of the battle of Stalingrad: in 2 v. Vol. 1]. Orenburg, OGPU Publ., 2017, pp. 156–161.
4. Zdanovich A. A. [Product of revolutionary improvisation (the question on creation of the all-Russian extraordinary Commission)]. In: *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'nye i humanitarnye nauki* [Bulletin of the Vladimir state University. Series: Social Sciences and Humanities], 2017, no. 4 (16), pp. 16–26.
5. *Iz istorii Vserossiiskoi Chrezvychainoi komissii, 1917–1921 gg.: sbornik dokumentov* [From the history of the all-Russian Extraordinary Commission, 1917–1921: a collection of documents]. Moscow, Politizdat Publ., 1958. 510 p.
6. Kapchinskii O. I. *Gvardeitsy Lenina. Tsentral'nyi apparat VChK: struktura i kadry* [Guards Lenin. The Central apparatus of the Cheka: structure and frames]. Moscow, Kraft+ Publ., 2014. 416 p.
7. Kutuzov V. A., Lepetyukhin V. F., Sedov V. F., Stepanov O. N. *Chekisty Petrograda na strazhe revolyutsii* [Security officers of the Petrograd revolution guard]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1987. 460 p.
8. Lenin V. I. [The state and revolution]. In: *Polnoe sobranie sochinenii, 5-e izd., tom 33* [Complete works, vol. 33]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, pp. 1–120.
9. Lenin V. I. [Greetings to the Hungarian workers]. In: *Polnoe sobranie sochinenii, 5-e izd., tom 38* [Complete works, vol. 38]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, pp. 384–388.
10. Leonov S. V. *Rozhdenie sovetskoi imperii: gosudarstvo i ideologiya, 1917–1922 gg.* [The birth of the Soviet Empire: the state and ideology, 1917–1922]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1997. 356 p.
11. Lomov V. S. [The military investigative Commission of the Petrograd revolutionary military Committee]. In: *The Journal Pravovedenie*, 1978, no. 6, pp. 108–111.
12. *Lubyanka: Organy VChK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB, 1917–1991 gg.: spravoch-nik / sost. A. I. Kokurin, N. V. Petrov* [Lubyanka: the Bodies of the Cheka-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB, 1917–1991: a Handbook / comp. A. Kokurin, N. Petrov]. Moscow, MFD Publ., 2003. 768 p.
13. *Pervye Dekrety Sovetskoi vlasti. Tom 1* [The first decrees of the Soviet government. Vol. 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1957. 625 p.
14. *Petrogradskii voenno-revol'yutsionnyi komitet: dokumenty i materialy v 3-kh t. Tom 1* [The Petrograd military revolutionary Committee: the documents and materials in 3 v. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 584 p.
15. *Petrogradskii voenno-revol'yutsionnyi komitet: dokumenty i materialy v 3-kh t. Tom 2* [The Petrograd military revolutionary Committee: the documents and materials in 3 v. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 558 p.

16. *Petrogradskii voenno-revolutsionnyi komitet: dokumenty i materialy v 3-kh t. Tom 3* [The Petrograd military revolutionary Committee: the documents and materials in 3 v. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 742 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколов Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Калининграде;
e-mail: sas555@mail.ru

AUTHOR INFORMATION

Andrey S. Sokolov – PhD in Historical sciences, Associate Professor at the Department of Humanities, Kaliningrad Branch of Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics, and Law;
e-mail: sas555@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколов А. С. От Петроградского военно-революционного комитета к Всероссийской чрезвычайной комиссии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 134–141.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-134-141

FOR CITATION

Sokolov A. From the Petrograd Military Revolutionary Committee to the All-Russian Extraordinary Commission. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 134–141.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-134-141

УДК 94(470.6) «1942/1943»: 2

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-142-154

«ОТКРЫВАЙТЕ ЦЕРКВИ И МЕЧЕТИ!»: НЕМЕЦКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1942–1943 ГГ.)

Линец С. И., Маслова О. Б., Рутковская М. В.

Пятигорский государственный университет

357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, Российская Федерация

Аннотация. Статья раскрывает основное содержание религиозной политики немецкого оккупационного режима на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. Авторами была предпринята попытка на основе архивных данных осветить состояние религиозных обществ и их отношение к нацистскому режиму в 1942–1943 гг. При этом основное внимание акцентируется на критическом анализе православной и исламской конфессий в указанном регионе. Уделено внимание и Армянской Апостольской Церкви. Авторы приходят к выводу о том, что немецкий оккупационный режим отличался своим лояльным характером по отношению к различным религиозным обществам, что получило одобрение у большей части верующего населения. Однако, вступая в контакт с немецкими властями, исламское и армянское духовенство, а также Русская Православная Церковь оставались на патриотической позиции и поддерживали свой народ в борьбе против оккупантов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, немецкая оккупация, Северный Кавказ, религиозные конфессии, духовенство, молитвенные здания, антирелигиозная пропаганда.

“OPEN CHURCHES AND MOSQUES!”: GERMAN OCCUPATION AND RELIGIOUS CONFESSIONS IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1942–1943)

S. Linets, O. Maslova, M. Rutkovskaya

Pyatigorsk State University

9 Kalinina prosp., Pyatigorsk 357532, Russian Federation

Abstract. The article investigates main aspects of the religious policy of the German occupation regime in the North Caucasus during the Great Patriotic War. On the basis of archived data, the authors set out to highlight the state of religious societies and their attitude towards the Nazi regime in 1942–1943. The focus is on the critical analysis of the Orthodox and Islamic confessions in this region. The Armenian Apostolic Church is also considered. The authors conclude that the German occupation regime was characterized by its favourable disposition towards various religious societies, which was met with approval by the majority of the religious population. However, coming into contact with German authorities, the Islamic and Armenian clergy, as well as the Russian Orthodox Church, remained patriotic and supported their people in the struggle against the invaders.

Keywords: Great Patriotic War, German occupation, North Caucasus, religious confessions, the clergy, place of worship, antireligious propaganda.

Великая Отечественная война оставила глубокий след в мировой истории. По масштабам гибели людей, разрушений и потере художественных и материальных ценностей она не имеет себе равных. Патриотическое служение духовенства и верующих, испытывающих гонения на веру в 1920–1930 гг., стало частью священной войны против фашистских захватчиков. Авторы данной статьи считают необходимым изложить основные аспекты религиозной политики нацистов на захваченных территориях и ее влияние на верующее население рассматриваемого региона, что особенно актуально сейчас, когда в современном политическом и историческом пространстве идет критическое переосмысление прошлого нашей Родины и Русской Православной Церкви. Именно поэтому разрабатываемая проблема на основе изучения регионального фактора актуальна и востребована.

Государственная политика в отношении большинства религиозных объединений в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны отличалась острой антирелигиозной направленностью. Местные органы советской власти, руководствуясь указаниями из Москвы, разрушили сотни церквей, костелов, мечетей, кирх. В конце 1930-х гг. обычным явлением были судебные процессы над духовенством, прежде всего православным, которое обвинялось в противодействии советской власти, вредительстве и шпионаже, а государство в это же время продолжало проводить курс на построение атеистического общества.

Однако уже в ходе войны советское правительство вынуждено было пересмотреть свою антирелигиозную политику.

22 июня 1941 г., в день памяти Русской Православной Церковью Всех святых, просиявших своею жизнью и подвигами в земле русской, Патриарший Местоблюститель Московский и Коломенский митрополит Сергей выступил со своим воззванием ко всем верующим встать на защиту Отечества от «жалких потомков врагов православного христианства» [11, с. 38]. Он был первым, кто открыто обратился к населению страны со словами поддержки и благословения на борьбу с фашистскими захватчиками. С подобными призывами митрополит Сергей в ходе войны обращался к верующему населению еще около 20 раз. Другие иерархи Православной Церкви также выступали со своими воззваниями, призывая верующих объединиться в борьбе с врагом, мужественно участвовать в боевых и трудовых операциях, не сотрудничать с оккупантами, поддерживать партизанское движение.

Мусульманское духовенство СССР также заняло патриотическую позицию и призывало правоверных к борьбе с фашизмом. 15 мая 1942 г. в газете «Труд» было опубликовано заявление духовного управления мусульман внутренней России и Сибири, в котором нападение нацистов на Советский Союз сравнивалось с крестовым походом против исповедующих исламскую веру в средние века [16, с. 262]. Председатель центрального духовного управления мусульман внутренней

России и Сибири муфтий Габдрахман Расулев призвал правоверных встать на защиту Родины. В мечетях читались молитвы и проповеди с пожеланиями скорейшей победы Красной Армии, верующие приступили к сбору денег, одежды, продуктов для нужд фронта и для семей военнослужащих. Пытаясь наладить нормальные отношения с руководством страны, муфтий от имени всех мусульман СССР в марте 1943 г. обратился с письмом к И. В. Сталину, в котором заверил его в поддержке, и предложил на собранные деньги построить танковую колонну для Красной Армии.

По мере продвижения немецких войск по советской территории население испытывало трудности и теряло жизненные ориентиры. Единственным устойчивым очагом духовной надежды в победу над врагом оставалась Церковь. Городское и сельское русское население к началу 1940 гг. всё ещё оставалось в большинстве своем религиозным. Тяготы военного времени способствовали обострению этого духовного чувства. Посещаемость уцелевших от закрытия храмов и мечетей стала стихийно расти, возобновили свои проповеди уцелевшие священники, закрылся Союз воинствующих безбожников. Союзники по антигитлеровской коалиции также указывали на необходимость изменения антицерковной политики в СССР. Общественное мнение и правительства США и Великобритании считали, что помогать безбожной Советской России было бы безнравственно. Понимая это и желая изменить свой негативный международный имидж, советское руководство было вынуждено пойти на уступки религиозным обществам и

прежде всего – Православной Церкви. Еще в ноябре 1939 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в котором отмечалась нецелесообразность политики органов НКВД по проведению арестов служителей культа и православных верующих. В связи с этим возобновили служение спасшиеся от сталинских репрессий священники «тихоновской» церкви и обновленческие архиереи, прощенные и принятые Патриаршей Церковью. В феврале 1942 г. возобновилась издательская деятельность Московской Патриархии, постепенно прекратилась антирелигиозная пропаганда. В Пасхальную ночь в крупных городах разрешено было проведение праздничных крестных ходов.

Руководство Третьего рейха в своих интересах использовало гонения на Церковь в Советском Союзе, подчеркивая при этом («12 заповедей поведения немцев на Востоке»), что не нужно насаждать в России никакой религии, поскольку по своей натуре русские и так религиозны и суеверны. Поэтому захват советских территорий сопровождался стихийным открытием ранее действовавших православных храмов и возрождением религиозной жизни при активном содействии немецких оккупационных режимов.

Соглашаясь с открытием православных церквей, оккупационные власти в то же время не приветствовали восстановление церковной иерархии и сильных местных православных организаций. Гитлера устраивало существование различных раздробленных религиозных сект, отсутствие их консолидации на случай возможной борьбы с Германией. Об этом прямо говорилось в подписанном руководи-

телем Главного управления имперской безопасности группенфюрером СС Г. Гейдрихом циркуляре «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза» для команд полиции безопасности СД на оккупированных территориях. Циркуляр предписывал: не допускать контактов лидеров разных конфессий; поддерживать религиозные движения, враждебные большевизму; использовать различные религиозные организации для помощи немецкой администрации [15, с. 161].

Нацистские средства массовой информации на оккупированных территориях настойчиво подчеркивали, что германские власти, в отличие от большевистской, предоставляют всем верующим религиозную свободу. В частности, рекомендовалось учитывать особое значение ритуалов и обычаев ислама на Северном Кавказе¹. «Открывайте церкви и мечети!» – такой призыв содержался в оккупационных газетах [12, с. 34]. Немецкая администрация охотно шла на открытие мечетей, предоставляя исламскому духовенству возможность обращаться к верующим, намереваясь одновременно приобрести влияние и на мусульман за границей.

С наступлением немецкой армии на Северный Кавказ в 1942 г. также было зафиксировано оживление церковной жизни. Известно, что еще до революции только в Ставропольской епархии насчитывалось более 150 церквей и храмов, поскольку подавляющее большинство населения исповедовали православие. Активно действовала тогда Кавказская духовная семинария

и Иоанно-Марьинский монастырь. Но к началу войны в крае осталось только 14 приходов [8, с. 34], а после расстрела в 1930-е гг. главы Ставропольской Церкви епископа Льва (Черепанова), Ставропольская епархия и вовсе перестала существовать.

Пользуясь возможностью для открытий церквей и храмов, местное население с разрешения немецких властей летом 1942 г. в городе Ворошиловске (Ставрополе), открыли не разрушенные безбожниками Крестовоздвиженскую и Преображенскую церковь. Продолжала действовать и кладбищенская Успенская церковь. Возобновилось богослужение в Андреевском соборе города. Службы совершались даже в уцелевшей колокольне разрушенного Казанского кафедрального собора, где был освящен алтарь [2, с. 108].

Усилиями верующих и при поддержке германского командования в декабре 1942 г. было приведено в порядок заброшенное здание храма Михаила Архангела в Пятигорске. Все население города приглашалось на торжественное открытие². Архиепископу православной церкви отцу Николаю, проживавшему в городе, комендант поручил руководство не только городской церковной жизнью, но и ближайших районов. Другая сохранившаяся городская Лазаревская церковь стала кафедральной, здесь и находилась кафедра архиепископа Николая (архивные документы указывают на то, что он являлся агентом гестапо). Именно он сдал немецким властям другого священника этой церкви – отца Василия, который передавал советскому командованию ценные све-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 240.

² Пятигорское эхо. 1942. 6 дек.

дения о дислокации немецких войск по рации, находившейся в тайнике под престолом церкви. Отец Василий и его помощник-радист были расстреляны 6 октября 1942 г. в районе Пятигорского мясокомбината [5, с. 31]. В этой связи отметим, что в Ставропольском крае и Ростовской области было немало представителей духовенства, сотрудничавших с оккупантами (в прошлом многие из них были судимы за антисоветскую деятельность). В своих проповедях они призывали верующих молиться за победу немецкой армии, освободительницу от большевистского строя. Ими была также оказана помощь в формировании фашистских националистических антисоветских отрядов из числа казаков¹.

Об открытии и восстановлении церковных зданий сообщалось в местных газетах, в пропагандистских немецких листовках и плакатах. Население активно приглашалось на такие торжественные мероприятия. Всего на Северном Кавказе в период оккупации издавалось 45 наименований газет, большинство из которых были призваны содействовать «новому режиму». В них также освещались вопросы культурной жизни оккупированных городов, печатались объявления об открытии театров, музеев, кинотеатров, казино и других культурных учреждений [4, с. 35].

Немецкая администрация не препятствовала, а наоборот, даже поощряла оживление церковной жизни на оккупированных территориях Северного Кавказа. Об этом, в частности, свидетельствовали разведывательные сводки с Кубани. Партизаны отмечали, что местное население станицы Старо-

нижестеблиевской собирает деньги на ремонт церкви, а попом там служит бывший фотограф. В другом донесении сообщалось об открытии в станице Крымской церкви в помещении электролечебницы (бывшей греческой церкви), где проводились регулярные богослужения [6, с. 562]. Разумеется, на подобного рода мероприятиях всегда присутствовали работники немецких пропагандистских служб. Они нередко выступали перед прихожанами с различными докладами и сообщениями, содержащими примеры глумления большевиков над чувствами верующих, рассказывали о безбожной политике ВКП(б), проводившейся в СССР в довоенное время и в первый годы войны.

Если до лета 1942 г. на всей территории Кубани функционировало всего лишь семь церквей, то при немецком «новом порядке» было открыто 100 церквей и молитвенных домов тихоновского и 92 – обновленческого направлений [6, с. 611]. Правда, оккупационные власти предпочитали замалчивать тот факт, что большую часть всех материальных затрат на восстановление и последующее содержание церковных сооружений вносили сами прихожане.

То же самопроизвольное открытие церквей наблюдалось и во многих населенных пунктах Донской области, где сохранились церковные здания и где можно было найти священника. Например, в Ростове-на-Дону к концу лета 1942 г. богослужение проводилось в четырех храмах и четырех церковных приходах. Кроме того, местные власти активно готовились к открытию еще трех церквей². Изъятые у Церкви в

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

² Таганрогский филиал Государственного

предвоенные годы здания, приспособленные под различные хозяйственные помещения, дома культуры и даже приемники-распределители для беспризорных детей вновь возвращались в лоно Церкви, открывали свои двери для верующих людей [9, с. 20]. Одновременно оккупационные власти давали разрешение на проведение юридической регистрации различных религиозных сообществ.

По данным отчета Совета по делам Русской Православной Церкви от 1 января 1948 г., на временно оккупированных территориях Советского Союза немцами было открыто 7547 церквей и храмов. В Ростовской области оккупационные власти открыли 243 церкви и храмов, в Краснодарском крае – 229, в Ставропольском крае – 127 [3, с. 228].

Неоднозначно немецкие власти относились на Северном Кавказе к так называемой обновленческой Церкви. Известно, что к началу 1940-х гг. на территории Северокавказского региона находилось 57 обновленческих приходов, которые входили в Северокавказскую митрополию (ее до 1945 г. возглавлял обновленческий митрополит Василий Кожин). Представители так называемой «Живой Церкви» являлись сторонниками советской власти и поощряли почти поголовную религиозную безграмотность верующих, готовых идти в любой приход, сохранявший привычную обрядовость. Обновленцы сохраняли относительно сильные позиции, благодаря наличию храмов во всех административных центрах региона и поддержке органов ГПУ [14, с. 420]. Из семи православных приходов Краснодарского края,

действовавших в предвоенное время, четыре были обновленческими. Немцы, негативно относясь к этому симпатизировавшему большевикам направлению, не препятствовали его работе, а лишь установили наблюдение за его деятельностью. Часто, несмотря на то, что еще патриарх Тихон предал анафеме обновленцев, они продолжали свою деятельность во многих городах региона, демонстрируя свою политическую лояльность по отношению и к этому «новому режиму». Немецкие оккупационные власти отмечали, что вопрос принадлежности священников к старой тихоновской или обновленческой Церкви часто бывает решить нелегко. Именно этот факт стал поводом к формальному запрещению деятельности живоцерковников по распоряжению коменданта города-курорта Пятигорска, как Церкви, сотрудничавшей с большевиками [7, с. 340]. В городе Георгиевске Ставропольского края обновленцы прекратили свою деятельность под давлением самих прихожан. Следует отметить, что чаще всего заслуга в повсеместном открытии именно патриарших приходов, а не обновленческих, принадлежала не немецким оккупационным властям, а самим верующим гражданам. Это был их осознанный, добровольный выбор. К 1945 г. Православная Церковь, наконец, воссоединилась, и священники-обновленцы со всей епархии, собравшись в ставропольском Андреевском соборе, просили о покаянии вновь возглавившего Ставропольскую и Бакинскую епархию митрополита Антония (Романовского) [13, с. 426].

В Пятигорске с приходом немецкой армии начались богослужения для всех последователей Старо-Тихоновской

церкви, находившейся в оппозиции к РПЦ и не признавшей законной власть большевиков. К примеру, в Ессентуках была открыта 2-я Старообрядческая церковь Покрова Пресвятой Богородицы, закрытая еще в 1937 г.¹ Староверы жертвовали на восстановление своего храма иконы, церковные книги, церковную утварь, денежные средства.

Поскольку многие открывавшиеся приходские церкви испытывали острую нехватку священнослужителей, для их подготовки были открыты несколько воскресных церковных школ. Повсеместно на оккупированных территориях Северного Кавказа немецкая администрация демонстративно старалась не мешать церковному возрождению, чтобы показать местному населению и духовенству свое почтительное отношение к этому процессу и, тем самым, привлечь их на свою сторону. Воодушевленное такой политикой новых властей, духовенство вновь стало активно участвовать в проведении бракосочетаний, крещений, отпеваний покойников. В начальных классах школ вводилось обязательное преподавание Закона Божьего. Были в полном объеме восстановлены и разрешены к отмечанию на оккупированных территориях все христианские православные праздники. Верующий житель Ессентуков с одобрения местного протоиерея составил христианский календарь, в котором были перечислены все дни христианских праздников² [6].

Сразу же заявила о своем намерении сотрудничать с оккупационными властями значительная часть служи-

телей армяно-григорианской Церкви. Поэтому ее представители получили разрешение на проведение своей религиозной политики среди местной армянской диаспоры. Так, в Пятигорске в местной оккупационной газете с пафосом сообщалось, что в городе-курорте в октябре 1942 г. армяне приступили к восстановлению своей церкви имени Саака и Месропа, которая ранее была закрыта советской властью³. Только за одну неделю от прихожан поступило 30 тысяч рублей на ее реконструкцию. Уже 22 ноября 1942 г. храм был освящен. Напомним, что значительная по своей численности армянская община появилась на Северном Кавказе в XVIII в., когда Российская империя начинала укрепляться в этом важном для нее регионе. Еще в царский период Армянской епархии приходилось преодолевать много трудностей, связанных со строительством храмов и продвижением национальной культуры. Но особенно тяжелыми для Армянской Апостольской Церкви (ААЦ) были 1930-е гг., когда многие представители армянского духовенства были репрессированы. Это привело тогда к полной ликвидации структур Армянской Церкви на территории Северного Кавказа. В частности, были закрыты армянские церкви в Армавире, Астрахани, Краснодаре, Ставрополе, Пятигорске, Грозном и многих других городах региона. В городе Буденновске (Святой Крест) из камня разрушенной в 1935 г. церкви Сурб Геворг (Св. Георгия Победоносца) городские власти мостили тротуары, а церковную землю отдали под строительство жилых домов. Когда их строили, из земли выкапывали гробы, в которых ранее были

¹ Ставропольские губернские ведомости. 1995. 7 марта.

² Заря. 1942. 26 сент.

³ Пятигорское эхо. 1942. 25 нояб.

захоронены на церковном погосте священнослужители. После окончания войны на месте церкви построили рестораны «Кавказ» [1, с. 125].

Полному разгрому подверглись церковные приходы на Кубани, где к концу 1930-х гг. остались лишь две церкви: в Армавире и Краснодаре. Они возобновили свою деятельность в период немецко-фашистской оккупации, но в последующий послевоенный период церкви всё же были уничтожены. Был репрессирован и цвет армянского духовенства, истинные подвижники благочестия. Так, был зверски убит Католикос Всех Армян и их духовный предводитель в 1932–1938 гг. Хорен I, считавшийся лояльным по отношению к советской власти иерархом Армянской Церкви.

Армянская Апостольская Церковь, где бы она не находилась, всегда объединяла прихожан, являясь главным очагом просветительства и национальной культуры. Армянская церковь города Пятигорска также могла быть уничтожена, но всё же сохранилась к началу Великой Отечественной войны. Являясь настоящим украшением главного проспекта города, церковь Сурб Таргманчац (полное название Саак-Месроп – Святых Переводчиков Саака и Месропа) была построена на пожертвования прихожан еще в 1885 г. Законченный вид она приобрела после завершения строительства колокольни в 1901 г. Помещение церкви Сурб Таргманчац в 1930-х гг., как и другие культовые сооружения в нашей стране, было превращено в городской музей атеизма, затем – в окружной архив и спортивный зал. Но, несмотря на это, паства продолжала существовать до тех пор, пока над городом возвыша-

лась колокольня армянской церкви, и был жив ее священник.

Так же как и представители православной и исламской конфессий, Армянская Апостольская Церковь в начале войны призывала свою паству к защите Родины и сбору средств для Красной армии. Например, танковая колонна «Давид Сасунский» была построена на средства верующих Армянской Церкви. В апреле 1944 г. состоялась встреча И. В. Сталина с архиепископом Геворгом Чорекчанцем, в довоенный период занимавшем пост главы армянской епархии в Грузии. В ходе беседы были намечены перспективы регулирования отношений власти с Церковью, а также выборов высшего церковного иерарха. В июне 1945 г. Католикосом Всех Армян был избран Геворг VI. Во многом благодаря его деятельности сохранились религиозные строения Кавказа, в том числе армянский национальный символ – церковь Святых Переводчиков Саака и Месропа в городе Пятигорске. К сожалению, она смогла просуществовать только до конца 1950-х гг., когда была варварски уничтожена в ходе проведения хрущевской антицерковной политики.

В планах фашистского руководства предусматривалось активное использование в войне против Советского Союза исламского фактора. Еще в 1930-е гг. антирелигиозная политика привела к арестам и расстрелам большей части мусульманского духовенства. Из 13700 исламских приходов центральной России к началу войны оставалось лишь около 100 [16, с. 259]. Запрещалась религиозная и светская литература, написанная арабской графикой, что, конечно, негативно повлияло на со-

хранение мусульманских культурных ценностей, ношение национальной одежды, чтение Корана. Мечети также подверглись разорению или использовались в качестве складских помещений. Поэтому нацистская пропаганда, обращаясь к мусульманам, подчеркивала свою освободительную миссию от большевистской безбожной политики. Известен исторический факт, когда командующий 1-й немецкой танковой армии генерал Э. фон Макензен принял решение перейти в ислам. Он регулярно посещал мечеть в Нальчике, соблюдал все исламские заповеди, демонстративно выдавал себя за приверженца горских обычаев.

Во многих исламских регионах Северного Кавказа, немецкие оккупационные власти восстановили должности мулл, которых приравнивали к главам администраций городов и сельских населенных пунктов. Всем мусульманам, согласно исламским обрядам, предписывалось не проводить никаких хозяйственных работ по пятницам, а посещать в этот день мечеть. В Кисловодске уже через две недели после установления оккупационного режима по просьбе местных граждан-мусульман решением городской управы была открыта мечеть¹. Немецкое командование надеялось на лояльное отношение к своему режиму, и в 1942 г. были открыты почти в каждом населенном пункте Северного Кавказа по 2-3 мечети. Но, как известно, только незначительная часть горцев приветствовала фашистский режим и с ним сотрудничала.

С началом Великой Отечественной войны советское правительство должно было позитивно отреагировать на

рост религиозных настроений граждан, в том числе и на оккупированных вермахтом территориях. Следовало также патриотическое поведение православного духовенства максимально использовать в интересах обороны страны. Ведь нередко церкви и их служители становились центрами сопротивления врагу. На Северном Кавказе также имели место случаи, когда священники оказывали различную помощь подпольщикам и партизанам. В частности, они собирали и затем передавали в партизанские отряды информацию о дислокации вражеских частей, складов, аэродромов. Кроме того, православные священники обеспечивали народных мстителей продуктами питания, одеждой, медикаментами. Нередко с риском для жизни они укрывали в своих приходах партизанских разведчиков, связников, раненых военнослужащих.

Нужно отметить, что гитлеровское руководство вначале не собиралось оказывать какое-либо содействие религиозной жизни на оккупированных территориях, церковный вопрос продолжал дорабатываться и в дальнейшем, вплоть до лета 1942 г. Понятно одно, Русскую Православную Церковь, как враждебную большевизму, стремились использовать в качестве пропагандистского элемента, для содействия германской администрации на оккупированных территориях. Православие в случае победы гитлеровской Германии со временем, скорее всего, было бы уничтожено и заменено «новой религией», лишенной христианских догматов. О враждебности православию говорили также и реальные действия нацистов перед отступлением из оккупированных областей, когда

¹ Пятигорское эхо. 1942. 30 авг.

были сожжены и разграблены многие тысячи православных церквей и храмов, расстреляны церковнослужители, уничтожены христианские святыни.

Одним из первых шагов на пути нормализации отношений с РПЦ стала телеграмма митрополита Сергия, отправленная И. В. Сталину 5 января 1943 г. В ней Глава Русской Церкви просил разрешения на открытие Московской Патриархией банковского счета для внесения средств, собранных на нужды фронта в годы войны (сумма составила более 300 млн. рублей) [10, с. 411, 413]. На собранные средства верующих была построена и танковая колонна имени Дмитрия Донского

Итак, начиная с 1943 г., религиозная политика советского государства изменилась. Правительство было вынуждено отказаться от прежней практики давления на веру и верующих и предоставить Церкви возможность восстановить разрушенную в 1920–1930 гг. церковную инфраструктуру. В связи с этим состоялась встреча Сталина и Молотова в сентябре 1943 г. с оставшимися на свободе митрополитами, где было дано согласие на созыв Поместного Собора и избрание Патриарха, открытие новых церквей и храмов, а также духовных заведений. По просьбе избранного Патриарха всея Руси митрополита Сергия были освобождены из заключения оставшиеся в живых ряд священнослужителей, благодаря им православный епископат к марту 1944 г. достиг 29 архиереев. Но, несмотря на потепление государственно-церковных отношений, рели-

гиозная жизнь находилась под жестким контролем государства, которое впоследствии сменилось новым витком репрессий. Для организации взаимоотношений между руководством страны и Патриархией при Совете Министров был создан Совет по делам РПЦ, который возглавил офицер госбезопасности Г. Г. Карпов. В июле 1944 г. был образован Совет по делам религиозных культов, который также курировал чекист.

Подводя итоги, отметим, что немецкий оккупационный режим на Северном Кавказе в 1942–1943 гг. отличался своим лояльным характером по отношению к различным существовавшим здесь религиозным обществам. Понятно, что такая политика получила одобрение у значительной части местных жителей. Немецкая оккупационная администрация последовательно и весьма успешно противопоставляла свою разрешительную политику прежней антирелигиозной большевистской пропаганде. Поэтому её попытки привлечь на свою сторону верующее население и священнослужителей во многом увенчались успехом. Вместе с тем следует также подчеркнуть, что, вступая в контакт с оккупантами и проявляя определенную лояльность к ним, Русская Православная Церковь, мусульманское и армянское духовенство, в основном оставались на патриотических позициях и поддерживали свой народ в борьбе против гитлеровских захватчиков.

Статья поступила в редакцию 06.12.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян В. З. Государственная конфессиональная политика в отношении Армянской Апостольской Церкви на Юге России в 1917–1941 гг. Пятигорск: ПГУ, 2017. 160 с.
2. Беликов Г. А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. 151 с.
3. Васильева О. Ю. Особенности религиозной жизни на временно оккупированной территории // Церковь в истории России. Сборник 4. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 226–247.
4. Доронина Н. В. Культурная политика в контексте нацистской пропаганды на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942–1943 гг. // Манускрипт. 2018. № 7. С. 34–38.
5. Записки краеведческого общества на Кавказских Минеральных водах. Вып. XXVIII. Пятигорск: [б.и.], 1996. 231 с.
6. Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 1. Краснодар: Советская Кубань, 2000. 814 с.
7. Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 г. – октябрь 1943 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 492 с.
8. Макарова Е. А. Взаимоотношения государственных органов власти и РПЦ в 1940-е – 1960-е гг. (на материалах Ставропольского края): дис...канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 156 с.
9. Маслова О. Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в советской России в 1920-е годы (на материалах Ставрополья и Терека): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 26 с.
10. Одинцов М. И. Великая Отечественная война (1941–1945) и религиозные организации СССР // Православная энциклопедия. Т. 7. М.: Церковно-научный центр РПЦ, 2004. С. 407–415.
11. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2009. 530 с.
12. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы / сост. В. А. Водолажская, М. И. Кривнева, Н. А. Мельник. Ставрополь: Книжное издательство, 2000. 175 с.
13. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / под ред. С. И. Линца, А. А. Аникеева, Г. И. Кольги. Пятигорск: ПГУ, 2018. 498 с.
14. Филиппов Б. А. Очерки по истории России. XX век. М.: ПСТГУ, 2012. 720 с.
15. Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. Немецкая политика по отношению к Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2002. 528 с.
16. Юнусова А. Б., Азаматов Д. Д. 225 лет Центральному Духовному управлению мусульман России: исторические очерки. Уфа: ГУП РБ УПК, 2013. 400 с.

REFERENCES

1. Akopyan V. Z. *Gosudarstvennaya konfessional'naya politika v otnoshenii Armyanskoi Apostol'skoi Tserkvi na Yuge Rossii v 1917–1941 gg.* [State confessional policy of the Armenian Apostolic Church in the South of Russia in 1917–1941]. Pyatigorsk, PGU Publ., 2017. 160 p.
2. Belikov G. A. *Okkupatsiya. Stavropol'. Avgust 1942 – Janvar' 1943* [Occupation. Stavropol. August 1942 – January 1943]. Stavropol, Fond dukhovnogo prosveshcheniya Publ., 1998. 151 p.

3. Vasil'eva O. Yu. [Features of religious life on the temporarily occupied territory]. In: *Tserkov' v istorii Rossii. Sbornik 4* [Church in the history of Russia. Collection 4]. Moscow, IRI RAN Publ., 2000, pp. 226–247.
4. Doronina N. V. [Cultural policy in the context of Nazi propaganda on the occupied territories of Stavropol and Kuban in 1942–1943.]. In: *Manuskript*, 2018, no. 7, pp. 34–38.
5. *Zapiski kraevedcheskogo obshchestva na Kavkazskikh Mineral'nykh vodakh. Vypusk XXVIII* [Notes of the local history society on the Caucasian Mineral waters. Issue 28.]. Pyatigorsk, unkn. publ., 1996. 231 p.
6. *Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945: rassekrechennye dokumenty. Khronika sobytii. Kn. 1* [Kuban during the Great Patriotic war of 1941–1945: declassified documents. Chronicle of events. Book 1]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban' Publ., 2000. 814 p.
7. Linets S. I. *Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktiabr' 1943 gg.)* [The North Caucasus before and during Nazi occupation: the state and features of development (July 1942 – October 1943)]. Pyatigorsk, PGLU Publ., 2009. 492 p.
8. Makarova E. A. *Vzaimootnosheniya gosudarstvennykh organov vlasti i RPTS v 1940-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Relations between state authorities and the Russian Orthodox Church in the 1940s (based on materials of Stavropol territory): PhD thesis in History]. Stavropol', 2008. 156 p.
9. Maslova O. B. *Likvidatsiya massovoi detskoj besprizornosti v sovetskoj Rossii v 1920-e gody (na materialakh Stavropol'ya i Tereka): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Elimination of mass child homelessness in Soviet Russia in the 1920s (based on materials of Stavropol and Terek territories): abstract of a PhD thesis in History]. Pyatigorsk, 2010. 26 p.
10. Odintsov M. I. [The Great Patriotic War (1941–1945) and religious organizations of the USSR]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 7* [The Orthodox encyclopedia. Vol. 7]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr RPTs Publ., 2004, pp. 407–415.
11. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: sbornik dokumentov, sost. O. Yu. Vasil'eva, I. I. Kudryavtsev, L. A. Lykova* [The Russian Orthodox Church during the great Patriotic War of 1941–1945: collection of documents, comp. by O. Vasilieva, I. Kudryavtsev, L. Lykova]. Moscow, Krutitskoe Patriarshee podvor'e Publ., 2009. 530 p.
12. *Stavropol'e v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii (avgust 1942 – janvar' 1943 gg.): dokumenty i materialy, sost. V. A. Vodolazhskaya, M. I. Kremneva, N. A. Miller* [Stavropol at the time of Nazi occupation (August 1942 – January 1943): documents and materials, comp. by V. Vodolazhskaya, M. Kryvneva, N. Miller]. Stavropol, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2000. 175 p.
13. *Stavropol'skii krai v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.), pod. red. S. I. Lintsa, A. A. Anikeeva, G. I. Kol'gi* [Stavropol Krai during the Great Patriotic War (1941–1945), ed. by S. Linz, A. Anikeev, G. Collge]. Pyatigorsk, PGU Publ., 2018. 498 p.
14. Filippov B. A. *Ocherki po istorii Rossii. XX vek* [Essays on the history of Russia. The 20th century]. Moscow, PSTGU Publ., 2012. 720 p.
15. Shkarovskii M. V. *Natsistskaya Germaniya i Pravoslavnaya Tserkov'. Nemetskaya politika po otnosheniyu k Pravoslavnoi Tserkvi i religioznoe vrozozhdenie na okkupirovannoi territorii SSSR* [Nazi Germany and the Orthodox Church. German policy towards the Orthodox Church and religious revival on the occupied territory of the USSR]. Moscow, Krutitskoe Patriarshee podvor'e Publ., 2002. 528 p.
16. Yunusova A. B., Azamatov D. D. *225 let Tsentral'nomu Dukhovnomu upravleniyu musul'man Rossii: istoricheskie ocherki* [225 years of the Central Spiritual administration of Muslims in Russia: historical sketches]. Ufa, GUP RB UPK Publ., 2013. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Линец Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;
e-mail: linets-history@yandex.ru

Маслова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;
e-mail: maslova69olga@yandex.ru

Рутковская Марина Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;
e-mail: rutkovskayam@List.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei I. Linets – Doctor of Historical sciences, Professor at the Department of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University;
e-mail: linets-history@yandex.ru

Olga B. Maslova – PhD Historical sciences, Associate Professor at the Department of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University;
e-mail: maslova69olga@yandex.ru

Marina V. Rutkovskaya – PhD in Philosophical sciences, Associate Professor at the Department of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University;
e-mail: rutkovskayam@List.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Линец С. И., Маслова О. Б., Рутковская М. В. «Открывайте церкви и мечети!»: немецкий оккупационный режим и религиозные конфессии на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 142–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-142-154

FOR CITATION

Linets S., Maslova O., Rutkovskaya M. “Open Churches and Mosques!”: German Occupation and Religious Confessions in the North Caucasus During the Great Patriotic War (1942–1943). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 142–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-142-154

УДК 711. 4. 01

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-155-159

ХРУЩЁВСКИЕ ДОМА-КОММУНЫ В 1960-е ГОДЫ

Горлов В. Н.*Московский институт государственного управления и права
115487, г. Москва, ул. Садовники, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается роль и место жилого комплекса с развитыми формами общественного обслуживания в период хрущёвской «оттепели». Автор анализирует идею Дома нового быта, утопизм принципа перестройки быта в период развернутого строительства коммунизма. Автор изучает поиски новых типов коллективного жилища, разработки принципов группового расселения, проблемы бытовой инфраструктуры. Один из сюжетов статьи – коллективистские формы воспитания советских людей, коммунистические нормы повседневной жизни.

Ключевые слова: строительство коммунизма в СССР, жилищное строительство, Дом-комплекс, общественное обслуживание, досуг.

KHRUSHCHEV HOUSE-COMMUNES IN THE 1960S

V. Gorlov*Moscow Institute of State Management and Law
2 ul. Sadovniki, Moscow 115487, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the role and place of residential complexes with developed forms of public services during the period of the Khrushchev Thaw. The author analyzes the idea of a “house of the new life”, a utopian principle of changing living conditions in the period of extensive communism development. The article covers the following points: the search for new types of communal housing, the development of group resettlement principles, the problems of household infrastructure. The author also examines the collectivist forms of education of the Soviet people, as well as the communist norms of everyday life.

Keywords: building communism in the USSR, housing development, residential complex, public services, leisure.

Архитекторы и социологи в период хрущёвской «оттепели» поставили задачу создать тип жилища, способствующий формированию нового коммунистического быта. В 1960 г. на международном конкурсе на проект дома-комплекса в Юго-Западном районе Москвы было представлено около 20 проектов. Коллектив мастерской № 3 МИТЭП под руководством Н. Остермана разработал в качестве основного типа застройки проект жилого комплекса с развитыми формами общественного обслуживания, так называемый «Дом нового быта» (ДНБ), в 10-м квартале Новых Черемушек в Москве.

В начале 1960-х гг., на том историческом этапе, когда СССР переходил от социализма к коммунизму, шли поиски социальных принципов организации коммунистического быта и жилья. Коллектив мастерской искал решение проекта дома нового типа, которое соответствовало бы периоду развернутого строительства коммунистического общества в советской стране. Вполне понятно, что в основу проектирования в качестве руководящего документа была положена Программа КПСС. Дом нового быта представлял собой экспериментальный жилой дом, который по организации быта, оборудованию, планировке должен был отвечать указаниям Программы КПСС в области воспитания, образования, культуры. Проект ДНБ был направлен на утверждение коммунистической морали, на преобразование сознания строителей коммунизма в духе коллективизма, на активизацию общественно-политической жизни советских граждан.

В СССР время от времени существовала тенденция – коллективизация быта. Движение по созданию домов с общественным обслуживанием возродилось в СССР в начале 1960-х гг. Уже давно существовала потребность в создании жилых домов с обслуживанием. Они стали своеобразным экспериментом-полигоном усложнения функциональной структуры жилища, организации работы с гражданами по месту жительства. Дома предстояло построить не совсем обычные, а приспособленные для общения соседей между собой.

К разработке экспериментального проекта ДНБ привлекли психологов, философов, экономистов, статистиков, специалистов в области здраво-

охранения, спорта, организации общественного питания, работы с детьми, юристов, педагогов и др.

При двух 16-этажных жилых корпусах на 812 квартир общая численность населения Дома нового быта в количестве 2,5 тыс. человек считалась приемлемой. Комплекс включал зал универсального назначения, который использовался как для культурно-массовых мероприятий, так и для физкультуры и спорта. Архитекторы должны были учитывать указание Программы КПСС о необходимости охвата занятиями физкультурой и спортом всех советских граждан. Были запроектированы поэтажные столовые с кухнями-догоотовочными. Для обеспечения всех проживающих полным рационом в блоке обслуживания расположили центральную кухню с подсобными помещениями. В ДНБ квартиры имели только ниши и были лишены кухонь. Центральный пищевой блок с кухней был рассчитан на приготовление ежедневно 14 тыс. блюд. В ДНБ проектировались кафе-столовая на 150-200 мест, бар-буфет, а также помещения для проведения семейных праздников и вечеров. На каждом жилом этаже для общего пользования были спроектированы телевизионный холл, гостиные, хозяйственные комнаты [1].

Комплекс строился пять лет, на всех его этажах находились помещения культурно-бытового, торгово-бытового и спортивно-оздоровительного назначения. Комплекс создавался для обеспечения организованного досуга детей, организации взаимопомощи между молодыми родителями. В состав Дома нового быта были включены помещения для творческой деятельности и общения взрослых и детей. Это

были залы для детских игр, для спорта, самодеятельности, авиамodelьные, радиолюбительские и другие кружки по интересам. Центральное место занял корпус обслуживания, где главную часть отвели кухне и столовой.

Многих архитекторов волновал вопрос – какими станут дома к тому времени, когда СССР завершит свой исторический переход от социализма к коммунизму? Поэтому не случайно в 1960-е гг. появились многочисленные статьи, проектные предложения, теоретические работы, посвященные проблеме жилища будущего: какие должны быть там квартиры, как они будут связаны с системой общественного обслуживания. Существовала тесная связь архитектурных предложений с кругом представлений социологов о будущем коммунистическом быте. Дом нового быта был наиболее продуманным домом с развитым обслуживанием. Архитекторы считали, что навыки коллективизма сформируются, когда жильцы будут связаны общей системой обобщественного разностороннего обслуживания, в первую очередь – общими пунктами питания. В Доме нового быта было устроено почти всё: и широкие коридоры, и обеденные залы на каждом этаже, и гостиные с телевизорами. Однако случилось непредвиденное. Семьи, которым предлагали поселиться в ДНБ, вдруг стали отказываться въезжать в него. Анализируя этот факт, социолог А. Кирюшин справедливо отметил, что в то время сработал «синдром, связанный с опытом жизни людей в коммунальных квартирах, боязнь повторения нравов коммунальной кухни»¹.

¹ Молодежные жилые комплексы // Советская Россия. 1985. 15 марта.

В первую очередь ДНБ необходимо рассматривать как политическое явление. Важной особенностью ДНБ была социальная основа их создания. Методологическая основа концепции ДНБ вполне соответствовала периоду правления Н. С. Хрущёва, данному историческому периоду развития СССР, идея «дома нового быта» базировалась на концепции развернутого строительства коммунизма. В проекте ДНБ Н. Остермана схема общественного самоуправления была следующей: «Всей работой в период между конференциями членов Союза руководство осуществляет Совет Дома нового быта, исполнительный и контрольный комитет» [2, с. 32].

В хрущёвскую «оттепель» считалось, что все советские люди в будущем предпочтут жить в домах, в которых на коллективной основе обеспечивается культурно-бытовое обслуживание. Архитекторам предписывалось шире развёртывать строительство таких домов, в первую очередь для одиночек из молодежи и малосемейных.

В начале 1960-х гг. шли поиски социальных принципов организации коммунистического быта. Общественный комплекс помещений, на базе которого организовывался досуг, должен был создать благоприятные условия для активного общения семей, для развития коллективизма как одной из самых характерных особенностей коммунистического общества. В хрущёвскую «оттепель» считалось, что с организацией общественного досуга в сочетании с индивидуальным, с развитием коллективистских форм воспитания детей в сочетании с семейными – дома-комплексы станут основой создания самоуправляющихся коммунистических

коллективов, где эти функции будут протекать в более совершенном виде. Переход к коллективистическому быту положительно и непосредственно должен был отразиться как на росте национального дохода государства, так и на росте материального благосостояния советских граждан.

Внимание советских архитекторов начали привлекать комплексы с развитым общественным обслуживанием. Были утверждены проекты жилых комплексов с обслуживанием для строительства в Москве, Баку, Норильске, в Якутии. Интерес к этим домам возрастал. Авторы проектов учитывали положительное влияние, оказываемое на производственную деятельность советского человека его культурным ростом, который стимулировался схемой обслуживания домов-комплексов.

ДНБ состоял из объектов культурно-бытового, социального, хозяйственного и спортивного назначения, предназначенных для проживания молодых рабочих и служащих. ДНБ практически должен был содействовать совершенствованию социальной сферы нашего общества. Возникновение потребности в советском обществе в Домах нового быта следует искать именно в этом. Молодые семьи испытывали бытовые перегрузки, что часто вело к дефициту свободного времени родителей, недостаткам в воспитании детей, к семейным конфликтам, снижению рождаемости.

Советская власть стремилась создать социально активную форму существования человека по месту жительства. Идея основных положений концепции Дома нового быта выросла из идей коммунистического переустройства быта. Предполагали, что на-

выки коллективизма сформируются в Доме нового быта оттого, что жильцы будут связаны единой, общей системой разностороннего обобществленного обслуживания.

Идея дома Н. Остермана не выдержала проверки на практике. После неудачи этого эксперимента ДНБ отдали под общежитие аспирантов и стажеров МГУ. Чем же объяснить неудачу этого эксперимента? Оказалось, что объем учреждений обслуживания на одного жителя ДНБ в несколько раз превосходил общепринятые нормативы для микрорайонов. Эксплуатационные и строительные расходы по Дому нового быта были чрезмерно велики, а для обслуживания жителей ДНБ требовалось содержать огромный персонал. Ошибка состояла тогда в извращенном толковании путей и социальных предпосылок формирования нового быта, в стремлении заскочить вперед, обобществить практически все бытовые функции.

Политбюро ЦК КПСС поддержало социальный эксперимент, который был ориентирован на организацию коллектива по месту жительства. Этот эксперимент мог породить новую форму отношения между будущими жителями. Комплекс становился примером градостроительного объекта многофункционального назначения. Это была потребность времени, которая шла не только от архитекторов, но и от людей.

Движение Домов нового быта должно было способствовать укреплению семей, сокращению текучести кадров на производстве, увеличению объемов объектов социального назначения. Движение Домов нового быта, конечно, было заметным явлением в социальной жизни советского

города. Можно смело утверждать, что ДНБ хотели создать специфическую социокультурную общность по месту жительства благодаря достижению позитивно эмоционально окрашенного социально-психологического фона со-

седского взаимодействия. Это, скорее всего, было главным планом социального эксперимента, та цель, которую планировали осуществить.

Статья поступила в редакцию 31.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинников А. А. Жилище будущего // Советская архитектура. 1964. № 16. С. 19.
2. Остерман Н. А., Петрушкова А. В. Жилой дом-комплекс с общественным обслуживанием // Архитектура СССР. 1965. № 7. С. 13–37.

REFERENCES

1. Ovchinnikov A. A. [Home of the future]. In: *Sovetskaya arkhitektura*, 1964, no. 16, pp. 19.
2. Osterman N. A., Petrushkova A. V. [A residential complex with public services]. In: *Arkhitektura SSSR*, 1965, no. 7, pp. 13–37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института государственного управления и права;

e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – D. in Historical sciences, professor at the Department of humanities and natural sciences, Moscow Institute of State Management and Law;

e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. Хрущёвские дома-коммуны в 1960-е годы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 155–159.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-155-159

FOR CITATION

Gorlov V. Khrushchev House-Communes in the 1960s. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 155–159.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-155-159

УДК 94(47) "1920/1990"

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-160-170

ОТ «ШКОЛЫ МУЖЕСТВА» К ИСТОЧНИКУ ЗДОРОВЬЯ И РАДОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ЛЫЖНОГО ТУРИЗМА В СССР

Попов А. Д.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, Республика Крым,
д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. В статье охарактеризована эволюция лыжных практик, характерных для Советского Союза в зимний период и связанных с туристско-рекреационной деятельностью. Для этого были выявлены важнейшие материалы на данную тему в общесоюзной периодике (главным образом в специализированных журналах для туристов) и осуществлен их дискурсивный анализ. Акцентируя внимание на материалах публичного дискурса, автор выявляет политические, военно-спортивные, рекреационные (оздоровительные), социокультурные, досуговые функции лыжного туризма с 1920-х до конца 1980-х гг., а также констатирует изменение их значимости для государственной власти и общественной жизни на разных этапах советской истории. В результате делается вывод о постепенном снижении степени политизации и милитаризации лыжного туризма, ослаблении его коллективистского начала и маскулинности в позднесоветский период. Исследование данного вопроса дает возможность через призму сезонных досуговых практик конкретизировать теоретические обобщения, связанные с взаимоотношениями власти и общества в СССР на разных этапах советской истории.

Ключевые слова: зимний туризм, лыжный туризм, сезонные аттракции, досуг, рекреация, милитаризация, СССР.

FROM "THE SCHOOL OF COURAGE" TO THE SOURCE OF HEALTH AND JOY: EVOLUTION OF SKI TOURISM IN THE USSR

A. Popov

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russian Federation*

Abstract. The article characterizes the evolution of ski activities, which were popular among people in the Soviet Union during the winter period and related to recreational tourism. For this purpose, key materials on the subject selected among all-union periodical publications (mainly in specialized tourist magazines) were reviewed using the method of discourse analysis. By focusing on public discourse materials, the author distinguishes political, military and sports, recreational (health-improving), sociocultural and leisure functions of ski tourism for the period from the 1920s until the end of the 1980s. It is pointed out that the importance of these functions for the government and public life varied at different stages of the Soviet Union

history. The author concludes that the extent of politicization and militarization of ski tourism was gradually decreasing; its collectivist nature and masculinity during the late Soviet period were diminishing. From the perspective of seasonal leisure activities, the study enables concretization of theoretical generalizations pertaining to the relationship between the state and the society in the USSR at different historical stages.

Keywords: winter tourism, ski tourism, seasonal attraction, leisure, recreation, militarization, USSR.

В 2000-е гг. появилось несколько значимых работ отечественных и западных историков, посвященных феномену внутреннего туризма и рекреационной деятельности в Советском Союзе [8; 10; 14–17]. Обычно тематика такого рода исследований определяется хронологическими, географическими и/или институциональными рамками. Но в данной работе хотелось бы впервые рассмотреть историческую ретроспективу развития одного из сезонных видов туризма. Речь идет о зимнем лыжном туризме, который являлся квинтэссенцией активности советских граждан в холодное и снежное время года. Однако его сущность со второй половины 1920-х гг. до конца 1980-х гг. претерпела серьезные изменения, настолько значимые, насколько за это время изменилось само советское общество, что подтверждают материалы дискурсивного анализа публикаций на данную тему в общесоюзной периодике (главным образом в специализированных журналах «На суше и на море», «Турист», «Турист-активист»). Исследование данного вопроса дает возможность через призму сезонных досуговых практик конкретизировать теоретические обобщения, связанные с взаимоотношениями власти и общества в СССР на разных этапах советской истории.

Советская зимняя повседневность неразрывно связана с лыжами. В 1923 г.,

вскоре после установления советской власти, в СССР было произведено всего 7 тысяч пар лыж, изготовленных в кустарных мастерских¹. Однако во второй половине 1930-х гг. ежегодный выпуск лыж в стране уже составлял более 1,8 млн пар, а в 1970–1980-е гг. этот показатель достиг 5 млн пар в год². До войны лучшей считалась открытая в 1931 г. Петрозаводская лыжная фабрика, на которой работало несколько иностранных мастеров из стран Скандинавии³. В послевоенный период наибольшие объемы производства имели лыжные комбинаты в Кирове, Мукачево и Таллине⁴. На протяжении всего советского периода лыжи оставались основным атрибутом зимнего туризма. Они намного превосходили по своей популярности не только архаичные зимние средства передвижения (конные сани, олени и собачьи упряжки), но и новейшие образцы научно-технического прогресса (аэросани, мотонарты, снегоходы). Изготовленные,

¹ Развитие лыжного спорта в СССР [электронный ресурс]. URL: <http://www.fizsport.ru/story-lyzhnogo-sport/razvitie-lyzhnogo-sporta-v-sssr> (дата обращения: 15.12.2018).

² Там же.

³ В 1920–1930-е гг. скандинавское влияние ощущалось даже в языке советских лыжников. Например, специальные лыжные ботинки назывались «пъексы» (финск. *pieksu*), большое распространение получили широкие лыжи финского типа «Муртомаа» (финск. *murtoma*).

⁴ От «Малютки» до «России» // Огонек. 1973. № 9. С. 32–33.

как правило, из дерева, лыжи были в меру традиционны и в меру современны, служили как для работы, так и для отдыха, использовались представителями практически всех социально-демографических групп населения.

Массовое распространение лыж в СССР во многом была обусловлено природно-климатическими условиями – продолжительным периодом минусовых температур и устойчивым снежным покровом на большей части территории страны. Но значительную роль в их популярности сыграли также общественно-политические, экономические и социокультурные факторы. При этом характер и функции лыжных практик эволюционировали, демонстрируя зависимость от исторических трансформаций советского общества. Массовое распространение лыжных практик в 1930-е гг. было связано с деятельностью Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). Пролетарский туризм эпохи первых пятилеток не имел своей целью отдых или удовольствие. Он требовал от человека значительных усилий (труда, выдержки, сосредоточенности), направленных как на преобразование окружающей действительности, так и на изменение внутреннего мира самих участников туристских походов [см.: 8; 9]. Выдвинутая в этот период концепция туризма как «школы мужества» предусматривала как физическое развитие потенциальных бойцов, так и совершенствование их морально-психологических качеств. Поэтому активисты ОПТЭ обратили особое внимание на зимние лыжные походы и высокогорные альпинистские восхождения. При этом лыжный туризм

имел гораздо больший потенциал для массового развития, нежели альпинизм. С географической точки зрения он мог осуществляться на большей части территории СССР. Ходьба на лыжах и раньше была распространена среди значительной части жителей страны. В целом обучение лыжника занимало гораздо меньше сил и времени, чем подготовка альпиниста, а лыжное снаряжение стоило дешевле альпинистского. Неудивительно, что с первых лет существования пролетарского туризма был выдвинут лозунг: «Все туристы – на лыжи!»¹.

Зимний туризм в период деятельности ОПТЭ осуществлялся в двух основных формах – однодневные лыжные поездки («вылазки») и многодневные лыжные походы. Лыжные «вылазки» для посещения ближних окрестностей совершались преимущественно в выходные дни. Они были очень важны для тренировки начинающих лыжников, не имевших большого опыта, а также для проверки лыж и остального снаряжения. Именно эта форма работы могла охватить наибольшее количество пролетарских туристов, поэтому в начале 1930-х гг. появился лозунг: «Ни одного зимнего выходного дня без лыжных вылазок!»². Зимой 1932–1933 гг. в рамках массовой кампании «За образцовую лыжную зиму» Центральный совет ОПТЭ призвал обучить навыкам хождения на лыжах не менее 3 млн. пролетарских туристов. Для популяризации этой инициативы по всей стране были организованы многочисленные

¹ Черепов И. На лыжи! // На суше и на море. 1932. № 28/30. С. 16.

² Блинов Ю. Ни одного выходного дня без лыжных вылазок // На суше и на море. 1933. № 18. С. 9.

зимние праздники, лыжные эстафеты, «лыжные дни» на промышленных предприятиях¹.

Многодневные походы на лыжах совершались опытными лыжниками во время отпусков, если они приходились на холодную пору года. В довоенный период наиболее популярными районами для совершения таких многодневных походов являлись Советская Карелия и Мурманский край, Урал и Северный Кавказ². Путешествия туристов-лыжников в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. чаще всего были направлены на усовершенствование техники передвижения на лыжах (спортивные и учебно-тренировочные походы), выработку других военно-прикладных навыков (военизированные походы), а также проведение общественно полезной работы в пути (агитационные походы, походы по обмену производственным опытом) [12, с. 16–18].

Зимний туризм в сталинский период ощутил на себе сильное влияние массовой милитаризации. Участники военизированных лыжных походов под руководством кадровых офицеров устраивали походные лагеря армейского типа, упражнялись в стрельбе, изучали основы маскировки и ориентирования на местности в зимних условиях. Для отработки таких навыков туристы получали малокалиберные винтовки и средства химической защиты³. В 1931 г. Центральный совет ОПТЭ объявил конкурс на лучшее проведение лыжного военизирован-

ного похода протяженностью не менее 25 км. В его программу обязательно надо было включить такие элементы, как транспортировка по снегу пулеметной установки, ориентирование на местности в темное время суток, применение полевых средств связи, метание учебных гранат, использование зимней маскировки⁴. Стремление воспитать потенциального бойца-патриота, сильного духом и телом «нового советского человека», сближало деятельность ОПТЭ с военизированными практиками Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ) – ещё одной массовой советской общественной организации сталинского периода [подробнее см.: 6]. Как ОСОАВИАХИМ, так и ОПТЭ ставили одной из важнейших задач своей деятельности формирование патриотизма в его советской версии, предусматривавшей любовь к общей социалистической Родине без акцента на национально-этническую принадлежность [2, с. 13].

Другой важной задачей лыжного туризма конца 1920-х–1930-х гг. стало обеспечение «смычки» между городом и деревней. Это нашло свое отражение в таких лозунгах пролетарских туристов: «На лыжах понесем культуру в колхозы и совхозы!», «Лыжами свяжем наши “медвежьи” углы с городом!», «На лыжах – в бой за культурную революцию!» [12, с. 16].

В 1936 г. ОПТЭ было ликвидировано, однако основные задачи зимних путешествий продолжали оставаться неизменными до окончания сталин-

¹ Каждый турист должен уметь ходить на лыжах // Турист-активист. 1932. № 11/12. С. 14.

² Зимние маршруты // На суше и на море. 1931. № 33/34. С. 18.

³ Черепов И. Лыжные военно-испытательные походы // На суше и на море. 1933. № 4. С. 14.

⁴ Конкурс на лучшее проведение лыжного военизированного похода // Турист-активист. 1931. № 3. С. 11.

ского периода. Вот, например, что писал один из авторов газеты «Правда» в декабре 1940 г.: «Зимний туризм – дальние и близкие, кратковременные и многодневные походы на лыжах – так же увлекателен и полезен, как и летние путешествия. Турист, совершающий даже небольшую зимнюю прогулку, укрепляет здоровье, тренирует мышцы, получает много навыков, которые пригодятся ему и в мирное, и в военное время»¹.

В 1960–1980-е гг. Советский Союз переживал настоящий «туристский бум». Если в 1970 г. в стране было обслужено 9,8 млн. участников туристских путешествий по путевкам, то в 1975 г. их количество составило 25,4 млн. чел., в 1982 г. – 34,1 млн. чел., в 1990 г. – 40,2 млн. чел. [1, с. 27; 4, с. 10]. Соответственно возрастало и число участников зимних путешествий. Например, за декабрь 1985 – февраль 1986 гг. было обслужено около 13,4 млн. туристов². Любители зимних путешествий могли выбрать «...лыжню в замороженных лесах Карелии, Урала, Средней полосы России или слаломные трассы Кавказа, Тянь-Шаня, Карпат, Хибин, Сахалина...»³. Стоимость путевки на лыжный маршрут протяженностью 14–18 дней была достаточно доступна и составляла 60–120 руб.⁴, причем основная часть этих средств оплачивалась профсоюзной организацией предприятия.

¹ На лыжах – в туристский поход // Правда. 1940. 11 декабря.

² Зима – пора отпускная // Правда. 1986. 8 января.

³ Зима вступает в права // Турист. 1982. № 11. С. 4.

⁴ Туристские маршруты / Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС: справочник. М.: Профиздат, 1980. С. 7–8, 11–12, 24, 26.

В начале 1960-х гг. был выдвинут тезис о том, что «зимний отдых нуждается в безукоризненной организации, в гармоничном сочетании снежного простора и домашнего уюта»⁵. Однако на практике уровень комфорта во время совершения зимних путешествий часто оставлял желать лучшего, как и в целом уровень советского туристского сервиса [см.: 3]. Во время совершения таких походов туристам-лыжникам зачастую предлагался ночлег в примитивных туристских приютах – деревянных избах, где им приходилось самим отапливать помещение дровами и готовить пищу на костре. Кроме того, такие путешествия требовали значительного напряжения физических и психологических сил. Например, 14-дневный туристский маршрут местного значения «По Северной тайге» из Архангельска, в том числе, включал 8-дневный лыжный поход 2-й категории сложности общей протяженностью 160 км⁶.

Специфической формой туризма по путевкам являлись также путешествия на зимних поездах выходного дня, которые отправлялись из многих крупных городов страны. Каждый туристский поезд вмещал 400–600 любителей активного зимнего отдыха, являясь для них и транспортным средством, и местом ночлега, и местом организации питания (здесь был вагон-ресторан или вагон-буфет). Например, поезд «Горный» в зимний период отправлялся каждые выходные дни из Новосибирска, туристские поезда «Снежинка» курсировали из Барнаула и Тюмени.

⁵ Виктор В. «Маршрутники» и «радикулисты» // Огонек. 1962. № 7. С. 28–29.

⁶ Стрельникова М. Любителям северной экзотики // Турист. 1988. № 1. С. 20.

Истоки горнолыжного спорта в СССР восходят ещё к эпохе пролетарского туризма. Так, в феврале 1931 г. лыжная секция Центрального совета ОПТЭ организовала первый зимний поход через горные перевалы Кавказа¹. Однако катание на горных лыжах в Советском Союзе так и осталось элитарным, а не массовым занятием. Сооружение комфортабельных объектов в горах Кавказской гряды и Карпатах требовало значительных финансовых затрат, увеличивавшихся также из-за необходимости прокладывать спусковые лыжные трассы, сооружать подъемники, канатно-карусельные и буксировочные дороги для туристов-лыжников. Несмотря на стремительный рост популярности горнолыжного туризма, развитие соответствующей материально-технической базы осуществлялось недостаточно интенсивно. Согласно данным социологических исследований, проводившихся в первой половине 1980-х гг., спрос на зимние путевки в самые популярные среди советских горнолыжников районы (Бакуриани, Домбай, Приэльбрусье, Карпаты) примерно в 20 раз превышал их предложение туристскими организациями².

В 1960–1980-е гг. Кавказские горы остались излюбленным местом советских горнолыжников. К лыжам советского производства многие из них относились критически, и даже иностранные лыжи из социалистических стран считались не очень престижными. «Хочешь сделать другу гадость – подари ему ты “Mladost”», – шуточно

обыгрывалось название марки горных лыж болгарского производства. В то же время огромное уважение и даже зависть вызывали обладатели лыж и горнолыжной экипировки известных западных марок, таких как «Fischer», «Leki», «Kästle», «K2 Race», «Salomon»: «Если крикнет рать святая / Брось “K2”, живи в раю, / Я скажу – не надо рая, / Дайте лыжину мою!»³.

Лыжи западных торговых марок, чаще всего уже бывшие в употреблении, привозилась из достаточно редких поездок за границу либо самими любителями лыжного спорта, либо их знакомыми «под заказ». Во многих городах страны действовали импровизированные «лыжные барахолки», ассортимент которых был заметно богаче, нежели в магазинах «Спорттовары». Например, в Москве такая барахолка находилась на ул. Сайкина (метро «Автозаводская»). Среди советских горнолыжников периода развитого социализма также сформировалась устойчивая мода на эффектную зарубежную спортивную экипировку – яркие лыжные комбинезоны, фирменные солнцезащитные очки, пластиковые горнолыжные ботинки с клипсами. Все это подтверждает выводы антрополога А. Юрчака о преимущественно демонстрационном характере потребления брендовых западных вещей в позднем СССР [13, с. 386–394].

В постсталинский период образ врага в виде иностранного интервента или изменника Родины практически утратил свою актуальность, а мобилизационная логика советского туризма пережила интересную трансформа-

¹ Жемчужников А. Туристы – на горные лыжи // На суше и на море. 1933. № 2. С. 7.

² В поисках Снежного моря // Турист. 1985. № 2. С. 17.

³ Ski folk. Кричалки [электронный ресурс]. URL: <http://psych.chat.ru/s0010.html> (дата обращения: 15.12.2018).

цию. Зимние путешествия и походы стали служить для борьбы с новыми, абстрактными «врагами» – болезнями, стрессами, ленью, скукой. Социально-экономическим драйвером для такой трансформации стал продолжающийся в СССР процесс урбанизации, в результате которого всё больше советских людей ощущали на себе негативные последствия гиподинамии, стрессовых ситуаций, хронической усталости.

Маршруты туристов-лыжников в 1960–1980-е гг. всё чаще стали называть «трассами здоровья». Популярные статьи тех лет наполнены аргументами, призванными убедить читателя в чудодейственной лечебной силе зимнего спорта и туризма. С одной стороны, в них подчеркивался общий оздоровительный эффект зимних аттракций: «Лыжные походы – эликсир бодрости для всех!», «Зимний туризм – прекрасный витамин здоровья»¹. С другой стороны, акцентировалось внимание на решении конкретных проблем со здоровьем: «Лыжный туризм – одно из самых действенных и надежных средств развития выносливости сердечной мышцы...» [5, с. 3–4], «Морозный воздух – чудесный напиток для легких», «Лыжный поход – лучшее лекарство для уставшей нервной системы»².

28 февраля 1982 г. по инициативе газеты «Советский спорт» был впервые проведен Всесоюзный день лыжника, во время которого по всей стране в зимних спортивных стартах одновременно приняло участие около 10 млн. человек. Призывая граждан СССР

принять участие в этом массовом мероприятии, газета «Советский спорт» писала: «Пусть в этот день миллионы лыжных дорог, проложенных каждым, сольются в одну большую снежную дорогу здоровья, протянувшуюся от Тихого океана до западных окраин нашей Родины»³.

Массовость советского зимнего туризма эпохи «застоя» стала одной из причин снижения его маскулинности. Теперь в самостоятельных лыжных походах принимало участие большое количество женщин и детей, что заметно смягчило эмоционально-психологический климат в туристских группах. Уже не вызывала удивления ситуация, когда в зимнее время штурмовать горные перевалы отправлялась группа, где число женщин вдвое превышало число мужчин⁴. Рекомендовалось приобщать детей к лыжам уже в возрасте 2–3 лет, а в 5–6-летнем возрасте уже привлекать к участию в лыжных походах выходного дня на расстояние 8–10 км. Семейную сущность зимнего туризма в новых условиях хорошо передает такая цитата из журнала «Турист»: «Лучше, когда на лыжах с ребенком идут оба родителя. Тогда папа играет роль тягловой силы, а мама следит, чтобы малыш не мерз, своевременно стряхивает с него налипший снег, меняет отсыревшие рукавицы на сухие, кормит, развлекает»⁵.

Новый зимний туризм позднесоветского периода все меньше нуждался в опеке со стороны государства и подконтрольных ему структур (турист-

¹ Зима вступает в права // Турист. 1982. № 11. С. 4.

² Сергеев В. Плюсы морозных дней // Турист. 1982. № 11. С. 21.

³ Выходи, товарищ, на старт! // Советский спорт. 1982. 26 февраля.

⁴ Акселевич А. Если начнется пурга // Турист. 1982. № 1. С. 29.

⁵ Калашников О. Семейный эксперимент // Турист. 1975. № 2. С. 20.

ских организаций, обществ, клубов). С начала 1960-х гг. в СССР получает значительное распространение неорганизованный («дикий») туризм, тяготевший к полной самоорганизации. Советские «дикие» туристы обычно ассоциируются с приморским летним отдыхом в Крыму или на Черноморском побережье Кавказа [подробнее см.: 10; 17, р. 281–304], однако этот социальный феномен существовал и в зимнем варианте. В окрестностях практически любого советского города в холодное время года наблюдалось стихийное освоение «малых гор» – покрытых снегом склонов гор, холмов и оврагов, пригодных для катания на лыжах и санках. В выходные, праздничные и каникулярные дни такие места становились местом притяжения для многочисленных туристов-лыжников из близлежащих городов. Например, в Москве и её окрестностях «малые горы» активно использовались лыжниками-любителями на Ленинских горах, в Крылатском, Сходне, Подрезникове, Яхrome, в районе железнодорожной станции «Турист» Савёловского направления железной дороги¹.

Изменяются и визуальные презентации советского зимнего туризма. Сурового мужчину-лыжника в форме военного или полувоенного образца вытесняет яркий и элегантный образ женщины-лыжницы. Пример такого образа, соответствующего новым ипостасям зимнего туризма, можно увидеть в советском мультфильме «Зима в Простоквашино» (1984). Мама главного героя мультфильма, одетая в лыжный костюм, исполняет на фоне новогодней ёлки веселую песню о зимних

аттракциях: «Кабы не было зимы / В городах и селах / Никогда б не знали мы / Этих дней веселых»². Эти полные оптимизма строки можно считать гимном нового зимнего туризма последнего советского десятилетия, который уже перестал быть «школой мужества», по-прежнему оставался «эликсиром здоровья», но при этом всё больше напоминал «народную забаву». Здоровье, радость и общение с близкими людьми (членами семьи и друзьями) стали определяющими ценностями для зимнего туризма в СССР, а стремление власти придать ему полезное обществу значение становилось все более формальным. Примечательно, что имевшие ярко выраженное гедонистическое содержание развлекательные зимние аттракции в 1960–1980-е гг. приобретают все большее значение и в советском иностранном (въездном) туризме [см.: 7, с. 385–392; 11].

На фоне столь значительных изменений внешней формы и внутреннего содержания лыжных практик сезонно-климатический фактор (повторяющаяся из года в год холодная и снежная зима) оставался единственной константой, не зависящей от воли отдельных индивидов и государства в целом. Эта природная константа оставалась неизменной и в годы сталинской мобилизации, и в эпоху либеральной романтики «оттепели», и в поздний советский период. Ежегодно актуализировавшаяся необходимость «приручения» снежной стихии посредством лыжных практик позволяла советской власти стимулировать общественную, физическую и эмоциональную активность граждан СССР в продолжи-

¹ В поисках Снежногогорья // Турист. 1985. № 2. С. 17–19.

² Автор музыки Е. Крылатов, автор текста Ю. Энтин.

тельное холодное время года. Однако в исторической ретроспективе развитие советского зимнего туризма имело сложную, «петляющую» траекторию и включало слишком много индиви-

дуальных и коллективных стратегий, чтобы ими можно было легко и эффективно управлять.

Статья поступила в редакцию 19.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Абуков А. Х. Туризм на новом этапе: Социальные аспекты развития туризма в СССР. М.: Профиздат, 1983. 295 с.
2. Багдасарян В. Э. Методологические основания патриотического воспитания: патриотизм и идеология // Актуальные проблемы истории России: Сб. науч. трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 12–25.
3. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Катагощина М. В. и др. История сервиса: учебное пособие / 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 336 с.
4. Квартальнов В. А. Туризм, экскурсии, обмены: современная практика. М.: Наука, 1993. 416 с.
5. Лукоянов П. И. Зимние спортивные походы / 2-е изд. М.: Физкультура и спорт, 1988. 192 с.
6. Никонова О. Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М.: Новый хронограф, 2010. 488 с.
7. Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». See USSR! Иностранные туристы и призрак потемкинских деревень. М.: Высшая школа экономики, 2018. 485 с.
8. Орлов И. Б., Юрчикова Е. В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН, 2010. 224 с.
9. Попов А. Д. Деятельность в Крыму Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (1930–1936) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: История. 2003. № 16. Ч. 2. С. 54–63.
10. Попов А. Д. «Мы ищем то, чего не теряли»: советские «дикари» в поисках места под солнцем // Ab Imperio. 2012. № 2. С. 261–298.
11. Попов А. Д. На тройке с бубенцами в светлое будущее: фестиваль «Русская зима» как советский туристический бренд // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. Т. 4, № 3. С. 72–84.
12. Тарасов-Каслинский А. А. Лыжи в СССР / 2-е изд. Москва-Ленинград: Физкультура и туризм, 1932. 156 с.
13. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
14. Gorsuch A. All This is Your World: Soviet Tourist at Home and Abroad after Stalin. New York: Oxford University Press, 2011. 222 p.
15. Koenker D. Club Red. Vacation Travel and the Soviet Dream. Ithaca: Cornell University Press, 2013. 307 p.
16. Koenker D. Whose Right to Rest? Contesting the Family Vacation in the Postwar Soviet Union // Comparative Studies in Society and History. 2009. № 2. P. 401–425.
17. Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism / Eds. A. Gorsuch, D. Koenker. Ithaca: Cornell University Press, 2006. 313 p.

REFERENCES

1. Abukov A. Kh. *Turizm na novom etape: Sotsial'nye aspekty razvitiya turizma v SSSR* [The new stage of tourism: social aspects of tourism development in the USSR]. Moscow, Profizdat Publ., 1983. 295 p.

2. Bagdasaryan V. E. [Methodological base of Patriotic education of patriotism and ideology]. In: *Aktual'nye problemy istorii Rossii: Sb. nauch. trudov* [Relevant issues of the history of Russia: a collection of scientific works]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2018. pp. 12–25.
3. Bagdasaryan V. E., Orlov I. B., Katagoshchina M. V. et al. *Istoriya servisa: uchebnoe posobie* [History of service: study guide]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 336 p.
4. Kvartal'nov V. A. *Turizm, ekskursii, obmeny: sovremennaya praktika* [Tourism, excursions and exchanges: current practice]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 416 p.
5. Lukoyanov P. I. *Zimnie sportivnye pokhody* [Winter Hiking]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1988. 192 p.
6. Nikonova O. Yu. *Vospitanie patriotov: Osoaviakhim i voennaya podgotovka naseleniya v ural'skoi provintsii (1927–1941 gg.)* [Teaching patriotism: OSSOAWIACHIM and the military training of the population in the Ural province (1927–1941)]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2010. 488 p.
7. Orlov I. B., Popov A. D. *Skvoz' «zheleznyi zhanaves»*. See *USSR! Inostrannye turisty i prizraki potemkinskikh dereven'* [Through the “iron curtain”. See USSR! Foreign tourists and the vestiges of Potemkin villages]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2018. 485 p.
8. Orlov I. B., Yurchikova E. V. *Massovyi turizm v stalinskoj povsednevnosti* [Mass tourism at the Stalin's time]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 224 p.
9. Popov A. D. [Activities in the Crimea of the all-Union voluntary society of proletarian tourism and excursions (1930–1936)]. In: *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoriya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Taurida National University], 2003, no. 16, part 2, pp. 54–63.
10. Popov A. D. [“We are looking for something that was not lost: Soviet “barbarians” in search of a place in the sun]. In: *Ab Imperio*, 2012, no. 2, pp. 261–298.
11. Popov A. D. [In a Troika with bells into a bright future: the festival “Russian winter” as the Soviet tourism brand]. In: *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee* [Russian Regions: looking into the future], 2017, vol. 4, no. 3, pp. 72–84.
12. Tarasov-Kaslinskii A. A. *Lyzhi v SSSR* [Skiing in the USSR]. Moscow; Leningrad, Fizkul'tura i turizm Publ., 1932. 156 p.
13. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was going to last forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 664 p.
14. Gorsuch A. *All This is Your World: Soviet Tourist at Home and Abroad after Stalin*. New York, Oxford University Press, 2011. 222 p.
15. Koenker D. *Club Red. Vacation Travel and the Soviet Dream*. Ithaca, Cornell University Press, 2013. 307 p.
16. Koenker D. *Whose Right to Rest? Contesting the Family Vacation in the Postwar Soviet Union*. In: *Comparative Studies in Society and History*, 2009, no. 2, pp. 401–425.
17. *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism* (Eds. A. Gorsuch, D. Koenker). Ithaca, Cornell University Press, 2006. 313 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Алексей Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского;
e-mail: popalex79@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey D. Popov – PhD in History, Associate Professor at the Department of Russian History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: popalex79@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попов А. Д. От «школы мужества» к источнику здоровья и радости: эволюция лыжного туризма в СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 160–170.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-160-170

FOR CITATION

Popov A. From "The School of Courage" to the Source of Health and Joy: Evolution of Ski Tourism in the USSR. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 160–170.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-160-170

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-171-183

КИТАЙ НА ПРОСТОРАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Зверева В. С.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В исследовании анализируются основные отрасли стран Латинской Америки, в развитие и освоение которых вкладываются китайские средства, рассматриваются проблемы и противоречия, возникающие между Китаем и латиноамериканскими государствами. Особое внимание уделяется конкурентным преимуществам КНР в политической, экономической и военной сфере, раскрываются основные вызовы американскому доминированию в латиноамериканском регионе. По итогам системного и сравнительного анализа делается вывод о том, что совпадение стратегических интересов Китая и государств Латинской Америки, интенсификация экономического взаимодействия и политических контактов способствовали усилению геополитического влияния КНР в Латинской Америке. Результаты исследования могут быть использованы при изучении роли «китайского фактора» в мировой политике.

Ключевые слова: Латинская Америка, КНР, США, инвестиции, геополитика, экономическое сотрудничество, международная конкуренция.

CHINA'S PRESENCE IN LATIN AMERICA: PRESENT-DAY GEOPOLITICAL REALITIES

V. Zvereva

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The study analyzes main industries in Latin American countries, in the development of which China is currently undertaking major capital investment. Issues and contradictions arising during this process between China and Latin American countries are considered. A particular attention is given to competitive advantages enjoyed by China in political, economic and military spheres. Main challenges to US dominance in Latin America are identified. On the basis of the conducted systemic and comparative analysis, it is concluded that common strategic interests

shared by China and Latin American countries, as well as increased economic interaction and intensified political contacts between these countries, have contributed to the strengthening of China's geopolitical influence in Latin America. The results of the research can be used for studying the role of the so-called "Chinese factor" in world politics.

Keywords: Latin America, China, USA, investment, geopolitics, economic cooperation, international competition.

Введение

В первом десятилетии XXI в. экономическая активность Китайской Народной Республики (КНР) трансформировала геополитическую картину мира. В системе внешнеполитических и внешнеэкономических связей Латинской Америки существенную нишу занял Китай, став к 2012 г. третьим торгово-экономическим партнером стран Латинской Америки и Карибского бассейна после США и ЕС. «Восхождение Китая как доминирующей экономической державы в минувшем десятилетии представляет собой одно из наиболее значительных изменений международной системы с конца «холодной войны» и одну из самых быстрых трансформаций, которые испытывал мир», – справедливо писал американский исследователь С. Арнсон [2, с. 151], соавтор монографии «Китай, Латинская Америка, Соединенные Штаты: новый треугольник».

Форсирование Китаем экспорта и инвестиций обусловлено желанием приобрести необходимые ресурсы для удовлетворения потребностей развивающейся промышленности, расширить рынки сбыта и улучшить эффективность уже действующих предприятий. Энергетические, минеральные и сельскохозяйственные ресурсы Латинской Америки представляют собой перспективную зону для экономической «экспансии». Регион Латино-Карибской Америки (ЛКА) превратился в объект

стратегической значимости, в котором КНР укрепляет собственные политические позиции.

Цель статьи – провести анализ усиления геополитического влияния КНР в Латинской Америке. Для достижения указанной цели необходимо решение следующих задач:

- рассмотреть основные направления и специфику экономического сотрудничества КНР с государствами Латинской Америки;
- выявить общие интересы КНР и латиноамериканских государств, обуславливающие политическое сближение стран;
- проанализировать стратегические приоритеты КНР в Латинской Америке;
- продемонстрировать преимущества КНР в контексте геополитического соперничества с США.

Существенный вклад в понимание основ китайской политики в регионе ЛКА внесли фундаментальные труды российских ученых-латиноамериканистов, среди которых следует отметить Э. С. Дабагяна, В. П. Сударева, Д. М. Розенталя, П. П. Яковлева, Д. В. Разумовского, Я. В. Лексютину, А. Н. Пятакова.

Исследование опирается на принцип научной объективности, основывается на системном, историческом, сравнительно-политическом подходах. Анализ геополитических мотивов КНР в регионе ЛКА опирается на ме-

тодологию школы политического реализма.

Основные направления и особенности экономического сотрудничества

Саммит АТЭС в Сантьяго-де-Чили, состоявшийся в 2004 г., наглядно продемонстрировал растущий интерес Китая к латиноамериканскому региону. Председатель КНР Ху Цзиньтао открыто заявил о намерениях инвестировать в Латинскую Америку 100 млрд. долларов [5, с. 120]. Китай, являющийся крупнейшим импортером сырьевых товаров, начал активно финансировать нефтяные отрасли ведущих государств региона.

В течение 2000-х гг. Китай стал важнейшим, после США, торговым партнером Бразилии, Чили, Перу, Аргентины, Колумбии, Кубы, Венесуэлы, Уругвая и Панамы. Сотрудничество государств Латинской Америки с вне-региональными партнерами, в свою очередь, обусловлено потребностью в инвестиционном и технологическом обмене, а также стремлением оптимизировать систему внешнеторговых связей [9, с. 6].

Уже в 2010 г. Венесуэла продавала Китаю 380 тыс. баррелей нефти в сутки и заявляла о намерениях в ближайшее десятилетие довести поставки до уровня 500 тыс. баррелей в день. В 2013 г. крупнейшая китайская корпорация CNPC (China National Petroleum Corporation) приобрела перуанские активы бразильской нефтегазовой компании Petrobras. Величина китайских инвестиций в 2013 г. в нефтяную отрасль составила 13% от общего объема прямых иностранных инвестиций в Латинской Америке. В течение десяти-

летия после завершения саммита в чилийской столице Китай предоставил государствам региона кредитные ресурсы в объеме 118,5 млрд. долл. США. Объемы торговли Китая с государствами Латинской Америки с 2000 по 2013 гг. увеличились в 22 раза (с 12 до 275 млрд. долл.) [13, с. 6]. Кроме того, уровень инвестиционной активности Китая превышает показатели, зафиксированные в официальной статистике. Крупные вложения осуществляют «дочки» китайских компаний, в частности, из Каймановых, Британских Виргинских островов и Гонконга. Многие инфраструктурные проекты, в которых принимают участие компании Поднебесной, классифицируются не в качестве зарубежных инвестиций, а как экспорт.

В 2013 г. Си Цзиньпин нанес визит на Тринидад и Тобаго, в Коста-Рику и Мексику, в 2014 г. – в Бразилию, Аргентину, Венесуэлу и на Кубу, а в 2016 г. посетил Чили, Перу и Эквадор с целью поднять уровень отношений с этими государствами. В 2015 г. состоялся саммит между Китаем и Сообществом латиноамериканских и карибских государств – СЕЛАК, в рамках которого КНР высказалась о намерении инвестировать в регион еще 250 млрд. долл., из которых около 35 млрд. долл. планировалось вложить в инфраструктурные проекты до 2019 г. Кроме того, КНР намерена удвоить объемы двусторонней торговли до 500 млрд. долл. к 2025 г.

Однако к середине второго десятилетия XXI в. Китай продемонстрировал снижение темпов развития экономики, что нашло отражение в динамике латиноамериканской хозяйственной жизни, но отнюдь не подве-

ло черту под интенсивным развитием контактов. Темпы роста латиноамериканской экономики упали до – 0,6% и – 1,4% в 2015 и 2016 гг. соответственно. Спад торгово-экономического взаимодействия Китая с государствами Латинской Америки обусловлен попытками модернизировать собственную социально-экономическую модель, а также проблемами структурной разбалансировки в торговле с крупнейшими латиноамериканскими странами. Дисбаланс в торговле, в свою очередь, вызван сведением к минимуму импорта промышленной продукции латиноамериканского производства и расширением экспорта ширпотреба, подавляющего целые отрасли в регионе ЛКА.

Аргентинский политолог Х. Севарес отмечал, что эйфория первого десятилетия нового века уходит в прошлое: Китай сохранит позиции крупнейшего партнера государств Латинской Америки, но вряд ли когда-нибудь заменит по своей значимости США или Европейский союз [5, с. 125]. Тем не менее Китай продолжает инвестировать в латиноамериканские страны, экспортировать готовую продукцию и импортировать сырьевые товары, фактически став банкиром для тех правительств, с которыми поддерживает тесные связи. Кроме того, КНР установила отношения стратегического партнерства с Бразилией, Венесуэлой, Мексикой, Аргентиной и Перу.

Несмотря на то, что основные сделки с государствами ЛКА заключаются в сырьевом секторе — добывающих отраслях, а крупные инвестиции направляются в промышленную сферу, интерес Китая проявляется и к выпу-

ску сельскохозяйственной продукции, особенно в области производства сои. Китай является крупнейшим торговым партнером Бразилии и Аргентины. Мощный агропромышленный комплекс этих государств представляет особый интерес для Китая в силу обострения продовольственной проблемы. Кроме того, между Аргентиной и Китаем подписано соглашение о создании подконтрольного китайскому правительству центра космических исследований. Ряд экспертов в области безопасности полагает, что использование технологий двойного назначения позволит осуществлять сбор данных разведки.

Китай превратился в основного азиатского партнера Мексики, приоритет сотрудничества с которым нашел отражение в Национальном плане развития на 2013–2018 гг. Мексика и Китай сходятся во мнениях по вопросам обеспечения международной стабильности и порядка, о чем свидетельствует, к примеру, поддержка государствами резолюции № 69/69 Генассамблеи ООН «Конвенции о запрещении применения ядерного оружия» от 2 декабря 2014 г. Важно заметить, что Китай не является активным инвестором в мексиканскую экономику ввиду слабой координационной политики государственного сектора страны, непрозрачности осуществляющихся капиталовложений и длительной конкуренции за влияние на рынки США.

Вместе с тем Китай заключил соглашения о свободной торговле с Чили, Перу и Коста-Рикой. Однако не многие государства региона устремились следовать примеру последних. Огромные масштабы экспорта дешевого ширпотреба способны разрушить зародив-

шиеся отрасли латиноамериканской промышленности. Так, структурный дисбаланс в двусторонней торговле подтолкнул Бразилию к сотрудничеству с США для разработки совместной стратегии таможенного сдерживания КНР [5, с. 123]. Китайские товары вытесняют местных производителей и их продукцию с рынка, а односторонние инвестиции в добывающие отрасли способствуют превращению стран в «сырьевой придаток». Уже в 2007 г. мексиканские изготовители кожаной одежды организовали ряд забастовок против импорта товаров из КНР. Тогда правительство Мексики приняло решение о введении пошлин в размере 1000% на продукцию китайских фабрик [14, с. 48]. Не менее актуальной проблемой для латиноамериканских государств стало несоблюдение китайскими компаниями норм по защите окружающей среды. Другие опасения, сдерживающие введение беспошлинной торговли, эксперты связывают с засильем китайских товаров низкого качества, недобросовестной практикой ведения бизнеса, трудно совместимыми языком и культурой, а также с угрозой хозяйственного и демографического доминирования Поднебесной в международных делах.

Стратегические приоритеты Китая

В рамках проекта по созданию собственного положительного имиджа КНР основала сеть Институтов Конфуция в Латинской Америке. Предполагается, что основанные Институты привлекут внимание общественности к китайской культуре. В противовес мнению, представляющему Китай в качестве «угрозы», Институты призваны истолковать латиноамериканцам кон-

фуцианские ценности, заложенные, в том числе, в основу внешней политики КНР (единство, гармония, порядок, справедливость, терпимость, многосторонность и др.) [20]. Важно отметить, что существенную роль в укреплении позиций в Латинской Америке играет стратегическая коммуникация Китая, провозглашающая отсутствие стремлений к мировой гегемонии и представляющая собственную систему в качестве оптимального инструмента преодоления нищеты и отсталости [8, с. 32]. Действительно, Китаю удалось достичь впечатляющих результатов в области науки, технологий, транспортной инфраструктуры, не решая сложных задач демократизации. Тем не менее Китай не навязывает государствам региона своей модели развития, что содействует лучшему взаимопониманию с местными элитами.

Представленная Китаем в 2008 г. «Белая книга» провозглашала целью согласованное сотрудничество с государствами Латинской Америки на основе равенства, взаимной выгоды и совместного развития [16]. Важно отметить, что «Вашингтонский консенсус», неolibеральная модель развития при поддержке международных финансовых институтов, оказался неспособным обеспечить экономическое процветание региону в 1990-е гг. Альтернативный вариант, получивший название «Пекинский консенсус», представляется более привлекательным для латиноамериканских государств [7, с. 23]. Дополненная «принципом невмешательства» во внутренние дела стран и стремлением к построению справедливого многополярного мира, китайская модель развития отвечает естественным интересам государств

Латинской Америки. Касаясь возможностей «экспорта» модели, правительство КНР осторожно отмечает, что китайский пример представляет собой экономическую и политическую альтернативу, но не претендует на то, чтобы конкурировать со странами Запада, тем более – с США. Руководство КНР подчеркивает, что китайская модель не является универсальной для других государств: необходимо разрабатывать свои собственные модели развития в соответствии с историческими особенностями. Так, успехи внешней политики Китая в Латиноамериканском регионе можно объяснить, в том числе, созданием благоприятного имиджа Поднебесной.

Новый этап в развитии сотрудничества Китая с государствами Латинской Америки связывают с масштабными инвестициями в объекты инфраструктуры [15]. Как правило, китайское правительство предоставляет кредиты на строительство объектов при условии, что работы осуществляются китайскими компаниями, а оборудование поставляется из КНР. Китай начал демонстрировать более сдержанный и выборочный подход, основанный на финансировании проектов, рассчитанных на долгосрочное присутствие в регионе. Особое место занимают транспортные проекты Поднебесной: Китаю удалось превратить Перу и Чили в «тихоокеанские платформы», связывающие его с Бразилией, Аргентиной, Парагваем и Уругваем. Финансирование проекта гонконгской компании HKND-Group по строительству трансокеанского канала, призванного через территорию Никарагуа соединить Карибское море и Тихий океан, свидетельствует о намерениях Китая суще-

ственно расширить свои глобальные возможности в Западном полушарии. Еще одной крупной инициативой остается строительство трансокеанского железнодорожного коридора между Перу и Бразилией, который позволит снизить затраты на транспортировку в Китай бразильских энергоресурсов.

Стоит отметить, что важным стратегическим компонентом во внешней политике Китая выступает «принцип одного Китая», являющийся формальной основой для развития отношений с государствами Латинской Америки. Так, сохранение дипломатических связей Манагуа с Тайванем является серьезным препятствием для публичного заявления о поддержке проекта строительства Никарагуанского канала со стороны КНР. Между тем «долларовая дипломатия» Поднебесной дала определенные результаты в 2004–2007 гг., когда Доминика, Гренада и Коста-Рика отказались от дипломатического признания Китайской Республики (Тайвань). В 2013 г. «принцип единого Китая» признало и мексиканское правительство. Вероятно, Пекин продолжит добиваться содействия латиноамериканских стран в решении тайваньской проблемы [4, с. 41]. В настоящее время ряд государств (Парагвай, Гаити, Доминиканская Республика, Сальвадор, Республика Гватемала, Никарагуа) продолжают поддерживать дипломатические отношения с Китайской Республикой (Тайвань). Тем не менее превалирование экономических интересов над политическими подтверждает, к примеру, развернутое экономическое сотрудничество с Панамой, которая до 2017 г. поддерживала дипломатические отношения с Тайванем и не имела таковых с КНР.

Развитие политического взаимодействия подкрепляется расширением участия Китая в региональных организациях. Китай осуществляет сотрудничество с государствами ЛКА в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС), G20, Международного валютного фонда, Банка международных расчетов, Всемирного банка, ВТО, Совета по финансовой стабильности, Базельского комитета по банковскому надзору и СБ ООН. Китай взаимодействует со странами Латинской Америки на таких многосторонних платформах, как форум Китай – Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), Организация Объединенных Наций, Организация американских государств (ОАГ), Группа G5 (Бразилия, Китай, Индия, Мексика и Южная Африка), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) и группа BASIC (Бразилия, Южная Африка, Индия, Китай). Таким образом, можно уверенно говорить о формировании многосторонней политики Китая в отношении стран региона.

Позиции Китая в контексте геополитического соперничества с США

На сегодняшний день рост стратегической значимости Латинской Америки не вызывает сомнений, и мы являемся свидетелями эскалации конкурентной борьбы в Латиноамериканском регионе. Китай превращается в главного соперника США непосредственно в зоне их традиционного влияния. Несмотря на то, что Вашингтон давно отказался от доктрины Монро, в сознании североамериканцев прочно

закрепилась мысль об эксклюзивных правах доминирования в Западном полушарии. Современный этап развития Латинской Америки обусловлен увеличением объемов торговли и инвестиций между странами, созданием новых интеграционных объединений (не зависящих от США), а также появлением активных внерегиональных партнеров. Для многих государств Латинской Америки приоритетом становится диверсификация внешнеторговых и внешнеполитических связей, в том числе, и особенно, с Китаем, Россией, Индией, Ираном [6, с. 6].

Расширение экономического присутствия Китая в Латинской Америке не исключает рисков его трансформации в военно-политическое влияние. Серьезные опасения Вашингтона в области национальной безопасности связаны с доступом КНР к центрам радиоэлектронной разведки на Кубе, наличием китайской инфраструктуры для торговых перевозок на Багамских островах, присутствием компаний Поднебесной в стратегически значимом районе Панамского канала, которые могут использоваться для сбора разведывательной информации об американских вооруженных силах. В качестве своеобразного geopolitical вызова воспринимается строительство Никарагуанского канала, о чем свидетельствует незамедлительный запуск очередной информационной кампании по дискредитации проекта.

Важно заметить, что рост присутствия Китая в Латинской Америке соответствовал периоду, когда страны региона осуществляли бурный переход к левым политическим режимам (Бразилия, Аргентина, Боливия, Никарагуа,

Сальвадор, Эквадор, Перу, Парагвай, Венесуэла и Уругвай). В период стремительного расширения связей с государствами латиноамериканского региона их критическое отношение к политике США сработало в пользу Китая.

В отличие от Соединенных Штатов, Китай никогда не вмешивается и не имеет исторического «опыта вмешательства» во внутренние дела государств Латинской Америки [3, с. 24]. Так, в отношениях КНР с государствами Боливарианского альянса не стоит переоценивать значение идеологического компонента. Для руководства Поднебесной государства региона, прежде всего, поставщики углеводородов и минерального сырья. Через осуществление масштабных проектов в экономической сфере Китай воплощает стратегию «мирного возвышения» в тылу Соединенных Штатов. Обращая внимание на многочисленные призывы к расширению политического взаимодействия государств (Кубы, Эквадора, Боливии), апеллирующие к разделяемым ими и Китаем социалистическим ценностям, стоит отметить, что участие в антиамериканских альянсах не отвечает современным интересам КНР.

Ярким свидетельством прагматичного подхода в политике Китая являются противоречивые отношения с Боливарианской Республикой Венесуэла. Сближение двух государств обусловили антиимпериалистический курс развития Венесуэлы и растущая потребность Китая в энергоресурсах. Как известно, Венесуэла поддержала «политику одного Китая» и присоединилась к призывам Пекина к созданию более справедливой финансовой системы, учитывающей интересы

стран с развивающейся экономикой. Также оба государства выступают за формирование многополярной системы международных отношений. Кроме того, Пекин активно поддерживал Каракас в стремлениях занять место непостоянного члена в Совете Безопасности ООН. Первое десятилетие XXI в. было насыщено разнообразными экономическими контактами двух государств. Увеличивая объемы инвестиций в Венесуэлу, Китай приобретал и создавал новые компании, подписывал крупнейшие контракты на поставки самолетов, вертолетов, радаров и бронемашин для армии боливарианцев [11, с. 34]. Отметим, что интересы КНР сосредоточены в экономической плоскости, в то время как Венесуэла нуждается в военно-политическом союзнике, способном противостоять Соединенным Штатам.

Экономический кризис, в который погрузилась Венесуэла, вызвал в Китае серьезное беспокойство. В январе 2015 г. Китай фактически отказал Венесуэле в запрашиваемых правительством Н. Мадуро 50 млрд. долл., наглядно продемонстрировав, что не собирается становиться донором идеологически близких режимов [12, с. 15], но уже в сентябре 2015 г. выделил Венесуэле очередной кредит в размере 5 млрд. долл. [10, с. 45]. Вместе с тем китайское руководство проявило готовность сотрудничать с представителями оппозиционных сил в Венесуэле, предприняв несколько попыток заручиться гарантиями по вопросам выплаты кредитов и поставок энергоносителей в КНР. Заметную непоследовательность в действиях Китая можно объяснить стремлением обеспечить доступ своих компаний к венесуэль-

ской нефти, увеличить экспорт своей продукции и одновременно усилить региональное политическое влияние в качестве ресурса «мягкой силы». Тем не менее, играя на противоречиях боливарианского правительства с Вашингтоном, Китай сумел занять прочное положение в экономике Венесуэлы.

Китай в качестве активного внерегионального участника представляет возможности альтернативы США в экономической, политической и военной сферах. Геополитические интересы КНР в Латинской Америке обусловлены стремлением играть ведущую роль в развивающемся мире. «Теория трех миров», разработанная Мао Цзэ-дуном, ушла в прошлое, уступив место принципам мультилатерализма¹ [18]. Укрепляя глобальные сети альянсов в рамках кооперации по линии «Юг-Юг», Китай уверенно наращивает стратегическое взаимодействие с латиноамериканскими государствами.

Итак, однонаправленная ориентация латиноамериканских государств на Соединенные Штаты уходит в прошлое. Основными покупателями китайских передовых вооружений стали государства с враждебными Вашингтону политическими режимами (Венесуэла, Боливия, Эквадор), лишенные возможности закупать военную технику у западных стран. Кроме того, на протяжении нескольких лет Китай осуществлял пожертвования военного обмундирования и оборудования в Бо-

ливии, Эквадоре, Перу, Колумбии и на Ямайке, что способствовало открытию возможностей для будущих продаж. Для высших офицеров из государств Латинской Америки в Пекине были организованы специальные форумы по вопросам создания прагматической системы коммуникации и сотрудничества в сфере оборонных стратегий. Тем не менее стремление Пекина избегать конфликтов с США значительно сдерживает развитие военно-технического взаимодействия. Главные рычаги китайского влияния в Латинской Америке по-прежнему связаны с торговлей, инвестициями и льготным кредитованием.

Нельзя исключать тот факт, что своеобразный «поворот к Азии» Соединенных Штатов подтолкнул Китай к американскому «заднему двору». Усиление политического, экономического и военного присутствия Китая в Латинской Америке в значительной мере является попыткой уравновесить влияние США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этом смысле рост участия Китая в делах Латинской Америки может привести к более агрессивной политике Соединенных Штатов в Восточной Азии. И все же в настоящее время Китай стремится не допускать прямого противодействия гегемонии США. Власти КНР неоднократно подчеркивали отсутствие каких-либо экспансионистских устремлений.

Хулио Риос, известный исследователь политики Китая, полагает, что следует избегать преждевременных заявлений о превращении КНР в главного по значимости партнера государств региона. США остаются основным военным и торговым партнером большинства стран ЛКА, крупнейшим ин-

¹ Под термином «мультилатерализм» понимается приверженность курсу на многополярность во внешнеполитической деятельности, идея развития международных отношений на основе многосторонней дипломатии и сотрудничества, призванного обеспечить баланс сил и интересов.

вестором и поставщиком технологий. В ближайшем будущем, по мнению эксперта, никто не сможет поставить под сомнение «авторитет» США в Западном полушарии [17]. Еще один исследователь, Мигель Вила Морена, рассуждая о соперничестве КНР и США в регионе, полагает, что в данном случае речь идет о сценарии конфронтации «между первой в мире военной державой и первой мире экономикой». При этом, отмечает политолог, военное превосходство оставляет за собой и преимущество в целом [19].

Закключение

С тех пор, как китайское руководство обозначило интерес к странам Латинской Америки, КНР удалось добиться впечатляющих результатов. Китайско-латиноамериканские контакты отличаются высоким встречным энтузиазмом. Для латиноамериканских предпринимателей Китай открыл новые пути ведения бизнеса, вне «американских правил и устоев» [1, с. 78]. Для ряда стран региона партнерство с Китаем приобрело приоритетный характер. Экономические интересы Поднебесной заключаются в обеспечении доступа к богатейшим стратегическим запасам нефти, газа, урана, серебра, алмазов и т.д. Взаимодействие Китая с отдельными латиноамериканскими государствами отличается собственной отраслевой спецификой. Тем не менее основные сделки заключаются в добывающих отраслях, а крупнейшие инвестиции направляются в промышленную сферу, в объекты инфраструктуры и транспортные проекты. Возникающие противоречия связаны с проблемой вытеснения с национальных рынков местных произво-

дителей, проникновением большого количества товаров низкого качества, несоблюдением китайскими компаниями экологических норм, тенденция-ми превращения латиноамериканских государств в «сырьевой придаток».

Вместе с тем Китай ставит перед собой политические цели, в частности, в контексте «дипломатической борьбы» с Тайванем за новых союзников, способных на международном уровне оказывать поддержку инициативам руководства КНР. Политическому сближению Китая с государствами региона ЛКА способствует близость позиций по ключевым вопросам мирового развития. Базовым принципом политики КНР в регионе ЛКА выступает прагматический подход к вопросам экономического взаимодействия вне зависимости от идеологической ориентации государств. Развитие отношений Китая с энергетически богатыми странами региона ЛКА наносит вред интересам Соединенных Штатов и, в перспективе, может повлечь за собой политические последствия. Развитие военно-технического сотрудничества КНР с государствами Латинской Америки не исключает рисков его трансформации в военно-политическое влияние.

Власти КНР, в свою очередь, декларируют отсутствие направленности против какой-либо третьей стороны, обращая внимание на исключительное стремление к миру, процветанию и совместному развитию по линии «Юг–Юг». Преимущества Китая связаны с отсутствием исторического опыта вмешательства во внутренние дела стран Латинской Америки, с созданием положительного имиджа страны, вопросам формирования которого

правительство КНР уделяет особое внимание. Опубликованная Пекином в конце 2016 г. «дорожная карта» является свидетельством дальнейших намерений развития сотрудничества со странами ЛКА, основанного на ра-

венстве и взаимной поддержке в области экономики, а также искренности и обоюдном доверии в политической сфере.

Статья поступила в редакцию 27.12.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаева С. В. Геополитика Китая в Латинской Америке: проблемы и перспективы развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 5. С. 76–80.
2. Дабагян Э. С. Поднебесная на просторах Латинской Америки // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 151–164.
3. Карг Х. М. Семь актуальных тезисов для Латинской Америки // Латинская Америка. 2015. № 3. С. 20–24.
4. Катышева О. В., Андрианова О. В. Азиатско-тихоокеанский вектор внешней политики Мексики на современном этапе // Латинская Америка. 2015. № 11. С. 40–49.
5. Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов / отв. ред. В. П. Сударев, Л. Н. Симонова. М.: ИЛА РАН, 2017. 208 с.
6. Лексютина Я. В. Закат доминирования США в Латинской Америке? // Латинская Америка. 2014. № 11. С. 4–11.
7. Лексютина Я. В. Китай – активный игрок на просторах Латинской Америки // Латинская Америка. 2012. № 18. С. 22–36.
8. Пашенцев Е. Н. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке // Латинская Америка. 2012. № 9. С. 31–38.
9. Разумовский Д. В. Торговое сотрудничество Латинской Америки с внерегиональными партнерами // Латинская Америка. 2016. № 3. С. 5–21.
10. Розенталь Д. М. Дракон над Каракасом: китайско-венесуэльские отношения в начале XXI в. // Латинская Америка. 2016. № 3. С. 39–50.
11. Сербин П., Сербин А. Обама использует Кубу для сдерживания растущего влияния России, Ирана и Китая в Латинской Америке // Латинская Америка. 2015. № 6. С. 32–34.
12. Сударев В. П. Китай – Латинская Америка: конец «золотого века»? // Латинская Америка. 2015. № 11. С. 12–19.
13. Сударев В. П. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США – Китай – ЕС // Латинская Америка. 2015. № 4. С. 4–13.
14. Шереметкер В. В. Инвестиционное сотрудничество Китая со странами Латинской Америки // Латинская Америка. 2013. № 11. С. 45–55.
15. Aranda I. R., Van de Maele D. L. El *soft power* en la política exterior de China: consecuencias para América Latina [Электронный ресурс] // POLIS: Revista Latinoamericana, 2013, vol. 12, no. 35. 17 p. URL: <http://journals.openedition.org/polis/9179> (дата обращения: 26.09.2018).
16. Piccone T. The Geopolitics of China's Rise in Latin America (Goeconomics and Global Issues, Paper 2). Washington, D.C.: Brookings Institution, 2016. 24 p.
17. Rnos, X. China-Амérica Latina y Caribe: otra relación para otro futuro, 21.02.2017 [Электронный ресурс] // IGADI: [сайт]. URL: <http://www.igadi.org/web/analiseopinion/china-america-latina-y-caribe-otra-relacion-para-otro-futuro> (дата обращения: 26.09.2018).
18. Salas M. ¿Por qué a China le interesa tanto hacer negocios en América Latina? 08.01.2015 [Электронный ресурс] // BBC Mundo: [сайт]. URL: <http://www.bbc.com/mundo/>

- noticias/2014/07/140714_economia_china_america_latina_msd (дата обращения: 28.09.2018).
19. Shaheli D. Is Latin America of Strategic Importance to China? 13.12.2016 [Электронный ресурс] // The Diplomat Magazin: digital publication. URL: <https://thediplomat.com/2016/12/is-latin-america-of-strategic-importance-to-china/> (дата обращения: 26.09.2018).
20. Vila M. The Geopolitics of China in Latin America in Donald Trump's Era, 18.04.2017 [Электронный ресурс] // Mapping China: [сайт]. URL: <https://mappingchina.org/2017/04/the-geopolitics-of-china-in-latin-america-in-donald-trumps-era/> (дата обращения: 22.09.2018).

REFERENCES

1. Budaeva S. V. [The geopolitics of China in Latin America: problems and prospects]. In: *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikalian State University Journal], 2012, no. 5, pp. 76–80.
2. Dabagyan E. S. [The Celestial Empire in the expanses of Latin America]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 2016, no. 4, pp. 151–164.
3. Karg J. M. [Seven theses for Latin America]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2015, no. 3, pp. 20–24.
4. Katysheva O. V., Andrianova O. V. [The Asia-Pacific vector of Mexican current foreign policy]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2015, no. 11, pp. 40–49.
5. Sudarev V. P., Simonov L. N., eds. *Latinskaya Amerika na perelome global'nykh i regional'nykh trendov* [Latin America at the tipping point of global and regional trends]. Moscow, Institute of Latin American Studies of RAS Publ., 2017. 208 p.
6. Leksyutina Ya. V. [The decline of US dominance in Latin America?]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2014, no. 11, pp. 4–11.
7. Leksyutina Ya. V. [China is an active player in the expanses of Latin America]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2012, no. 18, pp. 22–36.
8. Pashentsev E. N. [Strategic communication of China in Latin America]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2012, no. 9, pp. 31–38.
9. Razumovskii D. V. [Trade cooperation of Latin America with extra-regional partners]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2016, no. 3, pp. 5–21.
10. Rozental' D. M. [Dragon over Caracas: relations between China and Venezuela at the beginning of the 21st century]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2016, no. 3, pp. 39–50.
11. Serbin P., Serbin A. [Obama uses Cuba to deter the growing influence of Russia, Iran and China in Latin America]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2015, no. 6, pp. 32–34.
12. Sudarev V. P. [China – Latin America: the end of the Golden Age?]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2015, no. 11, pp. 12–19.
13. Sudarev V. P. [Latin America in the USA – China – EU geopolitical triangle]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2015, no. 4, pp. 4–13.
14. Sheremet' V. V. [Investment cooperation between China and Latin America]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2013, no. 11, pp. 45–55.
15. Aranda I. R., Van de Maele D. L. [Soft power in China's foreign policy: consequences for Latin America]. In: *POLIS: Revista Latinoamericana*, 2013, vol. 12, no. 35. 17 p. Available at: <http://journals.openedition.org/polis/9179> (accessed: 26.09.2018).
16. Piccone T. The Geopolitics of China's Rise in Latin America (Goeconomics and Global Issues, Paper 2). Washington, D.C.: Brookings Institution, 2016. 24 p.
17. Ríos, X. [China-Latin America and the Caribbean: another relationship for another future], 21.02.2017. In: *IGADI*. Available at: <http://www.igadi.org/web/analiseopinion/china-america-latina-y-caribe-otra-relacion-para-otro-futuro> (accessed: 26.09.2018).

18. Salas M. [Why is China so interested in doing business in Latin America?] 08.01.2015. In: *BBC Mundo*. Available at: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/07/140714_economia_china_america_latina_msd (accessed: 28.09.2018).
 19. Shaheli D. Is Latin America of Strategic Importance to China? 13.12.2016. In: *The Diplomat Magazin*: digital publication. Available at: <https://thediplomat.com/2016/12/is-latin-america-of-strategic-importance-to-china/> (accessed: 26.09.2018).
 20. Vila M. The Geopolitics of China in Latin America in Donald Trump's Era, 18.04.2017. In: *Mapping China*. Available at: <https://mappingchina.org/2017/04/the-geopolitics-of-china-in-latin-america-in-donald-trumps-era/> (accessed: 22.09.2018).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зверева Василиса Сергеевна – аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: vasse15@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasilisa S. Zvereva – postgraduate student at the Department of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: vasse15@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зверева В. С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 171–183.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-171-183

FOR CITATION

Zvereva V. China's Presence in Latin America: Present-Day Geopolitical Realities. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-171-183

УДК 327, 323

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-184-192

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Чжан Чжань*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета**имени М. В. Ломоносова**125009, Москва, Моховая, д. 11, Российская Федерация*

Аннотация. Цель данной статьи – представить обзор изменений в экологической политике Китая в контексте реализации целей в области устойчивого развития (ЦУР). Для достижения данной цели была проанализирована экологическая политика Китая в последнее десятилетие и ее правовая основа, а также конкретные экологические показатели, указанные в Повестке дня ООН до 2030 г. Отмечается, что несмотря на то, что в течение длительного периода времени правительство КНР уделяло особое внимание экономическому росту, в последние годы наблюдается политический сдвиг в сторону экологии. Был сделан вывод о том, что данное изменение внесло позитивный вклад в устойчивое развитие Китая, сформировав более сбалансированную структуру для будущего развития с использованием как обязательных, так и рыночных инструментов. Тем не менее для выполнения ЦУР в области экологии необходимо, с одной стороны, ускорить процесс создания «экологической цивилизации», а с другой, обратить внимание на координацию политики с учетом существующих проблем в экологической, социальной и экономической сферах.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, устойчивое развитие, внутренняя политика Китайской Народной Республики.

CHINA'S ENVIRONMENTAL POLICY AND THE IMPLEMENTATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Zhang Zhan*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University**11 ul. Mokhovaya, Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract. This article is aimed at giving an overview of China's environmental policy in the context of implementing the Sustainable Development Goals. To this end, the author analyzed China's environmental policy over the past decade and its legal basis, as well as environmental indicators specified in the UN Agenda 2030. It is shown that, although the government has prioritized economic growth over environmental protection for a long time, recent years have seen a policy shift towards environmental protection. The author concludes that this transformation has made a positive contribution to China's sustainable development, forming a more balanced structure for future development with both mandatory and market instruments. However, for

implementing the Sustainable Development Goals plan in the environmental sphere, it is necessary to accelerate the process of building an ecological civilization, as well as to pay more attention to the policy coordination taking into consideration problems existing in ecological, social and economic spheres.

Keywords: environmental protection, sustainable development, domestic policy of China.

Введение

В эпоху глобализации экологические проблемы приобретают глобальный характер. В связи с этим, экологическая политика и состояние Китая рассматриваются в трудах не только китайских ученых, но и российских, а также других зарубежных ученых. Китайские исследователи Ч. Му, Ш. Бу и Б. Сюэ обращают внимание на законодательный аспект данной проблемы [9]. Исследование В. Сунь и Д. Ло посвящено экологической оценке и реформе административной системы [10]. Существенный вклад в исследование экологической политики Китая внесли Н. Г. Рогожина, И. В. Ушаков и Е. И. Кранина [1; 2; 3]. В частности, последняя работа Е. И. Краниной посвящена созданию «экологической цивилизации» в Китае [1]. Среди зарубежных ученых можно назвать Г. Костка, С. Итон и М. Бисон [4; 5; 6; 7], их исследования посвящены экологическому управлению и конкретным административным инструментам. В отличие от вышеупомянутых работ, автор ограничивает свое исследование изменениями в экологической политике и законах Китая, произошедшими в последние годы, особое внимание уделяется достижению конкретных целей в Повестке дня ООН до 2030 г.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и 17 ее целей в области устойчивого развития (ЦУР) были приняты в 2015 г.¹ Три

цели (цели 13–15) напрямую связаны с экологической политикой: борьба с изменением климата, сохранение океанов и морских ресурсов, защита наземных экосистем². Вместе с тем также важно признать сложность этих целей. Если мы внимательно посмотрим на эти 17 целей, то обнаружим, что они достаточно взаимосвязаны. Например, цель № 6 касается устойчивого управления водными ресурсами, которое на самом деле содержит все четыре аспекта устойчивого развития: окружающую среду (качество воды, восстановление экосистем), социальный (доступ к безопасной питьевой воде), экономический (эффективность использования воды во всех секторах)³ и политический аспекты (выработка политики). Несмотря на то, что Китай принимает активное участие в реализации ЦУР, достижение экологических целей представляется самым сложным. В связи с этим необходимо сначала изучить общую экологическую политику Китая и её нормативные основы.

Правовая основа экологической политики КНР

В сентябре 1979 г. Китай принял первый закон об охране окружающей среды. После 10 лет апробации Закон

Agenda for Sustainable Development. United Nations, 2015. P. 3.

² Там же, P. 25–27.

³ UNEP, The Environment at the Heart of the Agenda [website]. URL: <http://web.unep.org/post2015/heart.php> (дата обращения: 04.12.2018).

¹ UN, Transforming Our World: The 2030

об охране окружающей среды КНР был официально опубликован 26 декабря 1989 г. на основе Конституции 1982 г., в которой закреплена обязанность государства защищать экологию¹. По данным Министерства экологии и окружающей среды КНР, на сегодняшний день были приняты 32 закона об охране окружающей среды, большинство из них относится к группе административных и экономических законов². Если мы рассмотрим эти законы с точки зрения защиты окружающей среды и сохранения ресурсов, то в эту категорию попадут 20 законов. Другие соответствующие законы, такие как Уголовный кодекс, Закон о сельском хозяйстве, Закон о стандартизации и т. д. содержат экологические положения в своих статьях. Таким образом, за почти 40 лет практики и развития китайская правовая система в основном охватила все аспекты защиты окружающей среды.

Несмотря на полный охват правовой системой экологических проблем, китайские исследователи Ч. Му, Ш. Бу и Б. Сюэ отмечают, что концепция устойчивого развития не всегда и не везде отражается, особенно в законах о ресурсах [9]. Тем не менее прогресс был достигнут, половина законов о ресурсах была пересмотрена с 2013 г., воздействие на окружающую среду было принято во внимание³. 2016 г.

знаменует собой начало 13-й пятилетки Китая. Идея «экологической красной линии» (ограничений в области окружающей среды) была выдвинута правительством, которое призвано защитить «ключевые морские экологические функциональные зоны, экологически уязвимые и хрупкие районы», и это также отражено в статье 3 Закона о защите морской среды, пересмотренного в 2016 г.⁴. Между тем принцип «экономические интересы на первом месте» постепенно смещается в сторону защиты окружающей среды. Согласно исследованию, проведенному Сунь Вэйцзэном, Ло Данлунь и другими учеными в 86 городах Китая в 2014 г., местные чиновники продвигаются быстрее по службе, если они получили положительную оценку в области охраны окружающей среды, такие случаи чаще наблюдались в больших городах [11]. Согласно официальному документу «О методах для оценки строительства экологической цивилизации», местные чиновники, у которых более значимые достижения в экологическом управлении, имеют больше возможностей для карьерного роста⁵.

Всеитайского собрания народных представителей о внесении изменений в Закон об охране морской среды и другие семь законов]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2013-12/30/content_1821988.htm (дата обращения: 04.12.2018).

⁴ National People's Congress. 全国人民代表大会常务委员会关于修改《中华人民共和国海洋环境保护法》的决定, 2016 [Решение Постоянной комиссии Всеитайского собрания народных представителей о внесении изменений в Закон об охране морской среды]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001_574.htm (дата обращения: 04.12.2018).

⁵ 中国官员考核环境权重首超GDP [Восеценки окружающей среды впервые превосходят вес ВВП при официальной оценке]. 21.02.2017 //

¹ National People's Congress. Environmental Protection Law of the People's Republic of China. 1989. URL: <http://www.china.org.cn/english/environment/34356.htm> (дата обращения: 04.12.2018).

² Ministry of Ecology and Environment of the PRC [сайт]. URL: http://zfs.mep.gov.cn/fl/index_1.shtml (дата обращения: 04.12.2018).

³ National People's Congress. 全国人大常委会关于修改《海洋环境保护法》等七部法律的决定, 2013 [Решение Постоянной комиссии

Как отмечает Г. Костка, в дополнение к политике, связанной с продвижением должностных лиц, были внедрены другие административные инструменты для достижения национальных экологических целей, таких как «обязательные задачи», что было записано в договорах об ответственности местных кадров [7]. То, как местные чиновники достигают этих «обязательных задач» к концу срока их полномочий, также является важным критерием для принятия решений о повышении по службе. В национальном 12-м пятилетнем плане были установлены 7 обязательных задач в области экологии, в том числе сохранение защитной зоны сельхозугодий (не менее 1,818 млрд му (около 1,212 млн км²)), сокращение потребления воды на единицу промышленной добавленной стоимости, увеличение доли потребления энергии, не связанной с ископаемым топливом, снижение энергоёмкости, снижение интенсивности CO₂, уменьшение основных загрязняющих веществ и увеличение степени покрытия леса¹. Еще три обязательные задачи были добавлены в последнюю 13-ю пятилетку: масштаб нового строительства (не более 32,56 млн му (около 21,7 тыс км²)), качество воздуха и качество поверхностных вод². Некоторые

Xinhua press [сайт]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-02/21/c_1120500530.htm (дата обращения: 04.12.2018).

¹ State Council, 中华人民共和国国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要 [12-й пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики]. 2011. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2011-08/16/content_1665636.htm (дата обращения: 04.12.2018).

² State Council, 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 [13-й пятилетний план национального экономического

аналитики ставят под сомнение эффективность и надежность этих обязательных задач, например, Костка описывает инструмент командного контроля в Китае как «команду без контроля» из-за отсутствия контроля со стороны правительства процессов внедрения и мониторинга [6]. Однако были приняты некоторые меры: в 2016 г. была создана совместная Центральная инспекционная группа по окружающей среде с экспертами из Министерства охраны окружающей среды (МООС), Центральной комиссии по проверке дисциплины и Департамента центральной организации. Задача данной инспекционной группы – контролировать процессы реализации на уровне провинций. К 15 сентября 2017 г. в четвертой экологической инспекции было закрыто 35039 экологических дел, 32602 предприятия получили указание на исправление. Кроме того, МООС подготовило 156 отчетов о проведенных на предприятиях проверках. Таким образом, 2017 г. свидетельствует о беспрецедентной строгости экологического надзора [12]. С учетом того, что правовая и политическая основы постепенно совершенствуются, в Китае была создана прочная база, которая поможет ему в реализации повестки дня ООН в области устойчивого развития в сфере охраны окружающей среды на период до 2030 г.

Достижения и проблемы

Прогресс был достигнут после 18-го Национального съезда Коммунистической партии Китая, состоявшегося в

и социального развития Китайской Народной Республики]. 2016 (1). URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2016-07/08/content_1993756.htm (дата обращения: 04.12.2018).

ноябре 2012 г., на котором концепция «строительства экологической цивилизации» была включена в Устав Коммунистической партии Китая в качестве важнейшей стратегии развития¹. В настоящее время Китай находится на пути к достижению трех основных экологических целей, определенных в повестке дня ООН до 2030 г., включая борьбу с изменением климата, сохранение наземных и морских экосистем.

Был достигнут прогресс в борьбе с изменением климата (цель 13): согласно докладу Государственного совета, химическая потребность в кислороде (ХПК), общие выбросы диоксида серы, азота аммиака и оксидов азота снизились на 12,9%, 18%, 13% и 18,6% соответственно по сравнению с 2010 г.; площадь лесов увеличилась на 1,3%, достигнув 21,66%; запасы леса увеличились до 15,1 млрд. куб. Таким образом, обязательные задачи в области охраны окружающей среды были перевыполнены в течение 12-й пятилетки². Китайские ученые Ж. Сун, В. Дун, Ц. Чжу, С. Чжао и Ю. Ван отмечают, что действия Китая по борьбе с изменением климата «вступили в новую историческую стадию», возникла «комплексная основа климатической политики» с конкретными измеримыми целями, привязанными к конкретным срокам [10]. Китай также

инициировал 7 пилотных проектов по торговле выбросами углерода (ETS) в 2011 г., в декабре 2017 г. в индустрии электроэнергетики был официально открыт национальный углеродный рынок³. Между тем в сфере энергопотребления произошла фундаментальная реформа. Наблюдается тенденция к низкому потреблению энергии углерода в настоящее время. По данным Национального бюро статистики, доля угля в общем потреблении энергии в Китае в 2016 г. снизилась до 62%, в то же время доля чистой энергии увеличилась до 19,7%. Таким образом, цель Китая на 2020 г. была достигнута на четыре года раньше срока⁴. Однако все еще трудно бороться с изменением климата. Такие ученые, как Ли Хуэйминь, рассматривают проблему избыточных производственных мощностей как одну из наиболее крупных задач в этой области. Сокращение возобновляемых источников энергии достигло 150 трлн. кВт/ч в 2016 г. [8; 17]. Этот факт добавил неопределенности для дальнейшего реформирования энергетического сектора в Китае и может препятствовать действиям Китая по борьбе с изменением климата.

¹ Constitution of the Communist Party of China (Adopted on Nov. 14, 2012). URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012-11/16/content_27138030.htm (дата обращения: 04.12.2018).

² State Council, 国务院关于2015年度环境状况和环境保护目标完成情况的报告 [Отчет Госсовета об экологических условиях и выполнении природоохранных целей в 2015 г.]. 2016 (2). URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2016-07/11/content_1994454.htm (дата обращения: 04.02.2018).

³ National Development and Reform Commission (2017), 国家发展改革委关于印发《全国碳排放权交易市场建设方案（发电行业）》的通知 [Уведомление Национальной комиссии развития и реформ по печати и распространению «Национальной схемы торговли квотами на выбросы для рынка электроэнергии (электроэнергетика)»]. URL: http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/gfxwj/201712/t20171220_871127.html (дата обращения: 04.12.2018).

⁴ National Bureau of Statistics of China (2017), Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2016 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201702/t20170228_1467503.html (дата обращения: 04.12.2018).

Для достижения цели 14 – устойчивого использования морских ресурсов на законодательном уровне, Закон об охране морской среды был обновлен в 2016 г. Основные изменения в недавно обновленном Законе об охране морской среды заключаются в следующем: 1) красная линия защиты окружающей среды (статья 3) и система компенсации защиты морских ресурсов (статья 24) стали основной системой защиты морских ресурсов; 2) была разработана национальная схема морского функционального зонирования для прибрежных местных органов власти, на основе которой разрабатываются планы охраны и устойчивого использования водного пространства; и 3) верхний предел штрафа за загрязнение морской среды был отменен. Таким образом, правительство КНР усилило наказание за действия, которые вызывают загрязнение морской среды¹. На уровне реализации 30% прибрежных зон и 35% континентального побережья были включены в зону красной линии для экологического контроля, охраняемые морские районы удвоились за 5 лет, достигнув 4,1% морских районов, находящихся под национальной юрисдикцией². Тем не менее также важно отметить, что Повестка дня ООН до

2030 г. требует сохранения не менее 10% прибрежных и морских районов к 2020 г.³ Разрыв остается огромным для достижения этой конкретной цели.

Прогресс и неудачи сосуществуют в аспекте устойчивого использования наземных экосистем (цель 15). Был достигнут прогресс в устойчивом управлении лесами, в борьбе с опустыниванием и утратой биоразнообразия, но экологическая ситуация в Китае все еще остается тяжелой. Согласно Национальному экологическому отчету об окружающей среде, опубликованному в 2015 г. (за 2000–2010 гг.), площадь опустынивания земель и каменистых земель сократилась на 6% и 4,7% соответственно⁴. Вместе с тем среди 512 округов, исследованных с помощью спутникового дистанционного зондирования, мониторинга окружающей среды и других традиционных инструментов, условия окружающей среды улучшились в 105 округах и при этом ухудшились в 66 округах⁵. Согласно докладу МООС 2017 г., округа с низкой оценкой качества окружающей среды в основном распределены в таких провинциях, как Внутренняя Монголия, Ганьсу, Тибет и Синьцзян⁶.

³ UN, Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations, 2015. 39 p.

⁴ Ministry of Ecology and Environment, 2015 年自然生态环境 [Экологическая среда в 2015 г.]. URL: http://www.mee.gov.cn/hjzl/sthj/201606/t20160602_353281.shtml (дата обращения: 04.12.2018).

⁵ State Council, 国务院关于2015年度环境状况和环境保护目标完成情况的报告 [Отчет Госсовета об экологических условиях и выполнении природоохранных целей в 2015 г.]. 2016 (2). URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2016-07/11/content_1994454.htm (дата обращения: 04.02.2018).

⁶ Ministry of Ecology and Environment. Environment in China in 2017. URL: <http://www.mee.gov.cn/hjzl/zghjzkqb/lzghjzkqb/201805/P020180531534645032372.pdf> (дата обращения: 04.12.2018)

¹ National People's Congress. 全国人民代表大会常务委员会关于修改《中华人民共和国海洋环境保护法》的决定, 2016 [Решение Постоянной комиссии Всекитайского собрания народных представителей о внесении изменений в Закон об охране морской среды]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001574.htm (дата обращения: 04.12.2018).

² 海洋生态文明建设成效显著 [Строительство морской экологической цивилизации достигло значимых результатов] // 中华人民共和国自然资源部 [сайт]. URL: http://www.mnr.gov.cn/zt/hy/2018hygzhy/2017/201801/t20180122_2101877.html (дата обращения: 04.12.2018).

Заключение

В заключение следует отметить, что в последнее десятилетие произошли серьезные политические преобразования в области охраны окружающей среды. «Создание экологической цивилизации» стало одной из важнейших национальных стратегий Китая. С политикой в области охраны окружающей среды Китай медленно продвигается к целям, установленным в Повестке дня ООН до 2030 г.

Китай усовершенствовал свою правовую систему с тем, чтобы она охватила все области окружающей среды, в то же время внедрил как обязательные, так и рыночные инструменты для обеспечения реализации политики. Цели, поставленные в Повестке дня ООН до 2030 г., отражены во внутреннем пятилетнем плане Китая. С помощью сформулированных «обязательных задач» Китай достиг большинства целей в своем последнем 12-м пятилетнем плане.

Однако охрана окружающей среды по-прежнему остается одной из глав-

ных задач и задач 13-й пятилетки. Согласно 13-му плану экологической защиты, качество воздуха, воды и почвы будет основным объектом обязательного контроля. В то же время соответствующий процесс мониторинга будет осуществляться на 1436 станциях мониторинга загрязнения атмосферы, 3486 станциях контроля качества воды и 40 000 станций мониторинга почвы¹.

В поисках устойчивой модели развития органы власти сталкиваются с двойной проблемой экономического развития и защиты окружающей среды. Такие проблемы, как сокращение использования возобновляемых источников энергии, возникают в условиях экономического спада, что вновь свидетельствует о том, что все области устойчивого развития являются интегрированным комплексом и, следовательно, требуют координации политики в экономических, социальных и экологических аспектах.

Статья поступила в редакцию 05.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Кранина Е. И. Китай: ускорение строительства «экологической цивилизации» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 102–111.
2. Рогожина Н. Г. Экологическая составляющая развития Китая // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире: сборник по материалам конференции в 2-х т. Том 1. М.: ИМЭМО, 2014. С. 196–203.
3. Ушаков И. В. Экологическая политика и экологическая ситуация // Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура (К 65-летию КНР). М.: Инфра-М, 2014. С. 210–215.
4. Beeson M. Environmental authoritarianism and China // The Oxford Handbook of Environmental Political Theory. Oxford University Press, 2016. P. 520–532.
5. Eaton S., Kostka G. Central protectionism in China: The «Central SOE Problem» in environmental governance // The China Quarterly. 2017. Vol. 231. P. 685–704.
6. Kostka G. Command without Control: The Case of China's Environmental Target System // Regulation & Governance. 2016. Vol. 10. P. 58–74.

¹ State Council, 国务院关于印发“十三五”生态环境保护规划的通知 [Уведомление Государственного совета о печати и распространении плана по защите окружающей среды для тринадцатой пятилетки]. 2016 (3). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/05/content_5143290.htm (дата обращения: 04.12.2018).

7. Kostka G. Local Environmental Politics in China: Challenges and Innovations. Routledge, 2017. 134 p.
8. Li H., Dong W., Qi Y. “十二五”低碳发展回顾 [Обзор низкоуглеродного развития в 12-й пятилетке]. Brookings-Tsinghua Center for Public Policy, 2017. 29 p.
9. Mu Z. et al. Environmental Legislation in China: Achievements, Challenges and Trends // Sustainability. 2014. Vol. 6. P. 8967–8979.
10. Song R., Dong W., Zhu J., Zhao X., Wang Y. “Assessing Implementation of China’s Climate Policies in the 12th 5-Year Period”. Washington, DC: World Resources Institute. 2015. 48 p.
11. Sun W. et al. 环保考核、地方官员晋升与环境治理 – 基于2004–2009 年中国86 个重点城市的经验证据 [Экологическая оценка, местное официальное содействие и управление окружающей средой – эмпирические данные 86 главных городов Китая (2004–2009)] // 清华大学学报 (哲学社会科学版) 2014 年第4 期 (第29 卷) [Журнал Университета Цинхуа (философия и социальные науки)]. 2014. Т. 29, № 4.
12. Wang D. 盘点2017: 环保监管“长牙齿”, 蓝天不再是新闻 [Обзор 2017 г.: У экологического регулирования «появляются зубы», голубое небо уже не новость] // People.cn [сайт]. URL: <http://yuqing.people.com.cn/n1/2017/1228/c394782-29733402.html> (дата обращения: 02.12.2018).

REFERENCES

1. Kranina E. I. [China: accelerating the creation of an “ecological civilization”]. In: *Problemy Dal’nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2016, no. 5, pp. 102–111.
2. Rogozhina N. G. [Environmental component in the development of China]. In: *Kitaiskaya tsivilizatsiya v globaliziruyushchetsya mire: sbornik po materialam konferentsii v 2 t. Tom 1* [Chinese civilization in the globalizing world: a collection of conference materials in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, IMEMO Publ., 2014, pp. 196–203.
3. Ushakov I. V. [Environmental policy and the environmental situation]. In: *Kitaiskaya Narodnaya Respublika: ekonomika, politika, kul’tura (K 65-letiyu KNR)* [People's Republic of China: economy, politics, culture (the 65th anniversary of China)]. Moscow, Infra-M Publ., 2014, pp. 210–215.
4. Beeson M. Environmental authoritarianism and China. In: *The Oxford Handbook of Environmental Political Theory*, Oxford University Press, 2016, pp. 520–532.
5. Eaton S., Kostka G. Central protectionism in China: The «Central SOE Problem» in environmental governance. In: *The China Quarterly*, 2017, vol. 231, pp. 685–704.
6. Kostka G. Command without Control: The Case of China's Environmental Target System. In: *Regulation & Governance*, 2016, vol. 10, pp. 58–74.
7. Kostka G. Local Environmental Politics in China: Challenges and Innovations, Routledge, 2017. 134 p.
8. Li H., Dong W., Qi Y. [Review of low-carbon development in the 12th five-year plan], Brookings-Tsinghua Center for Public Policy, 2017. 29 p.
9. Mu Z. et al. Environmental Legislation in China: Achievements, Challenges and Trends. In: *Sustainability*, 2014, vol. 6, pp. 8967–8979.
10. Song R., Dong W., Zhu J., Zhao X., Wang Y. Assessing Implementation of China’s Climate Policies in the 12th 5-Year Period. Washington, DC: World Resources Institute, 2015. 48 p.
11. Sun W. et al. [Environmental assessment, local official assistance and environmental management – empirical data from 86 major Chinese cities (2004–2009)]. In: [Tsinghua University journal (Philosophy and Social Sciences)], 2014, vol. 29, no. 4].
12. Wang D. [2017 review: the environmental regulation “has grown teeth”, the blue sky is not the news anymore]. In: *People.cn*. Available at: <http://yuqing.people.com.cn/n1/2017/1228/c394782-29733402.html> (accessed: 02.12.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Чжань – соискатель кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: zhan.zhang@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhang Zhan – PhD student at the Department for Politology of Oriental countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: zhan.zhang@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Чжань. Экологическая политика Китая и реализация целей в области устойчивого развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 184–192.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-184-192

FOR CITATION

Zhang Zhan. China's Environmental Policy and the Implementation of the Sustainable Development Goals. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 184–192.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-184-192

УДК 327.33; 327.36

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-193-201

КОНСТРУКТИВНАЯ РОЛЬ ЮНЕСКО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Арсанова Т. Е.*Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова**125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на основе изучения нормативно-правовой базы ЮНЕСКО, отчетной документации и статистики анализируется деятельность ЮНЕСКО в современных политических условиях. Автор ставит целью оценить роль организации в системе современных международных отношений. Проведенный анализ основных направлений деятельности ЮНЕСКО на примере арабских стран подтверждает ее чрезвычайно важную роль, а используемые в исследовании системный, политологический, исторический и другие подходы позволяют утверждать, что организация через свои проекты решает политическую задачу по формированию диалоговой основы международного сотрудничества, поддержания мира и стабильности; выступает конструктивной площадкой для взаимодействия государств.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, цивилизация, международные отношения, устойчивое развитие, образовательный уровень, человеческий капитал.

CONSTRUCTIVE ROLE OF UNESCO IN THE MIDDLE EAST

T. Arsanova*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University**11 ul. Mokhovaya, Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract. This article examines the activity of UNESCO in the current political environment on the basis of research into the legal framework of UNESCO, its documentation and statistics. The author aims to identify the constructive role of the organization in the system of contemporary international relations. An analysis of the main activities of UNESCO, which was conducted using the example of Arab countries, confirms its extremely important role. The approaches used in the study (systemic, political, historical, etc.) suggest that, through its projects, the organization carries out the political agenda of forming a foundation for the dialogue within the framework of international cooperation, maintaining peace and stability; it acts as a constructive platform for the interaction between states.

Keywords: UNESCO, civilization, international relations, sustainable development, educational level, human capital.

Сегодня обостряются многие политические противоречия, появляются новые вызовы и угрозы, новые акторы международных отношений, что существенно затрудняет решение многих проблем и социально-экономическое развитие в

целом. Осложняется ситуация с переформатированием самого глобального миропорядка, что подтверждается образованием новых центров силы. В этой связи особую значимость приобретает вопрос о механизмах обеспечения баланса сил на международной арене. Все чаще признается неконструктивность многих существующих политических институтов, международных организаций. Так, подвергаются критике деятельность ООН и ее структур на современном этапе.

Отмечая существенное значение для нашего исследования работ в области международных отношений, следует назвать ряд советских и российских ученых, которые систематически занимались исследованием проблем деятельности ООН как международной организации: Л. Е. Гришаеву [2; 3], В. И. Маргиева [6], Г. И. Морозова [7], Е. А. Шибяеву [11], а также Г. М. Вельяминова, Э. С. Кривчикова, А. Е. Никитина, В. Г. Шкунаева. Из зарубежных ученых можно выделить работы Томаса Вейсса [14; 15], Иоахима Мюллера [12], Маррака Гулдинга [4]. Однако исследование ЮНЕСКО как структурного подразделения ООН не отличается подобной системностью и комплексностью: в работах современных авторов нашли отражение отдельные аспекты многосторонней деятельности организации¹. Еще в советское время был опубликован юбилейный очерк о ЮНЕСКО Г. В. Уранова [10]. Роль ЮНЕСКО в условиях современных глобальных процессов обобщена

в материалах о видении будущего этой организации, в сборнике так называемого «форума размышлений» (Forum of Reflexion, 2004–2005 гг.) [13]. В нем представлен анализ практики и теоретической основы деятельности за 60 лет, а также дается их прогноз. Общие подходы к современным проблемам и новым тенденциям в международных отношениях рассмотрены в работе авторских коллективов университета МГИМО [5; 9].

В нашем исследовании предпринята попытка на основе нормативно-правовой базы ЮНЕСКО, отчетной документации и статистики рассмотреть основные направления деятельности ЮНЕСКО, оценить ее роль в странах Ближнего Востока, используя системный, политологический, исторический подходы.

Кризис состояния международных отношений подтверждает необходимость поиска новой основы международных взаимодействий, которая способствовала бы сотрудничеству, диалогу государств. Нельзя не отметить, что в современных условиях сфера международного гуманитарного сотрудничества демонстративно превалирует в международных отношениях. Современная глобализация проявляется и в нарастающем взаимообогащении культур. Культура занимает прочное место в стратегии стабильности и развития любого государства. Межкультурное взаимодействие, в основе которого находится диалог цивилизаций, способствует формированию у государств соответствующей модели поведения. Только признание паритетности культур, их многообразия способствуют пониманию необходимости международного консенсуса.

¹ В их числе Л. В. Андреев, Ю. К. Бабанский, В. Н. Большаков, Ф. И. Гиренок, Ю. Е. Карлов, З. А. Малькова, Н. Н. Моисеев, Г. А. Можаяев, А. Ф. Никитин, А. В. Петровский, В. М. Пивоваров, И. Т. Суравегина, Г. А. Ягодин и др.

Многообразие культур современного мира предполагает их сохранение и развитие на основе преемственности бытия народов, обеспечение передачи накопленных этносами достижений в материальной и духовной культуре от поколения к поколению и от народа к народу. От этого зависит будущее человечества. Сложные условия современного развития определяют подходы на основе культурного плюрализма и межкультурного взаимодействия к решению общечеловеческих проблем. В этой связи так важна фундаментальная идея ЮНЕСКО об укреплении мира в умах людей¹.

ЮНЕСКО принадлежит культурно-дипломатическая роль в поддержании глобальной безопасности. Уставная деятельность организации, ее политика, различные формы научной, экспертной, методологической, образовательной поддержки имеют стабилизирующее значение в конфликтных ситуациях межкультурного и межрелигиозного содержания. Деятельность ЮНЕСКО содействует укреплению мира и международной безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения и справедливости². ЮНЕСКО остается единственной межправительственной организацией

ООН в сфере международного культурного сотрудничества. Поэтому так важны использование существующих и разработка новых механизмов воздействия и влияния в интересах сохранения мира и стабильного развития. ЮНЕСКО через свои проекты решает политическую задачу по формированию диалоговой основы международного сотрудничества, поддержания мира и стабильности; выступает конструктивной площадкой для взаимодействия государств.

ЮНЕСКО сегодня объединяет 193 государств-членов и 11 ассоциированных членов. 177 государств имеют национальные комиссии, объединяющие представителей образования, науки и культуры. Также существует сеть организаций, являющихся ассоциированными членами ЮНЕСКО: существует более 3200 ассоциированных школ ЮНЕСКО, занимающихся воспитанием молодежи, и более 4800 центров, ассоциаций и клубов ЮНЕСКО. Также ЮНЕСКО поддерживает тесные связи с ООН и ее специальными учреждениями, имеет договорные отношения с ведущими межправительственными организациями, такими как ОЭСР, ОБСЕ, ОАГ, ОАЕ и другими. С ЮНЕСКО активно сотрудничают свыше 600 международных неправительственных организаций: образовательных, научных, культурных, молодежных, женских, религиозных и др. ЮНЕСКО выделяет в своей деятельности четыре основных направления: образование, наука, культура и коммуникации. Организация имеет региональные структурные подразделения: 4 бюро по связям, расположенные в Женеве, Брюсселе, Нью-Йорке и Аддис-Абебе; 13 региональных бюро: 5 – в Африке,

¹ См. Ичхонскую декларацию Всемирного форума по вопросам образования 2015 г. «Образование – 2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни»; URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002331/233137r.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).

² См. Устав ЮНЕСКО. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/unesco/about-us/who-we-are/history/constitution/> (дата обращения: 10.01.2019).

2 – в арабских странах, 2 – в Азии, 3 – в Латинской Америке и 1 – в Европе; двадцать семь кластерных бюро, через которые осуществляется взаимодействие между странами-членами по общим приоритетным направлениям в международном обществе, с другими специальными подразделениями ООН¹.

Фундаментальная задача ЮНЕСКО – это укрепление мира в умах людей, что должно способствовать формированию новой культуры мира, основанной на культурном плюрализме и межкультурном взаимодействии². Сегодня социокультурная сфера активно превращается в инструмент для достижения политических целей. Крайне важно это понимать и не допускать подобного влияния.

Взаимодействие, взаимное уважение и понимание наций и религий могут быть достигнуты только при определенном уровне образования народов. В целях сохранения диалога цивилизаций и дальнейшей солидарности человечества еще в декабре 2006 г. была ратифицирована Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. По мнению бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, в основе цивилизационных столкновений лежат искаженные представления и стереотипы: «находясь во власти которых некоторые группы страстно хотят новой войны религий, теперь уже в глобальном масштабе, причем бесчувственное или даже пренебрежительное отношение других к их вере или священным

символам помогает им в этом»³, что также свидетельствует о недостаточном уровне образования.

Очевидно, что в современных противоречивых условиях развития возрастает роль системы образования как основы понимания цивилизационных основ развития и формирования современного человеческого капитала. Образовательная политика сегодня как часть государственной политики представляет собой не только гарантию обеспечения основных прав и свобод гражданина, но и является инструментом повышения темпов социально-экономического развития любого государства. Сегодня образование в сочетании с продуманной государственной политикой в этой сфере представляет собой огромный потенциал развития любого общества и основу успешной реализации проводимых реформ [8].

Трудовым потенциалом любого государства является совокупность реальных и предполагаемых трудовых возможностей, характеристика которых определяется количеством трудоспособного населения, его профессионально-образовательным уровнем, а также другими качественными характеристиками.

Современными исследователями проблематики народонаселения планеты создан Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который рассчитывается на основании учета свыше ста различных показателей, на основании которых в течение ряда

¹ Официальный сайт ЮНЕСКО (URL: <https://ru.unesco.org/countries>)

² См. ссылку выше на Ичхонскую декларацию.

³ Ист.: Выступление бывшего Генерального секретаря Кофи Аннана в связи с получением доклада, озаглавленного «Альянс цивилизаций» 13 ноября 2006 года. URL: http://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2006/sg_alliance.shtml (дата обращения: 10.01.2019).

лет выявляются тенденции изменения развития человеческого капитала в той или иной стране. Начиная с 1990 г. международное сообщество публикует Индекс развития человеческого потенциала всех стран, входящих в ООН. Этот комплексный сравнительный показатель качества жизни населения, разработанный на основе учета более ста характеристик (продолжительность жизни, уровень образования и численность обучающихся, доходы человека, реальный ВВП на душу населения и пр.) позволяет выявить ряд значимых индексов, значение которых выражается в пределах от 0 до 1. На этом основании рассчитывается рейтинг группы стран с высоким (от 1 до 0,8), средним (от 0,8 до 0,5) и низким (от 0,5 до 0) уровнем развития человеческого потенциала. Этот показатель подсчитывается и публикуется в официальных изданиях ООН как меняющийся рейтинг по индексу человеческого развития стран, входящих в ООН.

Радикальные социально-политические изменения в арабских странах, превращение большинства из них из стабильных обществ в общества высоких социальных рисков и хаотической нестабильности во всех сферах социальной практики, существенным образом повлияли на рейтинг стран по индексу человеческого развития (ИЧР). Так, например, по последним данным, Ливия была отнесена к странам с высоким уровнем индекса человеческого развития (см. табл.), занимает 64 место с индексом 0,769, а Сирия – со средним уровнем индекса человеческого развития, занимает 116 место и ее индекс равен 0,648. Но сравнение с результатами доклада 2010 г. показывает: Ливия

занимала 53 место (ИЧР 0,755), Сирия – 111 (0,589), Тунис – 81 (0,683), Египет – 101 место (0,620). Таким образом, четко видно снижение такого важного показателя, как ИЧР, который, как известно, является совокупным показателем, уровня развития человека в стране, что позволяет нам говорить о снижении качества или уровня жизни во всех рассмотренных странах.

Таблица

Индекс человеческого развития стран мира

Место	Страна	ИЧР
64	Ливия	0.769
76	Иран	0,742
94	Тунис	0,712
112	Египет	0,662
116	Сирия	0,648
131	Ирак	0,59

Ист.: [1]

Социально-экономические успехи государств, сохранение и развитие человеческого капитала напрямую связаны с тенденциями в образовательной и культурной областях. Образование выполняет при этом важную стратегическую функцию. Развитие образовательной сферы, образовательная политика составляют основу национальной стратегии для устойчивого стабильного развития государства. Так, образовательная политика арабских государств, разработка и реализация образовательных программ и проектов в арабских странах – это необходимое условие их стабильного социально-экономического и политического развития.

Образовательные проекты ЮНЕСКО (например, мобильного обучения) направлены на расширение возможностей для обучения в отдаленных районах, для поддержания расширения доступа к образованию¹. Проекты представляют новые формы обучения. Необходимо отметить взаимосвязь образовательного уровня населения и социальных процессов. Так, упоминаемый проект мобильного обучения среди молодежи связывают с социально-политическими движениями, возникшими в Северной Африке и на Ближнем Востоке в 2011 г. Возможно, «Арабская весна» относится к числу наиболее значимых неформальных явлений мобильного обучения в 2011 г. Тысячи молодых людей использовали социальные сети, доступ к которым осуществляется через мобильные телефоны, в качестве пространства для самоидентификации, самоутверждения, оспаривания и мобилизации вокруг демократии, прав человека и гражданских свобод. Анализ произошедших событий также выявил свидетельства того, как молодые люди в регионе определяют свою личность посредством интеграции мобильных телефонов в свою повседневную жизнь. Таким образом, развитие мобильного обучения можно охарактеризовать как политическое последствие в условиях быстро развивающейся среды.

Политическая нестабильность Арабского региона еще более актуализирует предложенную к рассмотрению проблему. Страны Ближнего Востока и

Северной Африки инвестируют значительные ресурсы и политический капитал в образовательные проекты. Но все еще большое количество детей данного региона не посещают школу. Так, например, численность обучающихся в начальных школах уменьшилась вдвое; 2,9 миллиона детей младшего среднего возраста до сих пор не посещают школу. Если мы включим год дошкольного образования, который является фундаментом, на котором будет построено будущее обучение ребенка, – то получаем ошеломляющие цифры – 12,3 миллиона детей в 20 странах не получают образование, что является серьезной проблемой не только самих стран, но и имеет глобальное значение. В этой связи очевидно, что социально-политические последствия реализации образовательных проектов ЮНЕСКО в условиях быстро развивающегося мира, информационно-коммуникационных технологий имеют большое значение для стабильного развития стран рассматриваемого региона.

Также большое значение имеет научно-технический потенциал страны. Научные ресурсы, под которыми принято понимать научно-технический потенциал, в сочетании с наукой определяют возможности той или иной страны осуществлять у себя научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, для чего необходимы прочная образовательная основа, финансовые ресурсы, материально-техническое обеспечение и ряд дополнительных качественных факторов².

¹ См. резюме Всемирного доклада по мониторингу образования 2016 г. «Образование в интересах людей и планеты: построение устойчивого будущего для всех». URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002457/245745r.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).

² См. резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 10.01.2019).

Также необходимо помнить, что система образования является основным институтом социализации личности, начиная примерно с 6–7 лет и до 18–25 лет. В это время человек развивается умственно, формируются его основные социальные качества.

Следует отметить, что среди многих функций образования, наряду с важностью гносеологической, прогностической и другими, мы выделяем мировоззренческо-ценностную, которая формирует у личности соответствующую позицию и ценностное отношение к происходящим явлениям. Страны Арабского региона имеют особенность, которую следует учитывать: специфика арабской ментальности обусловлена тем, что на исламских ценностях строятся все аспекты жизнедеятельности, что превращает ислам в комплекс «религия–идеология–политика», которые структурируют содержательно и функционально все системы бытия; роль ислама в образовании сложно переоценить.

Следует также обратить внимание, что глобализация в сфере культуры ведет к существенным изменениям мировосприятия на глубинном уровне, способствует формированию у различных народов общего видения процессов, общих интересов. Однако мы можем наблюдать и обратный процесс, направленный на локализацию и превалирование собственных националь-

ных интересов, культурных и моральных ценностей.

В этой связи можно говорить о том, что предпринимаемые ЮНЕСКО меры направлены на реализацию важнейшей политической задачи современности – предотвращение цивилизационного раскола мира путем свободного диалога между культурами и цивилизациями. Роль ЮНЕСКО в решении задач в сфере образования, науки, коммуникаций, культуры представляется важной и конструктивной в системе современных международных отношений.

Таким образом, изучение институциональных и функциональных аспектов деятельности ЮНЕСКО в контексте социально-политических функций образования в условиях современных международных отношений позволяет утверждать, что деятельность ЮНЕСКО влияет или может влиять на формирование нового миропорядка, на обеспечение баланса сил, на устойчивое развитие государств. Актуальным в контексте современных международных отношений представляется сотрудничество ЮНЕСКО с арабскими странами, использование потенциала ЮНЕСКО для расширения политического влияния по формированию диалоговой основы международного сотрудничества, поддержания мира и стабильности.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсанова Т. Е., Кулешова Н. С. Молодежный фактор в арабских странах // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2014. № 3. С. 44–55.
2. Гришаева Л. Е. ООН вступает в восьмое десятилетие // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4 (28). С. 87–96.
3. Гришаева Л. Е. ООН: новый генсек, старые проблемы // Вестник Дипломатической академии МИД РФ. 2017. № 1. С. 9–24.

4. Гулдинг М. Организация Объединенных Наций: лидерство, реформы и миротворчество. М.: Московский Центр Карнеги, 2007. 16 с.
5. Культура толерантности и опыт дипломатии / под ред. И. Г. Тюлина. М.: МГИМО – Университет, 2004. 302 с.
6. Маргиев В. И. Международные организации: теоретические аспекты. Майкоп: Адыгея, 2001. 475 с.
7. Морозов Г. И. ООН на рубеже XXI века (кризис миротворчества ООН). М.: Институт Европы РАН, 1999. 95 с.
8. Рудской А. И., Окрепилов В. В., Оводенко А. А. Реализация приоритетных направлений ЮНЕСКО в области управления качеством образования в интересах устойчивого развития // Взаимодействие кафедр ЮНЕСКО по управлению качеством образования в интересах устойчивого развития: сборник докладов секции Санкт-Петербургского международного экономического форума. СПб.: Политехнический ун-т, 2018. С. 7–10.
9. Современные международные отношения и мировая политика: учебник для вузов / отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. 990 с.
10. Уранов Г. В. ЮНЕСКО (К 40-летию деятельности). М.: Международные отношения, 1986. 123 с.
11. Шибаева Е. А. Специализированные учреждения ООН. М.: Международные отношения, 1966. 112 с.
12. Müller J. Reforming the United Nations: A Chronology. Leiden: Brill, 2016. 428 p.
13. What UNESCO for the future? Paris: UNESCO Publishing, 2006. 182 p.
14. Weiss T. G. The Illusion of UN Security Council Reform // The Washington Quarterly. 2003. № 26. P. 147–161.
15. Weiss T. G., Daws S. The Oxford Handbook on the United Nations. L.: Oxford University Press, 2009. 848 p.

REFERENCES

1. Arsanova T. E., Kuleshova N. S. [The youth factor in Arab countries]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie* [Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies], 2014, no. 3, pp. 44–55.
2. Grishaeva L. E. [The UN entering its eighth decade]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences], 2017, no. 4 (28), pp. 87–96.
3. Grishaeva L. E. [The UN: a new Secretary-General, old problems]. In: *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID RF* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation], 2017, no. 1, pp. 9–24.
4. Gulding M. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii: liderstvo, reformy i mirotvorchestvo* [The United Nations: leadership, reforms and peacemaking]. Moscow, Carnegie Moscow Center Publ., 2007. 16 p.
5. Tyulin I. G. ed. *Kul'tura tolerantnosti i opyt diplomatii* [A culture of tolerance and the experience of diplomacy]. Moscow, MGIMO – University Publ., 2004. 302 p.
6. Margiev V. I. *Mezhdunarodnye organizatsii: teoreticheskie aspekty* [International organizations: theoretical aspects]. Maykop, Adygeya Publ., 2001. 475 p.
7. Morozov G. I. *OON na rubezhe XXI veka (krizis mirotvorchestva OON)* [The UN at the turn of the 21st century (crisis of UN peacekeeping)]. Moscow, Institut Evropy RAN Publ., 1999. 95 p.
8. Rudskoi A. I., Okrepilov V. V., Ovodenko A. A. [The implementation of UNESCO's priorities in the field of education quality management in the interest of sustainable development].

In: *Vzaimodeistvie kafedr YUNESKO po upravleniyu kachestvom obrazovaniya v interesakh ustoichivogo razvitiya: sbornik докладов seksii Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma* [The interaction of UNESCO Chairs in the field of education quality management in the interest of sustainable development: a collection of section reports from the St. Petersburg International Economic Forum]. St. Petersburg, Politechnical University Publ., 2018, pp. 7–10.

9. Torkunov A. V., ed. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika: uchebnik dlya vuzov*, [Modern international relations and world politics: a university textbook]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2004. 990 p.
10. Uranov G. V. *YUNESKO (K 40-letiyu deyatel'nosti)* [The 40th anniversary of UNESCO]. Moscow, International relationships Publ., 1986. 123 p.
11. Shibaeva E. A. *Spetsializirovannye uchrezhdeniya OON* [The UN specialized agencies]. Moscow, International relationships Publ., 1966. 112 p.
12. Müller J. *Reforming the United Nations: A Chronology*. Leiden, Brill, 2016. 428 p.
13. *What UNESCO for the future?* Paris, UNESCO Publishing, 2006. 182 p.
14. Weiss T. G. The Illusion of UN Security Council Reform. In: *The Washington Quarterly*, 2003, no. 26, pp. 147–161.
15. Weiss T. G., Daws S. *The Oxford Handbook on the United Nations*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 848 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арсанова Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: tat.evg.iaas@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Arsanova – Senior Lecturer at the Department of Arabic Philology Institute Asia and Africa Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: tat.evg.iaas@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Арсанова Т. Е. Конструктивная роль ЮНЕСКО на Ближнем Востоке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 193–201.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-193-201

FOR CITATION

Arsanova T. Constructive Role of UNESCO in the Middle East. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 193–201.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-193-201

УДК 327.5; 327.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-202-209

РИК (РОССИЯ – ИНДИЯ – КИТАЙ) В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Го Чанчао

*Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается концепция политического взаимодействия трех стран – России, Индии и Китая, составляющих стратегический треугольник региона. Цель исследования заключается в выявлении существующих проблем и противоречий между странами – участниками РИК, а также в определении возможных способов их урегулирования. Используя системный, исторический, политологический и другие современные подходы к исследованию международных отношений, международной безопасности, автор анализирует динамику развития отношений этих стран в рамках становления новой системы международной безопасности. Основываясь на современных тенденциях в сфере международных отношений, а также экспертных оценках, автор выделяет основные направления политического взаимодействия Россия – Индия – Китай в рамках трехстороннего формата и на уровне двусторонних отношений. Выводы исследования могут использоваться для прогнозирования направлений развития взаимоотношений между данными государствами.

Ключевые слова: Россия, Китай, Индия, политическое взаимодействие, стратегический треугольник, современные международные отношения, полицентричность, геополитическое влияние

RIC (RUSSIA – INDIA – CHINA) IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS: ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES

Go Changchao

*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
11 ul. Mokhovaya, Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the concept of political interaction between three countries – Russia, India and China, which make up the strategic triangle of the region. In this work, the author sets out to identify existing problems and contradictions between the countries participating in the RIC, as well as to determine possible ways of resolving them. Using modern approaches to the study of international relations and security (systemic, historical, political science, etc.), the author analyzes the dynamics of the relations between these countries in the framework of the formation of a new international security system. On the basis of current trends in international relations, as well as expert assessments, the author outlines key directions of political cooperation between Russia, India and China within the framework of triangular cooperation and at the

level of bilateral relations. The findings of the study can be used to predict the directions of the development of relations between these countries.

Keywords: Russia, China, India, political interaction, strategic triangle, modern international relations, polycentrism, geopolitical influence.

Современные международные отношения предполагают глобальное противоборство великих держав с целью получения контроля над торговыми путями и крупнейшими международными рынками. Решение этого вопроса даст возможность той или иной стране занять центральное положение в системе мировой экономики, что предполагает лидерство в политическом аспекте. Сегодня мы отмечаем тенденции к перераспределению сфер влияния между мировыми державами, на что также претендуют небольшие государства, не желающие оставаться сырьевыми придатками экономически развитых стран. Следует отметить, что в данном аспекте мир никогда еще не был столь динамичным. На международной арене отмечается появление новых акторов, прежние крупные игроки переживают упадок. По этой причине внешняя политика государств помимо внутренних факторов, во многом определяется принципами, на основе которых развивается современный мир с учетом складывающихся центров силы. Главный вызов для каждой из стран состоит в том, как реагировать на все эти изменения, заботясь о продвижении собственных национальных интересов.

В данной связи отдельный интерес представляет для Евразийского региона идея создания блока России, Индии и Китая (РИК), которая выдвигалась Е. М. Примаковым еще более 20 лет назад. Создание такого «Евразийского треугольника» с определенной стра-

тегией впервые прозвучала в декабре 1998 г. в ходе официального визита тогдашнего Министра иностранных дел России Е. М. Примакова в Индию. Это произошло по причине готовящейся военной интервенции НАТО в Союзную Республику Югославию, против которой выступала Россия, призывая все страны к взаимодействию [5].

Нужно отметить, что вопрос о новом «треугольнике» активно дискутировался в международной и региональной политике того периода [7]. Данное предложение было воспринято весьма сдержанно в политических кругах Нью-Дели и Пекина. Изменившаяся международная ситуация позволяет позиционировать объединение БРИКС как реализацию приматовской идеи в формате «3+». Первая официальная встреча представителей стран, входящих в диалог РИК, прошла во Владивостоке в 2005 г. Многие политики считают, что именно с этого момента началось сближение трех стран. Тогда и была провозглашена главная цель альянса – сделать мир многополярным и демократизировать миропорядок¹.

Диалог РИК – это механизм взаимодействия трех лидирующих стран по таким наиболее важным вопросам, как угроза терроризма, наркотрафик из Афганистана, обеспечение безопасности в регионе, установление торго-

¹ См., например, мнение индийского Institute for Defence Studies and Analyses (перевод: Дас Р. Н. Треугольник Россия – Китай – Индия в поисках идеального равновесия, 15.11.2010 г. URL: <http://inosmi.ru/world/20101116/164263096.html> (дата обращения: 04.12.2018).

вых отношений с Центральной Азией, обеспеченность энергоресурсами, влияние стран на мировую политику и предотвращение гегемонии США в регионе. Входящие в это неформальное объединение Россия, Индия и Китай (РИК) представляют собой реальный потенциал, способный влиять коренным образом на современные глобальные процессы. В переговорном формате РИК в конце 2017 г. министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым было подчеркнуто, что развитие сотрудничества по линии РИК является важной составной частью процесса переформирования архитектуры мироустройства на более демократичную, полицентричную, основанную на принципах международного права¹.

Высокую оценку деятельности РИК получает в китайских научных кругах. Так, профессор Гуань Гуйхуа отмечает, что, «будучи ключевыми игроками в мировой политике, Россия, Индия и Китай достойны и обязаны играть более существенную роль. Но возможно это только при условии их координации». РИК – это уникальный современный механизм².

Анализ развития данного объединения позволяет допустить наличие проблем во взаимодействии трёх стран. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) за годы своего существования состоялась как орга-

низация и даже расширилась, активно выполняя свои задачи. К ней присоединились Индия и Пакистан. Сегодня активно обсуждается концепция «континентального партнерства», предложенная российской и китайской сторонами как план развития Евразии через совместные инфраструктурные проекты и трансграничные связи. Таким образом, как считает заведующий отделом Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (Китай), главный научный сотрудник Китайской академии общественных наук Чжао Хуэйжун, организация активно противодействует внешнему вмешательству во внутренние дела стран-участниц ШОС, борется с попытками замены правящих режимов в странах ШОС по сценарию Афганистана, Сирии и Ирака³. Всё это повышает роль организации в деле обеспечения безопасности и сохранению национального суверенитета.

Вместе с тем, как заметил вице-президент исследовательского фонда Observer (Индия) Нандан Унникришнан, между странами РИК существуют внешнеполитические проблемы. В качестве примера эксперт называет «плохие» отношения России и Запада, выражающиеся во введенных санкциях, которые имеют долгосрочный характер. Также исследователь считает, что взаимодействие России и Китая

¹ Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая (РИК), Нью-Дели, 11 декабря 2017 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2983906 (дата обращения: 04.12.2018).

² Цит. по: Тарасенко П. У России, Индии и Китая не складывается тройка // Коммерсантъ. 2017. 12 дек.

³ См. интервью «Чжао Хуэйжун: Если расширение ШОС способно нарушить внутреннее единство, то такая «игра не стоит свеч» от 17.05.2016 г., данное Центральноазиатскому бюро Института по освещению войны и мира (IWPR, Великобритания–США–Нидерланды, URL: <https://cabar.asia/ru/chzhao-huejzhun-esli-rasshirenie-shos-sposobno-narushit-vnutrennee-edinstvo-to-takaya-igra-ne-stoit-svech> (дата обращения: 04.12.2018).

достигло уровня «стратегической координации», в то время как между Китаем и Индией существует недоверие, обусловленное проблемой с Пакистаном¹. Можно говорить и о конкретных территориальных претензиях, осложняющих отношения Нью-Дели и Пекина. Одновременно с этим индийский эксперт отмечает согласованную позицию стран треугольника по будущему Центральноазиатского региона, проблеме нераспространения ядерного оружия, создания необходимых транспортных евразийских проектов и др. Подобная потребность совместных усилий в интересах национального развития будет способствовать развитию отношений «треугольника».

Для большей объективности восприятия отношений стран в рамках РИК следует привести мнение руководителя программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги Александра Габуева, который выражает недоверие к повышенной значимости отношений данного формата: «РИК – это лишняя сущность, поскольку все проблемы между странами проговариваются и эффективно решаются в двустороннем или более широком многостороннем формате»². По его мнению, существующие социокультурные отличия и политические особенности этих стран не позволят формату объединения трансформироваться в необходимый работоспособный союз. Вступление Пакистана и Индии в ШОС эксперт

оценивает как риск для данной организации, что может осложнить принятие решений государствами. Также, по его мнению, объединенные усилия России, Индии и Китая могут послужить серьезным основанием для столь необходимого пересмотра мировой системы, финансовой институализации. В данном случае имеется в виду инициатива трех стран по созданию финансовых организаций, начиная от Банка развития БРИКС и заканчивая Азиатским банком инфраструктурных инвестиций и другие.

Следует отдельно остановиться на факторах, которые позитивно и негативно влияют на развитие данной организации. Это факторы внутреннего и внешнего характера. Так, следует отметить, что стремление США занимать геополитическое лидирующее положение в современных условиях порождает у других государств желание противостоять этим усилиям и сформировать новый миропорядок. К факторам влияния на данный процесс формирования следует отнести экономический рост Китая, Индии, в сочетании с высокой рождаемостью в этих странах, а также новые место и роль России на международной арене. В качестве дополнительного фактора следует рассматривать появление новых игроков в лице Бразилии и Ирана. Перечисленные обстоятельства исключают дисбаланс сил, гегемонию США и требуют новых принципов в формировании современного миропорядка. Безусловно, процесс формирования нового мирового устройства – весьма продолжительный и таит в себе множество проблем и рисков.

Но Россия, Китай и Индия убеждены, что их главной политической

¹ Цит. по: Сутырин В. Треугольник «Россия-Индия-Китай»: мифы и реальность, 31.05.2016 г. // Информационно-аналитическое издание «Евразия. Эксперт». URL: http://eurasia.expert/treugolnik-rossiya-indiya-kitay/?sphrase_id=4635 (дата обращения: 04.12.2018).

² Цит. по тому же ист.

международной задачей является формирование многополярного мира. Они всецело поддерживают центральную роль ООН в обеспечении международной безопасности и поддерживают консолидацию коллективных действий по борьбе с вызовами и угрозами.

Следует отметить, что процесс дальнейшего сближения России, Индии и Китая – также продолжительный, сложный и противоречивый. Его сложность обусловлена вовлечением в процесс проблем, противоречий и национальных интересов сразу трех государств в сочетании с быстро меняющейся международной ситуацией. Также следует учитывать и интересы внешних игроков. В качестве примера можно привести отношения Китая и США, которые являются определяющими для мировой стабильности, но на современном этапе скатывающиеся к торговой войне. Данный фактор влияет на внутреннюю и внешнюю политику [2].

Проблемы энергетической обеспеченности, транспортировки и поставки энергоносителей представляют основу индо-китайского интереса в Центральной Азии [1]. На данном этапе невозможно дать рецепт существования и развития «треугольника». Экономический рост азиатских стран, высокая численность населения, новые угрозы и вызовы делают важным евразийский вектор в отношениях треугольника, увязывая в себе многие трудности экспорта и импорта при реализации проектов ЕАЭС.

Имеющиеся внутренние противоречия треугольника делают уязвимым и малопродуктивным данное объединение. Однако современные политические условия диктуют новые принци-

пы сближения. Рассмотрим основные противоречия в треугольнике. Сохраняется территориальный спор между Дели и Пекином, создавая угрозу безопасности каждой из сторон. При этом КНР является крупнейшим торговым партнером Индии, что заставляет стороны идти к сближению, вырабатывать специальный политический курс. Политические элиты стран пытаются в современных международных условиях с учетом новых тенденций определить концептуальные подходы для решения стратегических задач.

В индийской политической элите можно выделить два основных направления в подходах: первый определяет КНР как только угрозу и по этой причине ее сторонники выступают за военный союз с Вашингтоном. Представители другого подхода выступают за союз с КНР, прежде всего экономический, за привлечение китайских инвестиций в индийскую экономику. Сторонники подобного подхода видят во взаимодействии двух стран возможность повышения обеспеченности безопасности и стабильности. Следует отметить, что основной проблемой в отношениях Дели–Пекин остается проблема политического недоверия, раздуваемая сторонниками первого подхода для достижения собственных политических целей¹. Определенной стабильности в отношениях двух стран способствует их взаимодействие в формате международных организаций, прежде всего это ШОС и БРИКС. При всех различиях нужно отметить, что Индия и Китай демонстрируют согласованную позицию по поводу ре-

¹ См. Коростиков М. Индия и Китай стоят на границе войны // Коммерсантъ. 2017. 28 июля

формирования существующего миропорядка, они выступают против доминирования одного государства.

Также важным моментом в отношениях двух стран представляются двусторонние отношения с Россией. Индия и Россия не имеют сегодня серьезных стратегических разногласий. Уровень отношений принято считать беспрецедентным для международных отношений. Россия и Индия взаимодействуют в различных сферах как в двустороннем, так и в многостороннем формате [6]. Следует отметить согласованную позицию Дели и Москвы по проблемам глобального управления и реформирования миропорядка. Радикальные изменения в современном мире вносят изменения и в международные отношения, формируют новые подходы в данной сфере. Российско-индийские отношения также должны соответствовать современным тенденциям. Прежде всего необходимо расширение экономических связей, которые создадут прочную основу многовекторных отношений. Укрепление стратегического партнерства Китая и России вызывает у Индии обеспокоенность и недоверие.

События последних лет на международной арене существенно изменили расстановку геополитических сил, изменили систему международной и региональной безопасности. Для РФ, например, последствия изменений в основном негативные, т.к. привели к ухудшению ситуации в сфере безопасности, усилению угроз, падению экономических показателей. Интересы КНР также задеты угрозой торговой войны с США. Но в целом изменения, происходящие в современных международных отношениях, создали пред-

посылки для усиления взаимодействия трех стран в сфере безопасности.

Все государства, претендующие сегодня на лидирующую роль в международных отношениях, наращивают военную мощь. Это и США, и Россия, и Китай, и Индия, и ЕС. Россия в настоящий момент становится лидером по целому ряду вооружений и военной техники и технологиям, что также обеспечивает баланс сил на международной арене и в треугольнике стран.

Среди факторов влияния на отношения трех стран следует назвать и решение России на интеграцию Евразийского экономического союза с китайским проектом «Один пояс, один путь», что обеспечивает приоритетность интересов Китая в Центральной Азии¹. Экономический подъем Индии и новый этап в экономическом развитии Китая создают проблемы для России. Важными экономическими задачами для России остаются диверсификация экономики, уменьшение зависимости от природных ресурсов, привлечение иностранных инвестиций, что особенно важно в условиях продолжающихся санкций и может отразиться на стабильности отношений в «треугольнике». Несмотря на сложность современного этапа в отношениях трех стран, все же можно говорить об укреплении торговых отношений России, Индии, Китая. Особенно наблюдается расширение торговли России с Индией [4].

Союз России, Китая и Индии является одним из важных союзов мирового

¹ См. мнение независимых экспертов, опубликованное на сайте агентства Al Jazeera 12 марта 2014 г.: Beshimov B., Satke R. The struggle for Central Asia: Russia vs China. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2014/02/struggle-central-asia-russia-vs-201422585652677510.html> (дата обращения: 04.12.2018).

сообщества, который имеет реальную силу и возможности в свете настоящих мировых проблем, а также имеет возможности стать новым центром геополитического влияния. Вместе они могут представлять потенциальную угрозу для интересов западных стран, увеличивая возможности роста экономического, политического и социального уровня в каждой из этих стран¹.

Также в качестве фактора, дестабилизирующего «треугольник», следует отметить различные геостратегические интересы составляющих его государств. Каждое из трех государств стремится к региональному лидерству. Именно поэтому Россию, Индию и Китай можно рассматривать, в том числе,

и как стратегических конкурентов [3]. Но понимание необходимости консолидированной позиции в интересах стабильности и дальнейшего развития может выступить объединяющей государства тенденцией.

Таким образом, китайско-индийско-российское взаимодействие имеет долгосрочный и стратегический характер, что дает основание предполагать сохранение тенденции к всестороннему развитию отношений трех стран. Готовность к сотрудничеству этих государств демонстрирует и встреча руководителей государств на площадке G-20.

Статья поступила в редакцию 19.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев К. С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М.: Экономика, 2011. 479 с.
2. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай – Россия, 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с.
3. Мареева Ю. А. Стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай» в международных отношениях (теория и историческая практика) // Вестник МГИМО – Университета. 2012. № 5 (26). С. 240–249.
4. Фомичёва В. В. Взаимодействие России, Индии и Китая в формате РИК в азиатско-тихоокеанском регионе. Проблемы и перспективы // Научные труды Северо-Западного института управления. 2015. Т. 6. № 1 (18). С. 214–223.
5. Чужие войны / под ред. Р. Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2012. 272 с.
6. Юртаев В. И., Рогов А. С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469–482.
7. Яшкова Т. А. Появление «новой» оси развития // Потенциал современной науки. 2016. № 1 (18). С. 146–148.

REFERENCES

1. Gadzhiev K. S. *Geopoliticheskie gorizonty Rossii: kontury novogo miroporyadka* [Geopolitical horizons of Russia: contours of the new world order]. Moscow, Ekonomika Publ., 2011. 479 p.
2. Kuzyk B. N., Titarenko M. L. *Kitai – Rossia: strategiya sorazvitiya* [China – Russia 2050: strategy of co-development]. Moscow, Institute for Economic Strategies Publ., 2006. 656 p.

¹ См., например, изложение экспертной дискуссии клуба «Валдай» 16 ноября 2017 г. на его сайте: «Экономическое сотрудничество между Россией, Индией и Китаем: новые возможности»; URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/ekonomika-rossiya-indiya-kitai/> (дата обращения: 04.12.2018).

3. Mareeva Yu. A. [Russia-India-China strategic triangle in international relations (theory and historical practice)]. In: *Vestnik MGIMO – Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2012, no. 5 (26), pp. 240–249.
4. Fomicheva V. V. [Interaction of Russia, India and China in the RIC format in the Asia-Pacific region. Problems and prospects]. In: *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya* [Scientific works of North-West Institute of Management], 2015, vol. 6, no. 1 (18), pp. 214–223.
5. *Chuzhie voyny, pod red. R. N. Pukhova* [Foreign wars, ed. by R. Pukhov]. Moscow, Centre for Analysis of Strategies and Technologies Publ., 2012. 272 p.
6. Yurtaev V. I., Rogov A. S. [SCO and BRICS: participation in the Eurasian integration process]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. International Relations], 2017, vol. 17, no. 3, pp. 469–482.
7. Yashkova T. A. [The emergence of a “new” development axis]. In: *Potentsial sovremennoi nauki* [The Potential of Modern Science], 2016, no. 1 (18), pp. 146–148.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Го Чанчао – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: guochangchao@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gou Changchao – postgraduate student at the Department for Politology of Oriental countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: guochangchao@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Го Чанчао. РИК (Россия – Индия – Китай) в системе международных отношений: достижения и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 202–209.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-202-209

FOR CITATION

Gou Changchao. RIC (Russia – India – China) in the System of International Relations: Achievements and Challenges. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 202–209.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-202-209

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-210-221

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СМИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Васильев А. М., Жерлицына Н. А.

Институт Африки Российской академии наук

123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является изучение изменений в государственной политике стран региона Ближнего Востока и Северной Африки по отношению к СМИ, произошедшие после «Арабской весны». Теоретико-методологической основой для статьи стали такие методы, как сравнительный, позволяющий на основании сопоставления ситуации в различных странах Северной Африки выявить типологические особенности арабской модели информационного общества; критический дискурс-анализ, при помощи которого авторы исследовали информационную политику в различных арабских странах. Проведённый анализ показал, что произошедшие изменения привели к ужесточению и ограничению СМИ прямыми и косвенными способами. Авторы приходят к выводу о крайне неоднозначных и сложных перспективах отношений между СМИ и правительствами в арабском мире. В статье обобщен современный материал по исследуемой теме, сформулированы как преимущества, так и ограничения новых медиа. Статья может представлять немалый интерес для политологов, востоковедов, журналистов и представителей смежных областей.

Ключевые слова: средства массовой информации (СМИ), «Арабская весна», страны Ближнего Востока и Северной Африки, киберактивисты, цензура, самоцензура.

DYNAMICS OF PUBLIC POLICY ON MASS MEDIA IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA REGION

A. Vasiliev, N. Zherlitsina

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

30/1 ul. Spiridonovka, Moscow 123001, Russian Federation

Abstract. The article is aimed at studying changes in the public policy of Middle Eastern and North African countries on the media, which occurred after the Arab Spring. The research was conducted using the methods of comparative and critical discourse analysis. The conducted comparative analysis, which involved a comparison of situations in different North African countries, allowed the typological features of the Arab information society to be identified. Critical discourse analysis was used to examine the information policy applied in different Arab countries. Our analysis showed that the changes that had taken place led to the introduction of stricter restrictions on the media both in direct and indirect ways. A conclusion is made about extremely ambiguous and complex prospects of relations between the media and governments

in the Arab world. Following a review of available publications on the topic, both advantages and limitations of the new media are formulated. The article may be of interest to political scientists, Orientalist scholars, journalists and representatives of related fields.

Keywords: mass media, Arab Spring, Middle East, North Africa, cyber-activists, censorship, self-censorship.

Значительную роль в волне революций и протестов, захлестнувших арабские страны начиная с 2011 г., играли новые СМИ. Интернет в целом и социальные сети, такие как Facebook, Twitter и YouTube, показали себя как новые мощные коммуникационные инструменты, способные влиять на политические мнения и политические решения. В отличие от старых медиа – телевидения, радио и печатной прессы, социальные сети имеют свойство быть инструментами социального взаимодействия, интерактивного диалога гражданских активистов. История революций в Египте, Тунисе, вооруженных конфликтов в Йемене и Сирии, протестного движения в Марокко, Иордании, Бахрейне, странах Персидского залива отчетливо продемонстрировала, что новые медиа оказывают влияние на политику и их использование имеет последствия для политической власти.

Различные аспекты темы ИКТ¹, ввиду их актуальности, исследуются в трудах российских, арабских, западных ученых. Так, в российской историографии наиболее полно данная тема отражена в монографиях О. Г. Карповича и А. В. Манойло, С. В. Володенкова, статьях Е. М. Лымаря, С. Н. Федорченко, посвященным теме политизации интернета и современным киберрискам [1; 3; 5]. Из трудов арабских ученых, исследующих влияние событий «Араб-

ской весны» на ИКТ данного региона, особого внимания заслуживают труды Юссефа Седдика и Сейф Эддина аль-Амри [15; 18]. Данная проблема разрабатывается и в работах ученых из США, Великобритании, Малайзии и других стран [7; 9; 14].

Неоднозначные результаты «Арабской весны» поставили перед властями стран региона противоречивую задачу налаживания государственного управления средствами массовой информации, требующего одновременно установления государственного контроля и либерализации рынка СМИ.

До 1990 г. большинство средств массовой информации в Арабском мире принадлежало главным образом государству и функционировало под строгим контролем правительства. Изменения начались в 1990-х гг., когда началась эра спутникового телевидения, к середине десятилетия прием спутниковых каналов стал массовым явлением в арабских странах. В это же время началось внедрение Интернета по всему Арабскому миру. В целом регион очень медленно и неравномерно осваивал всемирную сеть, сказывались технологическая и экономическая отсталость, отсутствие инфраструктуры, неграмотность и бедность значительной части населения. По иронии судьбы, именно правительства ряда арабских стран предприняли шаги по поощрению распространения и доступности Интернета, главным образом в целях ускорения экономического

¹ информационно-коммуникативные технологии.

развития. Это свидетельствует о крайне неоднозначных и сложных отношениях между СМИ и правительствами в Арабском мире. В целом можно сказать, что внедрение спутниковых телевизионных каналов и Интернета представляло собой важный сдвиг от монолитной, контролируемой государством и принадлежащей государству модели СМИ к гораздо более плюралистической и разнообразной медиасцене. Между 2005 и 2011 гг. доступ в Интернет в регионе Ближнего Востока и Средней Азии (БВСА) увеличился с 13 до 40% населения [13, р. 10].

Интернет стал одним из наиболее важных каналов формирования и отражения тенденций общественного мнения в современном Арабском мире. Значение внедрения интернета проистекает из того факта, что он не признает границ, бросает вызов цензуре государственных СМИ и предоставляет слово альтернативным голосам, отличным от официальных. Традиционные СМИ, действующие под контролем государства, во время революционных событий «Арабской весны» пытались делегитимизировать протесты и представить в основном проправительственную перспективу. Так, если посмотреть на публикации четырех крупных египетских газет за январь-февраль 2011 г., то они представляли народные протесты как «заговор против египетского правительства». Протестующие же изображались как «преступники и жестокие молодые люди, которые не любят родину» [11, р. 56]. Как остроумно заметил бывший главный редактор государственной египетской газеты «Аль-Ахрам» Осам Сарай, «основная функция государственных СМИ заключается в том,

чтобы приукрасить лицо режима, а не следить за ним» [16, р. 34].

Интернет является быстро растущей и расширяющейся средой в Арабском мире, особенно среди молодежи, что объясняет, как и почему молодые активисты, полагающиеся на интернет-коммуникации, смогли проложить путь для политических преобразований в этом регионе. Электронные медиа быстро растут в Арабском мире: около 212 млн. человек пользуются интернетом в Арабском регионе и более 65 млн. активно используют социальные сети¹. Хотя это не так много от общего числа населения арабских стран (423 млн. чел.), но в это число входит молодежь, средний класс, политически активная часть общества. Кроме того, в Арабском мире быстро развивалась мобильная связь: уже к концу 2008 г. число мобильных телефонов приблизилось к 100% охвату населения². В 2007 г. арабы получили доступ к Twitter и Facebook, и с тех пор число их пользователей увеличивается год от года, особенно после того, как в 2009 г. стала доступна арабская платформа. В Арабском мире, где проникновение Интернета составляет более 52,2% от общей численности населения, Facebook достиг 20,9%³. Facebook является первым по популярности среди социальных сетей в восьми арабских странах: Алжире, Египте, Ираке, Иордании, Ливане, Ливии, Сирии и Тунисе. Вторым – в пяти арабских странах:

¹ По данным сайта Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения 7.02.2019)

² По данным сайта Statista: Number of mobile phone users worldwide. URL: <https://www.statista.com/statistics/274774> (дата обращения 7.02.2019).

³ См. ссылку на Internet World Stats.

Марокко, Палестине, Катаре, Судане и Йемене. И третьим – в Омане, Саудовской Аравии и ОАЭ. Египтяне составляют около 22% от общего числа пользователей данной сети в Арабском мире с 4,7 млн. пользователей. 70-75% всех арабских поклонников Facebook – это молодежь в возрасте от 15 до 29 лет¹. Что касается использования арабского языка на Facebook, то он считается одним из самых быстрорастущих языков в мире.

Ни одна из социальных сетей – Twitter, Facebook и YouTube – не создавалась специально для распространения информации о политике и государственных делах. Точно также функции Интернета сегодня превышают цели, для которых он был первоначально разработан. Эти новые открытые каналы связи, доступные практически каждому, работающие без редакторов и цензоров, бросают вызов официальным каналам коммуникации. Их использование изменяет баланс между массивной, централизованной, вертикально структурированной государственной системой информации и множеством мелких, гибких, разнообразных платформ в пользу последних [6, с. 47].

Социальные медиа сыграли многогранную роль в ходе арабских революций и протестов 2011–2013 гг. Facebook, Twitter и YouTube доказали свою эффективность как инструменты поддержки активистов, выступая площадками для политической дискуссии, способствуя реализации права на свободу мнений и высказываний. Имен-

но на их виртуальных пространствах шла организация и планирование протестов, объединение активистов. Facebook, Twitter и YouTube служили для документирования протестов, фиксирования реакции правительств на них, обнародования этих фактов. Именно в годы Арабского кризиса стал активно использоваться термин «киберактивизм», подразумевающий «акт использования Интернета в политических целях» [12, р. 29].

Цель киберактивистов – создать интеллектуально и эмоционально убедительные цифровые артефакты, которые рассказывают о несправедливости; интерпретировать историю и выступать за определенные политические результаты. Заслуга арабских киберактивистов заключается в создании нового явления – гражданской журналистики, цель которой – информировать граждан о злоупотреблениях, нарушениях закона и коррупции их автократических правительств. Феномен нового макректерства – «срывания с власти покровов секретности» – получил толчок к развитию в арабских странах в революционный период [4].

Важность гражданской журналистики проистекает из того факта, что социальные медиа позволяют гражданам журналистам, которые недовольны традиционной медиаверсией событий, рассказывать свои собственные истории и что эти модели политического выражения и обучения являются ключом к развитию демократических дискурсов. Ценность такого широкого освещения гражданскими журналистами заключается не только в том, что оно повышает осведомленность о жестокости режима, коррупции, чрезмерном применении силы

¹ По данным сайта экспертного агентства «Omnicores»: Facebook by the Numbers. URL: <https://www.omnicoreagency.com/facebook-statistics/> (дата обращения 7.02.2019).

против протестующих и нарушениях прав человека, но и в том, что оно поощряет нерешительных граждан выйти и протестовать. Протест имеет шанс на успех, если противники диктатора видят, что их взгляды широко разделяются и что достаточно их сограждан готовы протестовать вместе с ними. В ходе «Арабской весны» именно одновременная поддержка протестов каналами спутникового телевидения и сайтами социальных сетей облегчила гражданам арабских стран осознание того, что их взгляды разделяются достаточным количеством людей, чтобы сделать протест всеобщим.

Таким образом, новые средства массовой информации активно и эффективно использовались в качестве инструментов протестующих в целях укрепления их решимости, организации совместных действий, координации усилий, проявления общественной воли и усиления голосов сопротивления путем обеспечения одновременного охвата как национальной, так и международной аудитории. Глобальный охват социальных сетей не только позволил активистам из арабских стран обмениваться идеями и стратегиями друг с другом, но и транслировать протесты по всему миру, помогая им получить глобальную поддержку, что, в свою очередь, стимулировало еще больше арабских граждан.

Еще одной не менее важной ролью, которую играли новые СМИ в этих революциях, является содействие гражданской активности. Посредством Facebook, Twitter и YouTube гражданское общество приглашалось к участию в текущих политических, экономических и социальных усилиях,

направленных на позитивные социальные изменения. Социальные сети сыграли важную роль с точки зрения пробуждения в Арабском мире в значительной степени бездействующих, невостребованных и маргинализированных гражданских обществ. Тем самым новые средства массовой информации перешли от роли простых «предохранительных клапанов» к эффективным «инструментам мобилизации». Это произошло благодаря способности этих новых СМИ выступать в качестве эффективных катализаторов и ускорителей перемен в обществе.

Электронные медиа стали важным фактором появления новой арабской общественной сферы, они способствовали трансформации общества, особенно молодого поколения арабов, тремя фундаментальными способами: плюрализацией идей и мнений, повышением ожиданий населения и развитием коллективного арабского политического пространства. Однако следует избегать преувеличения роли новых медиа в арабских революциях и после них. Феномен киберактивизма является необходимым, но недостаточным фактором реальных политических изменений. Значительный рост использования новых СМИ гораздо более вероятно последует за значительным количеством протестной активности, чем предшествует ей. Одним из главных ограничений новых средств массовой информации является их способность выступать в качестве катализаторов политических изменений и социальных реформ только в том случае, если общая обстановка в стране позволяет достичь разумной степени консенсуса и способствует конструктивному диалогу

и гражданскому дискурсу, которые являются важнейшими предпосылками для национального строительства. Однако в отсутствие таких условий и предпосылок новые средства массовой информации сами по себе не могут заполнить этот пробел и не способны самостоятельно сформировать необходимый консенсус.

После революций в Египте, Тунисе, не говоря уже об арабских государствах, оказавшихся в ситуации гражданской войны, общества этих стран оказались разделенными идеологическими и политическими разногласиями, несогласными относительно путей дальнейшего развития. Легче отстранить диктатора от власти, чем решить, что делать дальше, а это зачастую является реальной проблемой. Так, и Тунис, и Египет продемонстрировали раскол на сторонников политического ислама и светского пути развития. То, что делает этот раскол особенно опасным и неразрешимым, это примерно равное количество сторонников двух этих полярных направлений – 50 на 50% [2, с. 41].

В боях между правителями и правящими, которые происходят в Арабском мире с декабря 2010 г., баланс как политической власти, так и средств массовой информации неуклонно и непредсказуемо смещается. Государство становится все более изощренным в управлении Интернетом. Некоторые правительства БВСА в постреволюционный период признали необходимость напрямую обращаться к своим избирателям через социальные сети. Ряд арабских лидеров и почти каждая крупная политическая партия имеют свою страницу на Facebook. Некоторые арабские правительствен-

ные ведомства имеют свои каналы на YouTube, например e-Gov Бахрейна, Катара, канал королевы Иордании Рании, каналы членов иракского правительства [7, р. 93]. Подобно политическим лидерам в других частях мира, они используют социальную сеть как средство продемонстрировать себя современными и получить поддержку, но не как средство двусторонней связи. Этим объясняется, почему в сети Twitter, характеризующейся живым, почти в режиме реального времени общением, присутствуют газеты, коммерческие предприятия, отраслевые ассоциации, аналитические центры и университеты, но мало участия от правительственных лидеров государств БВСА. В этой социальной сети представлены несколько ближневосточных посольств. Примерами являются посольства Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов в США. Исключением для региона является и правитель Дубая, эмир Аль Мактум, который ведет диалог в режиме реального времени с гражданами и жителями эмирата. Несколько министров Бахрейна участвуют в дискуссиях по заранее определенным темам через правительственный портал [18, р. 114]. Даже если эти попытки остаются ограниченными в масштабах, все равно это позитивный шаг. Следующим шагом может стать вовлечение людей в государственные дела.

Согласно данным ООН, страны региона БВСА имеют в основном высокий и средний индекс развития электронного правительства, за исключением таких бедных стран, как Йемен и Мавритания¹. Правительства

¹ См. показатель Development Index на сайте UN E-Government Knowledgebase. URL: <https://>

БВСА могли бы воспользоваться социальными сетями для привлечения общественности к принятию решений и разработке политики. Повышение роли СМИ в политической жизни региона и активная роль социальных сетей в Арабском кризисе заставили власти чуть ли ни всех стран БВСА провести реформу национальных законодательств в данной сфере. Задача, которая стояла перед правительствами, носила противоречивый характер. С одной стороны, следовало либерализовать рынок СМИ, с другой – создать эффективные рычаги воздействия на медиа.

Новая конституция Туниса, принятая в январе 2014 г. и считающаяся самой либеральной в Арабском мире, содержит многочисленные гарантии независимости средств массовой информации. Вслед за этим новое независимое вещательное управление выдало лицензии более чем 20 новым ТВ каналам, например, каналу El Niwar Ettounsi, который считался при свергнутом президенте Бен Али диссидентским и вещал из-за рубежа по спутниковой связи [9, р. 19]. После революции этот и другие каналы переместились в Тунис, переключившись со спутника на наземный, и стали основными национальными каналами. Следующим шагом на пути либерализации СМИ стало принятие в феврале 2017 г. закона «О защите осведомителей», предоставляющего правовую защиту тем, кто раскрывает доказательства коррупции. Закон рассматривается как победа цифровых СМИ и свободы Интернета, поскольку журналисты и борцы с коррупцией

постоянно сталкивались с преследованиями за свою работу. Несмотря на законодательный прогресс в сфере информации, остаются в силе различные запреты в отношении журналистов. Как наследие авторитарной системы эти ограничения по-прежнему присутствуют в системе СМИ в виде финансовых, политических препятствий для свободы высказываний. Тем не менее результатом является гораздо большее разнообразие политических голосов по сравнению с ситуацией до 2011 г.

Государственная монополия на вещание в Марокко была отменена в 2002 г., но последовавший за этим процесс либерализации СМИ был непоследовательным. В настоящее время Марокко располагает девятью отечественными телевизионными каналами, семь из которых принадлежат государству, один – частному капиталу и еще один имеет смешанную форму собственности. Таким образом, телевидение по-прежнему является символом суверенитета режима, в то время как либерализация в основном ограничивалась радио: сегодня существует 18 частных радиостанций [15, р. 6]. Правительство объявило о выдаче новых телевизионных лицензий в 2012 г., но с тех пор реформа застопорилась. Закон «О печати» в Марокко категорически запрещает критику монархии и ислама и фактически запрещает критику других запретных тем. После протестов 2011 г. монархия провела конституционную реформу, а также предприняла некоторые меры, направленные на укрепление свободы прессы. Однако разрыв между письменными принципами и неписаной практикой по-прежнему очевиден. За вторжение журналистов в такие сферы, как репу-

publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center (дата обращения 7.02.2019).

тация короля Мохаммеда VI, политика Марокко в отношении Западной Сахары, журналисты могут подвергнуться судебному преследованию.

Королевская власть используют и более тонкие средства для ограничения онлайн-контента. Например, в то время как веб-сайты редко блокируются, проблематичные законы о прессе и борьбе с терроризмом ложатся тяжелым бременем на посредников и позволяют закрывать новостные сайты. Такие меры давления, как выборочность при распределении рекламных денег и продолжающиеся судебные процессы над видными журналистами предотвратили появление активной сферы онлайн-СМИ. Тем не менее цифровые медиа остаются более свободными, чем местное телевидение или газеты, и правительство предприняло ряд позитивных шагов в последние годы, таких как принятие нового Кодекса прессы в июне 2016 г. Однако ряд проблемных положений Уголовного кодекса по-прежнему представляют явную угрозу свободе Интернета в стране.

Государственное радио и телевидение Иордании до недавнего времени практически не имело конкурентов в освещении национальных политических вопросов, учитывая дополнительную финансовую надбавку, взимаемую с частных вещательных компаний, желающих освещать такие темы. В сентябре 2012 г. Комиссия по аудиовизуальным средствам отменила эти сборы за политический контент, хотя государство продолжало сохранять свой контроль посредством менее формальных ограничений. В 2011 г. иорданские молодежные активисты, как и их коллеги в Тунисе и Египте, организовали свои политические протесты в основном

через социальные сети. После этого все большее количество мер контроля было направлено на сектор онлайн-СМИ. Закон о прессе 2012 г. ввел требование для новостных сайтов, обязывающее их получать дорогостоящие лицензии от государства. В соответствии с этим положением около 300 новостных сайтов были заблокированы правительством, поскольку они не соблюдали новые положения о регистрации и лицензировании [14, р. 9]. В 2014 г. новые поправки в закон о борьбе с терроризмом оставили в силе ограничения свободы слова, увязанные с вопросами национальной безопасности, что привело к аресту или запугиванию нескольких журналистов и активистов.

Алжир, как и многие другие арабские страны, ускорил процесс либерализации СМИ после «Арабской весны». Центральное место в алжирских медиа по-прежнему занимает телевидение. Развитие Интернета тормозится правительством, только 18% алжирцев имеют регулярный доступ к Интернету [17, р. 21]. Закон «О средствах массовой информации», принятый в 2012 г., открыл двери для создания частных телевизионных каналов. Новые национальные каналы, появившиеся после либерализации, быстро завоевали большую аудиторию из-за своего разнообразия. Среди них имеются новостные каналы, каналы, ориентированные на определенную аудиторию, спортивные, тематические и даже канал, принадлежащий легальной политической партии умеренно исламистского направления. По новому закону 2012 г. были отменены тюремные сроки за преступления прессы, но до сих пор власть часто прибегает к штрафам.

Если же такой штраф остается неоплаченным, это может повлечь и тюремное заключение.

Египетская медиасцена также пережила реформу в 2017 г. До этого времени не существовало никакой нормативной базы, касающейся частных средств массовой информации. Законодательная база, принятая в 2017 г., обеспечивает функционирование частных средств массовой информации. В соответствии с этим законом был создан Верховный Совет по СМИ, инициатором возникновения которого выступил президент А. Ф. Ас-Сиси. Орган является регулятором деятельности частных средств массовой информации. В 2018 г. вступил в силу новый закон «О регулировании средств массовой информации», в соответствии с которым предполагается введение мониторинга в Интернете с целью контроля за пользователями социальных сетей. Пока речь идет о контроле за личными аккаунтами в социальных сетях, имеющими более чем 5000 подписчиков. Наблюдение вводится под предлогом борьбы с «фейковыми» новостями и распространением терроризма. В случае нарушения, пользователю грозит крупный штраф или тюремное заключение.

Таким образом, государственная политика арабских стран в отношении СМИ испытывает влияние как общемировых тенденций, так и реги-

ональной специфики. Власти региона БВСА пока только ищут баланс между защитой интересов государства от информационной агрессии, наведением законодательного порядка в этой новой общественной сфере и раскрытием демократического потенциала свободных СМИ. В постреволюционный период положение арабских медиа стало еще более сложным. Отношения между государством и средствами массовой информации в арабском мире являются постоянными конфликтными отношениями. Сегодня число журналистов, находящихся в заключении в Египте, находится на рекордно высоком уровне, который, по данным Комитета по защите журналистов, выше только в Китае [10]. Запугивание достигло своего пика, когда египетский судья рекомендовал вынести трем журналистам смертный приговор, если будет доказана их вина в предоставлении информации катарской телекомпании «Аль-Джазира» [8]. Правительства БВСА установили прямой и косвенный контроль за средствами массовой информации, чтобы рекламировать достоинства ограниченных конституционных изменений, демонизируя протестующих и подогревая опасения кровавых беспорядков, – таких, какие происходят в Ливии и Йемене.

Статья поступила в редакцию 01.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Проспект, 2018. 272 с.
2. Жерлицына Н. А., Костелянец С. В., Сидорова Г. М. Угрозы безопасности Африки: современные тенденции. М.: МГЛУ, 2018. 273 с.
3. Карпович О. Г., Манойло А. В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 112 с.

4. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. М.: Высшая школа экономики, 2015. 312 с.
5. Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Белиустин А. А., Федорченко Л. В. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 84–110.
6. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 182 с.
7. Anderson J. W. Culture, Lifestyle and the Information Revolution in the Middle East and Muslim World // Journal of Cyberspace Policy Studies. 2017. Vol. 1. № 1. P. 89–102.
8. Egyptian court seeks death penalty against three journalists, 07.05.2016 [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/07/egyptian-court-seeks-death-penalty-against-three-journalists> (дата обращения 7.02.2019)
9. El Issawi F. The Tunisian transition: the evolving face of the second republic. After the Arab Spring: Power Shift in the Middle East? IDEAS reports – special reports. London, UK. 2012. 196 pp.
10. Freedom Of The Press 2017 [Электронный ресурс] // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/freedom-press-2017> (дата обращения 7.02.2019)
11. Hamdy N. Prediction of Media Credibility in Egypt's Post-Revolution Transitional Phase // Global Media Journal. London. 2013. № 4. Pp. 47–59.
12. Howard P. N. The digital origins of dictatorship and democracy: Information technology and political Islam. Oxford: Oxford University Press, 2011. 281 p.
13. Media use in the Middle East. Northwestern University publication. Qatar, 2018. 36 p.
14. Qasim Mahmood, Amira Sariyati Firdaus, Hamed Mohd Adnan. Social Media and Arab Revolts: An Appraisal // Malaysian Journal of Media Studies. 2014. Vol. 16, No. 2. Pp. 1–11.
15. Saif Eddine Al-Amri. Au Maghreb, la révolution dans les médias est encore à venir // Orient XXI. Paris. 2017. Décembre. Pp. 4–8.
16. Shaer G. Mapping Egypt's Media: State Influence in a Transforming Landscape // Arab Media & Society. Cairo. 2015. Issue 20. Pp. 28–36.
17. Steckman L. M., Andrews M. J. Online around the World: A Geographic Encyclopedia of the Internet. USA, Santa Barbara, 2017. 398 p.
18. Youssef Seddik. Le revolution inachevee. Tunisie, Med Ali Edition, 2015. 136 c.

REFERENCES

1. Volodenkov S. V. *Internet-kommunikatsii v globalnom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya* [Internet communications in the global space of modern political management]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 272 p.
2. Zherlitsyna N. A., Kostelyanets S. V., Sidorova G. M. *Ugrozi bezopasnosti Afriki: sovremennye tendentsii* [Threats to African security: current trends]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2018. 273 p.
3. Karpovitch O. G., Manoylo A. V. *Tsvetniye revolutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennikh politicheskikh rezhimov* [Colour revolutions. Theory and practice of dismantling modern political regimes]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2015. 112 p.
4. Keane J. *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. Moscow, Vishaya Shkola Ekonomiki Publ., 2015. 312 p.
5. Limar E. N., Fedorchenko S. N., Belyustin A. A., Fedorchenko L. V. [The final chord: the 3rd wave of studying the politicization of online social networks]. In: *Journal politicheskikh issledovaniy*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 84–110.
6. *Problemi informatsionnoy bezopasnosti v mezhdunarodnikh voenno-politicheskikh otnoshe-*

- niakh* [The issues of information security in international military-political relations]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations of RAS Publ., 2016. 182 p.
7. Anderson J. W. Culture, Lifestyle and the Information Revolution in the Middle East and Muslim World. In: Journal of Cyberspace Policy Studies, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 89–102.
 8. Egyptian court seeks death penalty against three journalists, 07.05.2016. In: The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/07/egyptian-court-seeks-death-penalty-against-three-journalists> (accessed: 7.02.2019)
 9. El Issawi F. The Tunisian transition: the evolving face of the second republic. After the Arab Spring: Power Shift in the Middle East? IDEAS reports – special reports. London, UK, 2012. 196 p.
 10. Freedom Of The Press 2017. In: Freedom House. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/freedom-press-2017> (accessed: 7.02.2019)
 11. Hamdy N. Prediction of Media Credibility in Egypt's Post-Revolution Transitional Phase. In: Global Media Journal. London, 2013, no. 4, pp. 47–59.
 12. Howard P. N. The digital origins of dictatorship and democracy: Information technology and political Islam. Oxford, Oxford University Press, 2011. 281 p.
 13. Media use in the Middle East. Northwestern University publication, Qatar, 2018. 36 p.
 14. Qasim Mahmood, Amira Sariyati Firdaus, Hamed Mohd Adnan. Social Media and Arab Revolts: An Appraisal. In: Malaysian Journal of Media Studies, 2014, vol. 16, no. 2, pp. 1–11.
 15. Saif Eddine Al-Amri. [In the Maghreb, the revolution in the media is yet to come]. In: *Orient XXI*, Paris, 2017, Décembre, pp. 4–8.
 16. Shaer G. Mapping Egypt's Media: State Influence in a Transforming Landscape. In: Arab Media & Society, Cairo, 2015, iss. 20, pp. 28–36.
 17. Steckman L. M., Andrews M. J. Online around the World: A Geographic Encyclopedia of the Internet. USA, Santa Barbara, 2017. 398 p.
 18. Youssef Seddik. *Le revolution inachevee* [The unfinished revolution]. Tunisie, Med Ali Edition, 2015. 136 c.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках гранта СПбГУ № 26520757 «Информационная безопасность РФ в условиях глобального информационно-психологического противоборства».

ACKNOWLEDGEMENTS

The work is carried out under the grant St. Petersburg State University no. 26520757 “Information security of Russia in the conditions of global information-psychological warfare”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Алексей Михайлович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, почетный президент Института Африки РАН, ведущий научный сотрудник СПбГУ, заведующий кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (РУДН);
e-mail: ns_inafr@mail.ru

Жерлицына Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, инженер-исследователь СПбГУ, доцент кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (РУДН);
e-mail: ns_inafr@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey M. Vasiliev – Doctor of Historical sciences, professor, academician of the Russian Academy of Sciences, honorary President of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; leading researcher at the St. Petersburg University; head of the Department of African studies and Arabic studies at the Peoples Friendship University of Russia (RUDN University); e-mail: ns_inafr@mail.ru

Natalia A. Zherlitsina – PhD in Historical sciences, senior researcher at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; research engineer at the St. Petersburg University; Associate Professor at the Department of African Studies and Arabic Studies, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University); e-mail: ns_inafr@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Васильев А. М., Жерлицына Н. А. Динамика государственной политики в отношении СМИ в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 210–221.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-210-221

FOR CITATION

Vasiliev A., Zherlitsina N. Dynamics of Public Policy on Mass Media in the Middle East and North Africa Region. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 210–221.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-210-221

УДК 327.5; 327.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-222-228

ШОС И БРИКС: ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИ УЧАСТИИ КИТАЯ И РОССИИ

Сун Ифань

*Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, 11, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматриваются возможности евразийской интеграции по линии ШОС и БРИКС. Цель исследования заключается в выявлении комплекса существующих проблем во взаимодействии России и Китая в рамках этих объединений стран и возможных способов их решения. Поскольку заявленная проблема является комплексной, используются междисциплинарный, системный, проблемный подходы, применяются политологические, исторические, социологические, сравнительные и другие исследовательские методы. Условия формирования нового миропорядка коренным образом влияют на изменения отношений между странами. Автором выделены ключевые направления деятельности ШОС и БРИКС, интеграционные перспективы отношений РФ и КНР. Выводы исследования могут быть использованы при разработке направлений сотрудничества между двумя странами.

Ключевые слова: евразийская интеграция, международная организация, Россия, Китай, Индия, ШОС, БРИКС.

SCO AND BRICS: PROSPECTS OF EURASIAN INTEGRATION WITH THE PARTICIPATION OF CHINA AND RUSSIA

Sun Yifan

*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
11 ul. Mokhovaya, Moscow 125009, Russia*

Abstract. This article discusses the possibility of Eurasian integration through the SCO and BRICS. The study is aimed at identifying issues involved with the process of interaction between Russia and China in these alliances and suggesting possible solutions. Since the stated problem is complex, the author uses interdisciplinary, systemic and issue-oriented approaches, as well as political science, historical, sociological, comparative and other research methods. Conditions for the formation of a new world order fundamentally affect the nature of relations between the countries. Key directions in the activity of the SCO and BRICS are outlined, along with integration prospects for Russian-Chinese relations. The research findings can be used for developing areas of mutual interest for both countries.

Keywords: Eurasian integration, international organization, Russia, China, India, SCO, BRICS.

В современных условиях развития неоднозначно трактуется роль международных межправительственных организаций, в рамках деятельности которых государства приобретают или сохраняют возможность влияния на международной арене, а также укрепления собственной безопасности, развития экономического сотрудничества, расширения контактов между гражданами различных стран. В этой связи БРИКС и ШОС, как крупнейшие региональные организации современной Евразии, не могут не вызывать научного интереса исследователей с целью понимания перспектив установления прочных межгосударственных связей в сфере безопасности [7]. Мировое сообщество озабочено поисками новых подходов для интеграции государств, вне зависимости от их политических особенностей, но на основе сохранения национальных суверенитетов. Предлагаемое исследование и анализ изученной литературы по данной проблеме позволяют определить не только ключевые направления деятельности ШОС и БРИКС, интеграционные перспективы РФ и КНР, но и представить краткий обзор существующих проблем во взаимодействии двух стран, а также возможных способов их решения.

Сегодня все чаще звучат оценки политиков, ученых, экспертов о необходимости формирования нового миропорядка с новыми центрами силы. Таким новым центром, а также основой интеграции выступает взаимодействие России, Китая, стран Центральной Азии и Южной Азии. Следует отметить наличие негативных оценок в странах Запада по поводу образования рассматриваемых объединений, с

выражением надежд на то, что новые интеграционные объединения окажутся нежизнеспособными. И до сих пор западные критики связывают евразийскую интеграцию с «имперскими амбициями Путина»¹. Но устоявшиеся структуры ШОС и БРИКС оказались жизненными и конкурентоспособными на мировой арене, хотя их развитие происходит не беспрепятственно.

Так, ШОС самым своим существованием доказывает наличие многополюсного устройства международных отношений и важный формат взаимодействия. Возникнув в 2001 г., ШОС позиционируется на международной арене как комплексная международная организация, имеющая политический и экономический аспект в деятельности. В качестве основной задачи для стабильного развития региона выдвигается сотрудничество в различных сферах для поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в Центрально-Азиатском регионе. Основные направления сотрудничества, выдвинутые ШОС на этапе создания организации, сохраняются и представляют основу стратегического развития ШОС до 2025 г. [6]. В современных условиях развития ШОС неоднократно выступала переговорным форматом для поиска взаимовыгодных решений государств [8].

Уже отмечалось, что эволюция ШОС и БРИКС происходит не без проблем. Так, существующие разногласия между странами обусловлены вступле-

¹ См., например, мнение эксперта Центра геополитических исследований «Берлек – Единство» (г. Уфа): Чеккрызов А. ЕАЭС, ШОС и БРИКС: точки соприкосновения, 12.09.2014 г. URL <http://berlek-nkp.com/analitics/2801-cgi-berlek-edinstvo-eaes-shos-i-briks-tochki-sopriko-snoveniya.html> (дата обращения: 04.12.2018).

нием в ряды ШОС Индии и Пакистана, претендующими вместе на территорию Джамму и Кашмир. Претензии выразились в трех индо-пакистанских войнах и вооруженном конфликте 1999 г. (Каргильская война). По нашему мнению, вступление Индии и Пакистана в члены ШОС скорее содействует стабилизации отношений как между странами, так и в регионе в целом. Данный факт также, на наш взгляд, существенно усиливает взаимодействие стран в различных сферах и укрепляет политический потенциал организации, но несет в себе серьезные проблемы. Надежда на сближение Пекина и Дели в рамках экономических проектов ШОС оказалась преувеличенной, продолжают обостряться отношения из-за конфликтов в спорных районах. Требуется усиление политического доверия, что возможно только при наличии определенной линии во внешнеполитическом курсе обеих стран¹.

Дискуссионным остается вопрос, следует ли ШОС и тем более БРИКС считать военно-политическими блоками? Ведь наблюдается и приоритетный экономический блок вопросов, сотрудничество в других сферах.

Первый саммит БРИКС (тогда это была БРИК) состоялся в Екатеринбурге в июне 2009 года [9]. После разразившегося мирового финансового кризиса представители собравшейся элиты искали пути выхода, о чем свидетельствует принятое совместное заявление лидеров. Скептическое от-

ношение к возникшему объединению сегодня изменилось, и даже звучат оценки о его перспективности и усилении значения².

Деятельность БРИКС противодействует стремлению США к глобальному лидерству, что формирует определенное отношение к БРИКС властных структур США и Запада. Реализуемая БРИКС концепция многополярности влияет на архитектуру международных отношений [4]. Появление альтернативных центров влияния трактуется Вашингтоном как попытка изменения миропорядка в интересах этих стран, совершенно понятно, что США не желают терять роль лидера. В стремлении содействовать распаду объединения консолидируются официальные и научные круги, вбрасывая в информационное поле материалы о различиях в реальном положении и интересах стран БРИКС³.

Однако невозможно не видеть тенденцию среди стран третьего мира к развитию сотрудничества с БРИКС. Примером может служить вступление ЮАР в БРИК в 2011 г. и превращение БРИК в БРИКС. Страны-участники форматов обеих организаций высоко оценивают их инструментарий. Конечно, в первую очередь БРИКС и ШОС рассматриваются как диалого-

² См. инвестиционный обзор: Majaski Ch. Brazil, Russia, India and China – BRIC Definition (URL: <http://www.investopedia.com/terms/b/bric.asp>; дата обращения 04.12.2018).

³ Firsing S. America is Being Hit on the Head by BRICS // International Policy Digest. 15.04.2015. URL: <http://intpolicydigest.org/2015/04/18/america-is-being-hit-on-the-head-by-brics/> (дата обращения 04.12.2018); Tisdall S. Has the Brics bubble burst? 27.03.2016 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2016/mar/27/brics-bubble-burst-brazil-russia-india-china-south-africa> (дата обращения 04.12.2018).

¹ См. Бовдунов А. Азиатская «Большая восьмёрка»: чего стоит ждать от саммита ШОС в Астане, 08.06.2017 г. URL: <https://russian.rt.com/world/article/397707-sammit-shos-astana> (дата обращения: 04.12.2018); Коростиков М. Индия и Китай стоят на границе войны // Коммерсантъ. 2017. 28 июля.

вые площадки, дающие возможность обсуждения и принятия решений по проблемам развития международной системы и спорным вопросам между странами на принципах международного права [2]. Это касается абсолютно всех членов объединений, данное диалоговое участие расширяет дипломатические возможности и создает интеграционную основу.

Важной проблемой взаимоотношений государств остается урегулирование их устремлений к лидерству в регионе. Возрастающее региональное и глобальное влияние КНР осложняет отношения между странами, дополненное также на сегодня экономическим и оборонным взаимодействием КНР с такими странами, как Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланка. По факту наблюдается конфликт интересов с Индией, поскольку это была ее зона влияния, что в свою очередь группирует блок противников Китая по проблеме Южно-Китайского моря.

Показателен в этой связи отказ Индии от участия в саммите «Один пояс – один путь» (май 2017 г., Пекин). Китайский проект вызвал поддержку других членов ШОС, поскольку для них очевиден экономический эффект от создания трансконтинентальных экономических коридоров. Данная позиция Индии объясняется столкновением интересов с Китаем на пути распространения влияния в регионе. КНР осуждает позицию Дели и выдвигает на первый план экономическую составляющую в своей глобальной стратегии. Однако следует уточнить, что сегодня КНР предприняты многосторонние шаги по расширению своего регионального и глобального влияния. России в данном конфликте

отводится роль посредника. Но Россия считает, что в формате ШОС странам удастся договориться. Однако следует отметить, что существует экспертное мнение о том, что на пути к региональному лидерству КНР отводит РФ роль зависимого партнера¹.

В этой связи важно отметить, что вступление Индии в ШОС демонстрирует, во всяком случае на данном этапе, готовность стран к достижению взаимопонимания и к сотрудничеству по обеспечению безопасности в регионе. Сотрудничество России и Китая в проектах ШОС с участием Индии и Пакистана на данном этапе испытывает осложнения, поскольку необходимо реальное совместное участие в интеграционных проектах. Индия выступает в поддержку предоставления Ирану статуса полноправного члена евразийского блока. В мае 2018 г. в Астане подписано временное соглашение о создании зоны свободной торговли между Ираном и ЕАЭС, что имеет существенное значение для формирования новой евразийской структуры.

Оценивая участие стран в ШОС, БРИКС, Таможенном Союзе нужно отметить три вектора их взаимодействия: это политический вектор, экономическое сотрудничество, участие в формировании системы безопасности. Реализуемые евразийские проекты, китайский «Экономический пояс Великого Шелкового пути» содействуют стратегическому сближению стран, демонстрируют наличие региональных интеграционных устремлений.

Отдельным направлением выступает сотрудничество России, Индии

¹ См. ссылку выше на мнение эксперта Центра геополитических исследований «Берлек – Единство» (г. Уфа) А. Чекрызова.

и Китая в формате БРИКС, в рамках долгосрочного проекта до 2050 г. [1], демографического и экономического развития. «Данный прогноз содержит как страновой анализ, так и региональный с учетом природных ресурсов, трудовых потенциалов, экономической динамики, общего и отличного в странах. В стратегических отношениях этих стран важным фактором является присутствие России во всех трех межгосударственных объединениях (ЕАЭС, ШОС и БРИКС), что надежно цементирует новые интеграционные процессы в меняющемся мире» [5].

Рассмотренные выше факты подчеркивают значимость Центрально-Азиатского региона как сферы политического сотрудничества для стран БРИКС, так и зоны экономического сотрудничества для участников ШОС. Очевидно, что мировые державы сегодня ведут борьбу за лидерство в странах Центральной Азии, с серьезным присутствием двух крупных региональных игроков – России и Китая, расширение сотрудничества между которыми является серьезным региональным фактором. Государства Центральной Азии обладают богатыми сырьевыми ресурсами, многочисленным трудовым потенциалом, что служит основой для привлечения в регион крупных инвестиций. Россия, Китай, Индия активно участвуют в экономическом развитии стран Центральной Азии. ШОС в данном случае выступает гарантом региональной безопасности и политической стабильности, что особенно важно при наличии в регионе радикальных организаций, с учетом близости Афганистана [3].

Позитивную роль БРИКС в регионе пытаются снизить сторонники Запада,

нацеленные на распад организации. Западные политики, аналитики, журналисты основывают свои прогнозные оценки на цивилизационных и профессиональных различиях, неодинаковом уровне экономического развития, противоречивых интересах стран-участниц¹. Однако экономические достижения стран БРИКС способствуют взаимопониманию и взаимодействию участников, формируя групповой интерес стран на международной арене, политическую направленность деятельности. Безусловно, даже экономическая составляющая связана со многими параметрами, например, с уровнем мировых цен на энергоносители, с развитием высоких технологий и т.д. В условиях жесткой конкуренции необходима большая институализация и координация в экономической отношениях между Россией, Индией и Китаем. Но также следует отметить формат взаимодействия в рамках БРИКС, содействующий стратегическому экономическому сотрудничеству.

Развитие евразийской интеграции остается важнейшим стратегическим направлением внешней политики России и Китая. Поэтому крайне важно сохранение политической стабильности и безопасности в Центральной Азии. Многие государства – участники евразийской интеграции являются членами ШОС или находятся на пути торгово-экономического пояса Великого шелкового пути. Поэтому вместе с Таможенным союзом, Единым экономическим пространством и Евро-

¹ См.: Does the BRICS Group Matter?: interview by Martin Wolf, 30.03.2012 // Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/interview/does-brics-group-matter> (дата обращения 04.12.2018).

пейским экономическим союзом его можно считать также проектом евразийской интеграции. Проекты евразийской интеграции задействуют как двусторонний, так и многосторонний уровень взаимодействия, формат ШОС и БРИКС. Проект торгово-экономического пояса по Великому Шелковому пути представляет собой необходимую дополнительную площадку в сотрудничестве России, Китая и государств Центрально-Азиатского региона, поскольку не затрагивает интересы участников других политических объединений. Важным фактором влияния остается стремление Запада к увеличению своего влияния в регионе.

Таким образом, наличие различных интеграционных объединений на евразийском пространстве показывает разнонаправленность интеграции в условиях глобализации, которая сочетает в себе векторы политического и экономического сотрудничества, а сами объединения способствуют

стратегическому взаимодействию государств. Данное обстоятельство доказывает, что евразийская интеграция и роль России и Китая не сводятся только к экономическому интересу, но вместе с тем является стабилизирующим фактором в экономическом развитии и геополитической ситуации. Однако следует помнить, что, например, ЕАЭС, представляет исключительно экономическое объединение, что существенно снижает диалоговое пространство по большому кругу международных вопросов. Условия формирования нового миропорядка коренным образом влияют на характер отношений между странами, но расширение региональной интеграции способствует стабильности экономического и политического развития региона, сохранению национальных суверенитетов, что делает проект привлекательным для других государств.

Статья поступила в редакцию 11.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев А. А., Акаева Б. А., Ануфриев И. Е. Авангардные страны мира в XXI веке в условиях конвергентного развития: долгосрочное прогнозирование экономического роста. М.: URSS, 2013. 144 с.
2. Будаев А. В. «Мягкая сила» BRIKS: новые горизонты и измерения сотрудничества. М.: Перо, 2016. 192 с.
3. Васильев Л. Е. Борьба с терроризмом на пространстве ШОС. М.: ИВД РАН, 2017. 216 с.
4. Грачиков Е. Н. Взгляд Китая на современное мироустройство и многополярность // Четвертая Политическая Теория: материалы семинаров и конференций по политологии и политике в современном мире. Выпуск 3: теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2012. С. 241–249.
5. Мурзагалеев Р. И., Сулейманов А. Р. Саммиты ШОС и БРИКС – 2015: новые возможности сотрудничества. Уфа: БИСТ, 2015. 70 с.
6. Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю. В. Морозов. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2016. 304 с.
7. Яшкова Т. А. БРИКС как вариант мягкой силы // Потенциал современной науки. 2014. № 8. С. 58–62.
8. Facon I. Moscow's Global Foreign and Security Strategy: Does the Shanghai Cooperation Organization Meet Russian Interests? // Asian Survey. 2013. Vol. 53. No. 3. P. 461–483.
9. Stuenkel O. The BRICS and the future of global order. London: Lexington Press, 2015. 268 p.

REFERENCES

1. Akaev A. A., Akaeva B. A., Anufriev I. E. *Avangardnye strany mira v XXI veke v usloviyakh konvergentnogo razvitiya: dolgosrochnoe prognozirovanie ekonomicheskogo rosta* [Avant-garde countries of the world in the XXI century in conditions of convergent development: long-term forecasting of economic growth]. Moscow, URSS Publ., 2013. 144 p.
2. Budaev A. V. «Myagkaya sila» BRIKS: *novye gorizonty i izmereniya sotrudnichestva* ["Soft power" BRIKS: new horizons and dimensions of collaboration]. Moscow, Pero Publ., 2016. 192 p.
3. Vasil'ev L. E. *Bor'ba s terrorizmom na prostranstve ShOS* [The fight against terrorism in the SCO area]. Moscow, IVD RAN Publ., 2017. 216 p.
4. Grachikov E. N. [Opinion of China in the modern world and multi-polarity]. In: *Chetvertaya Politicheskaya Teoriya: materialy seminarov i konferentsii po politologii i politike v sovremennom mire. Vypusk 3: teoriya mnogopolyarnogo mira* [The fourth Political Theory: proceedings of seminars and conferences on political science and politics in the modern world. Issue 3: the theory of a multipolar world]. Moscow, Evraziiskoe dvizhenie Publ., 2012. pp. 241–249.
5. Murzagaleev R. I., Suleimanov A. R. *Sammity ShOS i BRIKS 2015: novye vozmozhnosti sotrudnichestva* [The summits of SCO and BRICS 2015: new opportunities for cooperation]. Ufa, BIST Publ., 2015. 70 p.
6. *Perspektivy razvitiya ShOS s tochki zreniya natsional'nykh interesov Rossii, otv. red.-sost. Yu. V. Morozov* [The prospects of the SCO development from the point of view of national interests of Russia, ed. ed. Yu. V. Morozov]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka RAN Publ., 2016. 304 p.
7. Yashkova T. A. [BRICS as a variant of soft power]. In: *Potentsial sovremennoi nauki*, 2014, no. 8, pp. 58–62.
8. Facon I. Moscow's Global Foreign and Security Strategy: Does the Shanghai Cooperation Organization Meet Russian Interests? In: *Asian Survey*, 2013, vol. 53, no. 3, pp. 461–483.
9. Stuenkel O. *The BRICS and the future of global order*. London: Lexington Press, 2015. 268 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сун Ифань – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: 285720420@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sun Yifan – postgraduate at the Department for Oriental Political Studies Institute Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: : 285720420@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сун Ифань. ШОС и БРИКС: перспективы евразийской интеграции при участии Китая и России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 222–228.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-222-228

FOR CITATION

Sun Yifan. SCO and BRICS: the prospects of eurasian integration with the participation of China and Russia. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 222–228.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-222-228

УДК 327.5; 327.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-229-236

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН БРИКС: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Сунь Юэхуацю*Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова**125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, Российская Федерация*

Аннотация. Объектом исследования являлась деятельность сообщества стран БРИКС. Цель исследования состояла в определении политической роли объединения и выявлении комплекса существующих проблем во взаимодействии стран-участниц. Были использованы политологические, экономические, исторические, социологические, сравнительные и другие исследовательские методы. Автор видит место БРИКС в мире как формирование нового центра политического влияния. В статье представлен краткий обзор существующих проблем во взаимодействии стран-участниц. Особое внимание уделено политическим перспективам сотрудничества стран объединения в условиях современных международных отношений, что влияет на возрастающее значение объединения для региональной и глобальной безопасности. Выводы автора основаны на анализе документов и статистических данных.

Ключевые слова: международная организация, политическая роль, страны БРИКС, глобализация, международные отношения.

INTERACTION BETWEEN THE BRICS COUNTRIES: ACHIEVEMENTS AND ISSUES

Sun Yuehuatsyu*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University**11 ul. Mokhovaya, Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract. The present article analyzes the activity of BRICS. In this work, the author sets out to determine the political role of the Association and to identify the range of existing problems in the interaction of the participating countries. To this end, the author uses political science, economic, historical, sociological, comparative and other research methods. In the article, the role of BRICS is defined as the formation of a new center of political influence. The author provides a brief overview of issues arising in the course of interaction between the countries. A particular attention is paid to the political prospects of cooperation between the countries of the Association under the conditions of contemporary international relations in the context of regional and global security. Following the analysis of documents and statistical data, conclusions are drawn.

Keywords: international organization, political role, BRICS countries, globalization, international relations.

На современном этапе мирового развития объединение БРИКС играет все более существенную экономическую и политическую роль. Представляется крайне важным исследование взаимодействия стран-участниц и факторов, которые оказывают влияние на эволюцию БРИКС.

Достаточно короткое существование БРИКС и влияние данного объединения на современную мировую политику побуждают к изучению актуальных аспектов его функционирования. Исследование БРИКС как наднационального объединения представляется чрезвычайно актуальной проблемой. Следует отметить, что в последние годы появился ряд работ, посвященных БРИКС, но они отражают в основном экономические отношения стран-участниц. Политические аспекты и особенности других сфер взаимодействия находят отражение в работах индийских ученых, которые традиционно рассматривают «треугольник» Россия–Индия–Китай. Но также следует назвать таких исследователей как А. В. Виноградов, М. А. Комаров, В. Ф. Ли, А. В. Лукин, С. Г. Лузянин, Л. П. Макрушин, В. Б. Мантусов, Б. Ф. Мартынов, Т. Н. Мозель, В. А. Никонов, В. М. Татаринцев, А. В. Торкунов, Н. Н. Целищев, В. В. Штоль, А. Д. Шутов и другие, в работах которых содержится исследование данной проблематики.

В истории остался Первый саммит глав государств Бразилии, России, Индии и Китая, который состоялся по инициативе России в 2009 г. в Екатеринбурге и зафиксировал создание новой организации – БРИК [8]. В 2011 г. на саммите в городе Санья (КНР) произошло расширение сотрудничества

по линии «Юг – Юг», и официальным членом объединения стало государство Африки – Южно-Африканская Республика, присоединение которого превратило БРИК в БРИКС. Сегодня существуют различные точки зрения о причинах такого объединения, о роли его функционирования в современных условиях развития, о том, какая составляющая во взаимодействии стран является наиболее значимой. Но очевидно, что в основе партнерства БРИКС лежат национальные политические и экономические интересы государств - участников.

Следует также согласиться с мнением известного исследователя А. В. Виноградова, что создание БРИКС стало ответом на изменившуюся ситуацию в системе международных отношений – произошло увеличение количества субъектов, старые принципы системы перестали работать, возникла необходимость в формировании новых, – все это и послужило побудительным мотивом формирования такой организации, как БРИКС. Таким образом, создание новой международной архитектуры, меняющийся миропорядок, необходимость совершенствования механизмов управления и контроля в условиях современной глобализации, – можно считать причинами объединения усилий данных государств [2].

Также очевиден вывод о политической роли организации, ее политический потенциал оценивается как новый силовой центр противостояния традиционному силовому блоку Запад–США. Косвенным доказательством данного вывода может служить негативное отношение к БРИКС со стороны США¹ и западных стран, ко-

¹ См. инвестиционный обзор: Majaski Ch.

торые демонстрируют абсолютную незаинтересованность в деятельности объединения, одновременно подвергая резкой критике многие проекты организации [1]. Но все же нужно сказать, что страны объединения не определяют в качестве своей задачи противостояние США¹. Основная задача России и Китая заключается в развитии отношений с другими государствами как на двусторонней основе, так и в формате многостороннего сотрудничества, посредством участия в международных объединениях.

Как уже отмечалось, участники БРИКС представляют собой крупнейшие по численности населения государства с интенсивным типом экономического роста. Оценка экономического потенциала стран объединения позволяет отнести их к развивающимся. Критики создания данного объединения высказывали мысль, что столь удаленное расположение членов таит в себе непрочность связей и быструю «кончину» организации [7]. Однако расположенность на разных континентах способствует созданию и развитию региональной сети связей и расширению сотрудничества.

Безусловно, основная роль в объединении принадлежит России и Китаю, поэтому взаимодействие этих двух членов организации испытывает постоянный исследовательский инте-

рес². Оценивая роль международных организаций на данном этапе современного мирового развития, мы признаем их взаимозависимость с государствами – постоянными членами Совета Безопасности ООН. В этой связи отношения наших государств имеют важное стратегическое значение. Обе страны обладают ядерным потенциалом, нас связывает многовековая история, пусть не всегда позитивного характера. Меняющийся миропорядок формирует совпадающие или очень близкие позиции по многим международным политическим и экономическим вопросам. Поэтому стратегическое партнерство Россия–Китай имеет серьезное значение для других игроков на международной арене и в формате БРИКС, а также представляет особый интерес для исследователя.

Российская сторона в своей политике придает большое значение участию в объединении, о чем свидетельствует утверждение Президентом РФ В. В. Путиным в марте 2013 г. Концепции участия России в БРИКС. Являясь ключевыми игроками, обе страны демонстрируют общие подходы к проблемам меняющегося миропорядка и формированию системы глобальной безопасности, механизмам контроля. В качестве основной задачи наши государства выдвигают сохранение мира и стабильности. Стратегическая цель БРИКС заключается в «поэтап-

Brazil, Russia, India and China – BRIC Definition (URL: <http://www.investopedia.com/terms/b/bric.asp>; дата обращения 20.12.2018).

¹ См. аналитическую заметку В. Бондаря «Отчего вдруг так много критики?», опубликованную 01.04.2013 г. на сайте журнала «Международная жизнь»; URL: <http://interaffairs.ru/print.php?item=9303> (дата обращения: 20.12.2018).

² См. вступительное слово заместителя представителя Президента Российской Федерации по вопросам группы стран БРИКС Вадима Лукова на пресс-конференции «Приоритеты председательства России в БРИКС» 30 марта 2015 г., опубликованное на официальном сайте председательства России в БРИКС (<http://brics2015.ru/transcripts/20150330/29159-print.html> (дата обращения: 20.12.2018).

ном превращении БРИКС в механизм координации действий как по стратегическим вопросам, так и по текущим вопросам мировой политики и экономики. На этой основе станет возможным превращение БРИКС в реально действующий элемент системы глобального управления» [4].

Организация БРИКС создает редкие исторические условия для прогресса Китая. Система БРИКС, возможно, станет китайскими воротами к новому «Африканскому каналу», позволит инициировать международный диалог, торгово-экономическое развитие новых платформ взаимодействия стран, открытие новых механизмов глобального контроля и изучения возникающих предложений. Следует отметить, что деятельность БРИКС отличает ряд факторов различного характера. Многоуровневые стабильные отношения членов организации, а также сформированные отношения регионального уровня позволяют объединить ресурсный потенциал в целях противодействия современным вызовам и угрозам.

Все большее значение в формате организации имеет экономическая составляющая. Экономические проекты БРИКС отличает сложность их реализации, завязанная на столь различные экономические возможности, и сильнейшее политическое давление, направленное на противодействие складывающегося долгосрочного сотрудничества и нового центра геополитического влияния [5]. Рейтинговые агентства сходятся в оценке экономических возможностей БРИКС, по их данным, экономика стран БРИКС к 2050 г. превысит экономику «большой семерки». Это обусловлено тем, что

БРИКС имеет некоторые преимущества перед странами Запада. Возрастающий экономический потенциал государств-участников не вызывает сомнений, так, например, они занимают лидирующее положение на мировом рынке по поставкам стали и других металлов. Высокую оценку экономических успехов страны БРИКС получили у Всемирного банка, который в 2012 г. сообщил, что все страны-члены БРИКС «представляют собой передовые государства глобального развития» [3].

Качественно новым этапом развития объединения следует считать создание собственного банка – Нового Банка Развития (НБР) БРИКС, с общей концепцией развития на 2017–2021 гг. и приоритетной задачей по осуществлению финансовой поддержки проектов в области устойчивого развития, модернизации инфраструктуры и финансировании в местной валюте. Значение деятельности банка подтверждают слова Президента России Владимира Путина в рамках саммита БРИКС в китайском г. Сямэнь (3–5 сентября 2017 г.): «Один из ключевых пунктов повестки сегодняшнего заседания – активизация деятельности нового Банка развития»¹.

Существенно растет ежегодный товарооборот между странами БРИКС, что позволяет предположить к 2020 г. превышение его общей суммы над общей суммой товарооборота между Америкой и Европой. Таким образом, очевиден вклад стран БРИКС в разви-

¹ См. текст выступления В. В. Путина на Саммите БРИКС 4 сентября 2017 г. на официальном сайте Президента России (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55515> (дата обращения: 20.12.2018)).

тие мировой экономики и следование главной задаче объединения – консолидации усилий по содействию развивающимся странам, уменьшению разрыва между государствами разного уровня развития. Приоритетная задача организации, ее стратегическая цель доказывают, что в основе экономических интересов БРИКС лежат иные, отличные принципы экономического взаимодействия, что принесло странам неоспоримый успех в их собственном экономическом развитии и общих интересах, что одновременно свидетельствует и о значительных внешнеполитических достижениях стран-участниц.

В этой связи следует отметить, что главной задачей объединения является не экономическая интеграция, а переформатирование международных отношений [6] с целью создания и повышения влияния новых центров силы – так называемых «восходящих» стран. Отличительная черта рассматриваемого объединения заключается в том, что оно было создано без влияния США, с целью это влияние не допустить. Сегодня часто дискутируется вопрос о военно-политическом взаимодействии стран БРИКС, что также свидетельствует о возрастающей роли объединения. Существенным фактором, содействующим политическому укреплению организации является то, что Россия и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, а Бразилия и Индия претендуют на членство в Совете Безопасности. Развитие БРИКС зависит как от внешних факторов, так и от отношений между самими членами, что сопряжено с рядом внутренних проблем. Но важно отметить, что объединение

регламентирует общий подход к проблемам формирования системы международной безопасности, к международным финансово-экономическим механизмам.

Следует остановиться на ключевых моментах, которые могли бы способствовать активизации и решению сложных задач организации. Важным аспектом представляется структурное усиление и большая координация, через создание координационных центров на всех уровнях БРИКС. Важнейшим звеном в развитии организации является создание единой платежной системы и широкого применения национальных валют во взаимных расчетах. В ближайшем будущем можно предположить расширение количества участников БРИКС. Очевидно, что вступление в БРИКС позволит новому члену объединения сосредоточиться на решении национальных проблем в соответствии с концепцией и стратегией объединения, а также предоставит новые возможности международного уровня.

В непростых условиях современного развития страны БРИКС, как никогда ранее, нуждаются во взаимной поддержке, чтобы совместными усилиями достигать целей, реализация которых невозможна отдельным государством. Так, например, страны БРИКС могут слаженно действовать, имея близкие позиции, по вопросам урегулирования иранской ядерной проблемы, ядерной проблемы Корейского полуострова, выбирая за основу путь диалога. Определенное значение для политической роли объединения имеет тот факт, что два участника БРИКС – РФ и КНР являются официальными членами мирового «ядерного клуба», участву-

ют в Договоре о нераспространении ядерного оружия – многостороннем международном акте, разработанным Комитетом по разоружению ООН.

В противоречивых условиях современного развития, когда возникают новые вызовы и угрозы, страны БРИКС выступают по вопросам урегулирования международных проблем на принципах консолидации усилий, сотрудничества между странами и различными их объединениями в целях конструктивных действий для сохранения мира и стабильности, формирования архитектуры многополярного мира. ООН в обеспечении международной безопасности поддерживается как центральное звено в создании структуры коллективных действий. Вклад БРИКС в стабилизацию мировой экономической ситуации (эти страны обеспечивают 50% мирового роста экономики) также содействует политической стабильности.

Сегодня БРИКС – это 43% населения, 26% суши нашей планеты, треть мировой экономики. Объединение обладает огромным ресурсно-экономическим потенциалом, трансформирование которого в потенциал поли-

тический является важнейшей задачей организации. Выработанный формат стратегического экономического взаимодействия стран БРИКС будет способствовать глобальному политическому влиянию объединения, которое уже сегодня формирует новый полюс силы в мировой политике.

Следует отметить, что несмотря на отсутствие у организации задачи прямого противостояния США, все же взаимодействие стран БРИКС, прежде всего России и Китая, на практике выступает механизмом сдерживания американских попыток на мировое господство. Сегодня БРИКС как группа пяти динамично развивающихся стран (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), представляет новый механизм продуктивного взаимодействия государств и демонстрирует в экономической сфере эффективное использование преимуществ взаимодополняемости и разделения труда, доступ к научно-технологическим ресурсам; консолидирует потенциалы «мягкой силы» и укрепляет безопасность¹.

Статья поступила в редакцию 19.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапова Е. Я., Окунева Л. С. Позиционирование объединения БРИКС в новой системе международных отношений (материалы круглого стола в МГИМО) // Международная аналитика. 2017. № 3 (21). С. 66–87.
2. БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие / под ред. В. Давыдова. М.: ИЛА РАН, 2014. 186 с.
3. Виноградов А. В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 47–52.
4. Доклад о мировом развитии 2012 «Гендерное равенство и развитие» (Обзор). Вашингтон: Всемирный банк, 2011. 45 с.

¹ См. изложение совместной конференции клуба «Валдай» и Ассоциации общественной дипломатии Китая, которая состоялась 18 сентября 2017 г. на сайте клуба: «Российско-китайский диалог: не только торговля и инфраструктура», URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/rossiya-kitay/> (дата обращения: 20.12.2018).

5. Ли С. К вопросу о политике и дипломатии стран БРИКС // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 1 (18). С. 54–64.
6. Мурзагалеев Р. И., Сулейманов А. Р. Саммиты ШОС и БРИКС – 2015: новые возможности сотрудничества. Уфа: БИСТ, 2015. 70 с.
7. Окунева Л. С., Арапова Е. Я. Позиционирование объединения БРИКС в новой системе международных отношений (материалы круглого стола в МГИМО) // Международная аналитика. 2017. № 3 (21). С. 66–86.
8. Яшкова Т. А. БРИКС как вариант мягкой силы // Потенциал современной науки. 2014. № 8. С. 58–62.

REFERENCES

1. Arapova E. Ya., Okuneva L. S. [The positioning of the BRICS in the new system of international relations (materials of a round table at MGIMO)]. In: *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics], 2017, no. 3 (21), pp. 66–87.
2. *BRICS – Latinskaya Amerika: pozicionirovanie i vzaimodeistvie*, pod red. V. Davydova [BRICS – Latin America: positioning and cooperation, ed. by V. Davydov]. Moscow, ILA RAN Publ., 2014. 186 p.
3. Vinogradov A. V. [The dialogue format of BRICS and its role in the development of a multipolar world]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics, Russia], 2014, vol. 5, no. 1 (14), pp. 47–52.
4. *Doklad o mirovom razviti 2012 «Gendernoe ravenstvo i razvitie» (Obzor)* [Report on the world development, 2012 “Gender equality and development” (review)]. Washington, Vsemirnyi bank Publ., 2011. 45 p.
5. Li S. [The issue of politics and diplomacy of the BRICS countries]. In: *Sravnitel'naya politika*, 2015, vol. 6, no. 1 (18), pp. 54–64.
6. Murzagaleev R. I., Suleimanov A. R. *Sammity ShOS i BRIKS – 2015: novye vozmozhnosti sotrudnichestva* [SCO and BRICS summits in 2015: new opportunities for cooperation]. Ufa, BIST Publ., 2015. 70 p.
7. Okuneva L. S., Arapova E. Ya. [The positioning of the BRICS in the new system of international relations (materials of a round table at MGIMO)]. In: *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics], 2017, no. 3 (21), pp. 66–86.
8. Yashkova T. A. [BRICS as a variant of soft power]. In: *Potentsial sovremennoi nauki* [The Potential of Modern Science], 2014, no. 8, pp. 58–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сунь Юэхуацзю – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: zoezoesun@icloud.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sun Yuehuatsyu – postgraduate student at the Department for Politology of Oriental countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: zoezoesun@icloud.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сунь Юэхуацю. Взаимодействие стран БРИКС: достижения и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 229–236.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-229-236

FOR CITATION

Sun Yuehuatsyu. Interaction Between the Brics Countries: Achievements and Issues. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 229–236.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-229-236

УДК 930:37.014

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-237-241

**ОБРАЗ КРУПСКОЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ:
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.Э. БАГДАСАРЯНА
«КРУПСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА» (М.: МГОУ, 2019. 180 С.)**

Орлов И. Б.

*Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация*

**THE IMAGE OF KRUPSKAYA IN THE CONTEXT OF HISTORICAL TIME:
A REVIEW OF THE BOOK BY V. E. BAGDASARYAN “KRUPSKAYA
AND THE PEDAGOGICAL ERA” (M.: MGOU, 2019. 180 P.)**

I. Orlov

*National Research University, Higher School of Economics
20 ul. Myasnitskaya, Moscow 101000, Russian Federation*

Актуальность опубликованной в издательстве МГОУ монографии определяется не только 150-летним юбилеем видного государственного, общественного деятеля и педагога Надежды Константиновны Крупской, но и характером современных дискуссий о развитии системы образования [2]. В книге реконструируется содержание дискуссий, осуществляемых в мировой и отечественной педагогике в первой трети двадцатого века. В представляемом научном проекте не ставилась задача воспроизвести биографию Крупской, что уже не единожды предпринималось другими исследователями [6; 7; 8]. Скорее, можно говорить об ее интеллектуальной биографии, раскрывающей не столько подробности жизни, сколько характер идейных влияний – от увлечения толстовством до обращения к идеям педагогики дьюистского направления. Показана, в частности, поддержка и инициирование Крупской попыток распространения в советской школе принципов педагогической модели Дж. Дьюи. Представляет интерес анализ идейных конфликтов, в которые она была вовлечена, являясь одной из руководящих фигур в системе Наркомпроса РСФСР.

© СС ВУ Орлов И. Б., 2019.

Предмет исследования В. Э. Багдасаряна даже не сама Крупская, а педагогическая эпоха, породившая основные подходы в развитии педагогики периода модерна, легшие в основание национальных образовательных систем. Восстанавливается исторический контекст выдвижения педагогических теорий Дьюи, Монтессори, Штайнера, Кершенштейнера, Макаренко и др., сопряженность их с общественными идеологиями и политическими проектами. Воззрения Крупской рассматриваются в фокусе связанного с этими фигурами общественного дискурса. Показывается ее личный вклад в генезис советской педагогики.

Особенностью представленной автором версии истории педагогики является рассмотрение ее через призму вариативности антропологических моделей. Педагогическая, и шире – социально-культурная, феноменология общества воспринимается в качестве проекции базового образа человека. Советский проект и его составная часть – советская педагогика трактуется в книге как производная идеи создания нового человека. Крупская представлена в монографии горячим приверженцем нового человекостроительства. Приводятся доводы и аргументы в критике ею «буржуазной школы» и проектные постановки создания коммунистической школы нового типа. В контексте данного противопоставления раскрывается оппозиция коллективистского и индивидуалистического воспитания. Обосновывается вклад Крупской в развитие методологии и методики формирования ценностей коллективизма в советской школе.

Особая востребованность книги обнаруживается в исторических пере-

сказках педагогического дискурса эпохи 1920-х гг. и современных дискуссий о модернизации системы образования. Многие из тех методов, которые преподносятся сегодня в качестве инновационных, обнаруживаются в своем практическом применении еще в период становления советской педагогики. И метод проектов, и практико-ориентированный подход, и система тестирования применялись в 1920-е гг., дав результаты, которые следовало бы оценить для предотвращения допущенных ошибок в будущем. В монографии Багдасаряна предпринимается комплексный разбор того, что удалось и не удалось в рамках советского послереволюционного реформирования в педагогике. И повторение ряда неудачных экспериментов выглядит в свете этого исторического обращения наступанием на одни и те же грабли.

Многие из идей творческого наследия Крупской предстают в авторской трактовке очень по-современному. Теоретики педагогики прошлого как будто лично включаются в современные дискуссии о целях и методах обучения. Осовременивание взглядов Крупской позволяет автору проводить исторические параллели, выявлять константы и переменные педагогической мысли.

Основная концептуальная линия изложения состоит в конфликте в советской педагогике двух моделей – экспериментальной левореволюционной и неоклассической. Крупская являлась активным сторонником левого течения в советской педагогике, которое первоначально доминировало, но в начале 1930-х гг. оказалось подвергнуто широкой критике, включая критику идеологическую. Педагогические дискуссии соотносились с противобор-

ством левой (условно – троцкистской) и сталинской (национал-большевистской) платформы. Политика, как показано в монографии, имела и свои педагогические проекции. Положение о противоборстве этих сил в истории СССР раскрывалось ранее автором в других исследованиях [1; 4; 5]. На этот раз акцентирована для ее раскрытия была взята ниша педагогики.

Невозможно было в книге, посвященной супруге вождя советского государства, пройти и мимо политических фигур советской истории – Ленина, Сталина, Троцкого, Зиновьева, Луначарского, Бубнова. Политики и педагоги оказываются включены в единое социокультурное пространство, что усиливает акценты на связи педагогики и политики. Показаны отношения Крупской с фигурами большой политики, частично – ее включенность в политическую борьбу. Хотя, вероятно, политические аспекты деятельности Крупской и, в частности, ее роли в появлении «Завещания Ленина» требуют специального изучения, присутствуя в монографии скорее в качестве фона.

Монография «Крупская и педагогическая эпоха» продолжает серию исследований автора, связанных с

обоснованием вариативности национальных образовательных систем и их антропологическим измерением [3; 9; 10]. Изучение послереволюционного периода в развитии советского образования имеет в реализации этого замысла важное значение в качестве концентрированного анализа столкновений парадигм цивилизационной традиции российского образования и инокультурных инноваций. Цивилизационная модель образования, как убедительно показывает автор исследования, исторически воспроизводится, модифицируясь в разные исторические эпохи, но сохраняя под новыми вывесками свой идентичный фундамент.

Представленное монографическое исследование обладает потенциальной ценностью и в качестве учебного пособия как по истории России, так и истории педагогики. Соотнесение педагогических дискуссий с историей общественной мысли России и мира в целом, доминирующими идеологиями, безусловно, является важной методологической характеристикой представленной книги, усиливающим ее когнитивный и учебный потенциалы.

Статья поступила в редакцию 30.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В.Э., Волобуев О.В., Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П., Наумов О.Н., Маслов Д.В., Федорченко С.Н., Телицын В.Л. Российская революция: взгляд через столетие (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 22–31.
2. Багдасарян В. Э. Крупская и педагогическая эпоха. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 180 с.
3. Багдасарян В. Э. Образование и тип социума: история, современное состояние, перспективы // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 5. С. 37–45.
4. Багдасарян В. Э. Октябрь 1917-го. Русский проект. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
5. Багдасарян В. Э. Российская революция через призму цивилизационной теории // Великая Российская революционная трансформация: взгляд через 100-летие. Материалы научно-экспертных сессий и Международной конференции. Тверь: СФК-офис, 2017. С. 58–91.

6. Дридзе В. С., Обичкин Г. Д., Манбекова С. У. и др. Надежда Константиновна Крупская. Биография. М.: Политиздат, 1988. 415 с.
7. Млечин Л. М. Крупская. М.: Молодая гвардия, 2014. 364 с.
8. Парфененко Н. Д. Партийная и государственная деятельность Н. К. Крупской (апрель 1917 – январь 1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1973. 25 с.
9. Якунин В. И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Нетесова М. С. Образование как фактор экономического развития. М.: Научный эксперт, 2008. 104 с.
10. Fedulin A., Bagdasaryan V. Historical Variability of Anthropological Models and Categorical Essence of Human Nature // *Bylye Gody*. 2013. № 28 (2). P. 11–17.

REFERENCES

1. V. Bagdasaryan, O. Volobuev, Y. Ierusalimskiy, V. Fedyuk, O. Naumov, D. Maslov, S. Fedorchenko, V. Telitsyn. The Russian Revolution: View Th rough the Century (Round Table). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskies nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2017, no. 5, pp. 22–31.
2. Bagdasaryan V. E. *Krupskaya i pedagogicheskaya epokha* [Krupskaya and the pedagogical era]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019. 180 p.
3. Bagdasaryan V. E. [Education and type of society: history, current state, prospects]. In: *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo* [Social partnership and social policy], 2014, no. 5, pp. 37–45.
4. Bagdasaryan V. E. *Oktyabr' 1917-go. Russkii proekt* [October 1917. Russian project]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 224 p.
5. Bagdasaryan V. E. [The Russian revolution through the prism of civilizational theory]. In: *Velikaya Rossiiskaya revolyutsionnaya transformatsiya: vzglyad cherez 100-letie. Materialy nauchno-ekspertnykh sessii i Mezhdunarodnoi konferentsii* [100 years after the great Russian revolutionary transformation. Materials of the scientific sessions and international conferences]. Tver, SFK-ofis Publ., 2017, pp. 58–91.
6. Dridzo V. S., Obichkin G. D., Manbekova S. U. et al. *Nadezhda Konstantinovna Krupskaya. Biografiya* [Nadezhda K. Krupskaya. Biography]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 415 p.
7. Mlechin L. M. *Krupskaya* [Krupskaya]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 364 p.
8. Parfenenko N. D. *Partiinaya i gosudarstvennaya deyatel'nost' N. K. Krupskoi (aprel' 1917–janvar' 1924): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The political party and state activity of N. K. Krupskaya (April 1917 – January 1924): abstract of a PhD thesis in History]. Kiev, 1973. 25 p.
9. Yakunin V. I., Sulakshin S. S., Bagdasaryan V. E., Netesova M. S. *Obrazovanie kak faktor ekonomicheskogo razvitiya* [Education as a factor of economic development]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2008. 104 p.
10. Fedulin A., Bagdasaryan V. [Historical Variability of Anthropological Models and Categorical Essence of Human Nature]. In: *Bylye Gody*, 2013, no. 28 (2), pp. 11–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, профессор Московского государственного областного университета и Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики;
e-mail: iborlov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor B. Orlov – Doctor of Historical sciences, professor of Moscow Region State University and of National Research University, Higher School of Economics;
e-mail: iborlov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Орлов И. Б. Образ Крупской в контексте исторического времени: рецензия на книгу В. Э. Багдасаряна «Крупская и педагогическая эпоха» (М.: ИИУ МГОУ, 2019. 180 с.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 237–241.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-237-241

FOR CITATION

Orlov I. The Image of Krupskaya in the Context of Historical Time: a Review of the Book by V. E. Bagdasaryan “Krupskaya and the Pedagogical Era” (M.: Mgou, 2019. 180 p.). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 237–241.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-237-241

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 16,25, усл. п.л. 15,25.

Подписано в печать: 18.04.2019. Выход в свет: 24.04.2019. Заказ № 2019/04-01

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А